

LEX RUSSICA

научный юридический журнал

Том 75
№ 7 (188) 2022
ИЮЛЬ

ISSN 1729-5920 (Print)
ISSN 2686-7869 (Online)

Система публичной власти
и интеграция кибернетических
и синергетических подходов
в государственном
управлении

Право устойчивого развития:
понятие, методология.
Трансформация
ESG-повестки в условиях
санкционных ограничений

Методологический потенциал
истории политических
и правовых учений

Постклассическая
рациональность права
в эпоху
постсовременности

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471 (Print), ISSN 2782-1862 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, уже издаваемых Университетом (Lex Russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БОГДАНОВ Дмитрий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КСЕНОФОНТОВА Дарья Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры семейного и жилищного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЕШЕ-ГОЛОВКО Карин — доктор публичного права (Франция), президент Комитас Генциум Франция–Россия,

приглашенный профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

ИСАЕВ Игорь Андреевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

МОРОЗОВ Андрей Витальевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права, информатики и математики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Россия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СТАРИЛОВ Юрий Николаевич — доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной

власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович — кандидат юридических наук, профессор, заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации, генерал-полковник, главный редактор журнала «Наркоконтроль», г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингенский университет

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

ЯРКОВ Владимир Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГРОМОШИНА Наталья Андреевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОМАРОВА Валентина Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 75
№ 7 (188)
июль 2022

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЛЮТОВ Никита Леонидович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Московского государ-

ственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 13.07.2022
Объем 18,36 усл. печ. л. (15,07 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, С. И. Ершова

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Dmitry E. BOGDANOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Daria S. KSENOFONTOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Family and Housing Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Karine BECHET-GOLOVKO — Doctor of Public Law (France), President of the Comitatus Gentium France-Russie, Visiting Professor of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Igor A. ISAEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Andrey V. MOROZOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law, Informatics and Mathematics of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Yuriy N. STARILOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Administrative Law and Administrative Procedural Law of the Voronezh State University, Voronezh, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Aleksandr V. FEDOROV — Cand. Sci. (Law), Professor, Vice-Chairman of the Investigation Committee of the Russian Federation, Colonel General, Editor-in-Chief of the Journal «Drug Enforcement» (Narcocontrol), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS),

University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Vladimir V. YARKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Natalia A. GROMOSHINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Valentina V. KOMAROVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Nikita L. LYUTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Labor and Social Security Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 75
№ 7 (188)
July 2022

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

13.07.2022
Volume: 18,36 conventional printer’s sheets (15,07 author’s sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, S. I. Ershova

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНОЕ ПРАВО / *JUS PRIVATUM*

- Волос А. А.** Аксиология принципов гражданского права в современных условиях 9

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / *JUS PUBLICUM*

- Кулаков Н. А.** Универсальная дефиниция процессуального осмотра как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: юридическая сущность и проблемы законодательного регулирования 19
- Россинский Б. В.** Система публичной власти и интеграция кибернетических и синергетических подходов в государственном управлении 28
- Шаманский Д. А.** Общественно-экономическая формация: проблемы эффективности и низкого уровня антикоррупционной безопасности 40

ТЕОРИЯ ПРАВА / *THEORIA LEX*

- Шахназаров Б. А.** Право устойчивого развития: понятие, методология. Трансформация ESG-повестки в условиях санкционных ограничений 51

ИСТОРИЯ ПРАВА / *HISTORIA LEX*

- Корнев А. В.** Методологический потенциал истории политических и правовых учений 64

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА / *PHILOSOPHIA LEX*

- Честнов И. Л.** Постклассическая рациональность права в эпоху постсовременности 74

КИБЕРПРОСТРАНСТВО / *CYBERSPACE*

- Васильев С. А.** О новых субъектах конституционного права в цифровую эпоху 87
- Малышева И. В.** QR-код как новая правовая реальность 100
- Панкевич Н. В., Руденко В. В.** QR-коды в системе ограничительных мер в период противодействия распространению коронавируса в России: проблемы и перспективы использования 108

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА / *NOVUS LEX*

- Идрисов Х. В.** Медицинская (врачебная) ошибка как источник ятрогенного вреда: вопросы причинно-следственной связи и юридической ответственности 120
- Шеншин В. М.** Административное расследование, проводимое должностными лицами войск национальной гвардии, как институт военного и административного права требует совершенства 131

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА / *PRO ET CONTRA*

- Безбородов Ю. С., Ведель И. А., Халафян Р. М.** Новая философия международного права Рейна Мюллерсона (на англ. яз.) 139
- Мехренцева Н. А., Папулова З. А.** К вопросу о понятийном аппарате российского судостроительства 148

CONTENTS

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

- Volos A. A.** Axiology of the Civil Law Principles in Modern Conditions 9

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

- Kulakov N. A.** A Universal Definition of Procedural Inspection as a Measure to Enforce the Proceedings in Administrative Cases: The Legal Essence and Problems of Legislative Regulation 19
- Rossinskiy B. V.** The System of Public Power and Integration of Cybernetic and Synergetic Approaches in Public Administration 28
- Shamanskiy D. A.** A Socio-Economic Formation: Problems of Efficiency and Low Level of Anti-Corruption Security 40

THEORY OF LAW / THEORIA LEX

- Shakhnazarov B. A.** Law of Sustainable Development: A Concept and Methodology. Transformation of the ESG Agenda in the Context of Sanction Restrictions 51

HISTORY OF LAW / HISTORIA LEX

- Kornev A. V.** Methodological Potential of the History of Political and Legal Doctrines 64

PHILOSOPHY OF LAW / PHILOSOPHIA LEX

- Chestnov I. L.** Postclassical Rationality of Law in the Era of Postmodernity 74

CYBERSPACE / CYBERSPACE

- Vasiliev S. A.** New Subjects of Constitutional Law in the Digital Age 87
- Malysheva I. V.** QR Code as a New Legal Reality 100
- Pankevich N. V., Rudenko V. V.** QR Codes in the System of Restrictive Measures in the midst of Countering the Coronavirus Spread in Russia: Problems and Prospects of Use 108

IMPROVEMENT OF LEGISLATION / NOVUS LEX

- Idrisov H. V.** Medical Error as a Source of Iatrogenic Harm: Issues of Causality and Legal Liability 120
- Shenshin V. M.** Administrative Investigation Conducted by the National Guard Troops Officials as an Institution of Military and Administrative Law Needs to Be Improved 131

DISCUSSION FORUM / PRO ET CONTRA

- Bezborodov Yu. S., Vedel I. A., Khalafyan R. M.** Rein Müllerson's New Philosophy of International Law 139
- Mekhrentseva N. A., Papulova Z. A.** The Question of the Conceptual Apparatus of the Russian Judicial System 148

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.009-018

А. А. Волос*

Аксиология принципов гражданского права в современных условиях

Аннотация. В исследовании рассмотрена проблема принципов гражданского права с концептуальных позиций автора о принципах-методах гражданского права и их аксиологии, а также в связи с современными изменениями социально-экономического и правового характера. Целью исследования стало установление аксиологического значения принципов гражданского права в современных условиях, в том числе с учетом экономико-правовых преобразований, связанных с пандемией коронавируса и цифровизацией общества. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания. Среди них большая роль отведена историко-правовому и сравнительно-правовому методу. Кроме того, активно анализировалась отечественная судебная практика с позиции поставленных в работе проблем. Автором обосновано выделение самостоятельной категории «аксиология принципов гражданского права», предложены ее характерные черты. Была раскрыта аксиология принципов в теоретическом и практическом аспекте. Сделан вывод о том, что аксиологическое значение принципов права является константным и устойчивым, не зависит от исторических или социально-экономических условий. В самых разных ситуациях, в том числе в период пандемии коронавируса или широкой цифровизации общества, принципы гражданского права сохраняют свою ценность и способны решать конкретные теоретические и практические задачи. Существенная роль при этом будет принадлежать педагогической функции принципов. По мнению автора, именно педагогическая функция права в настоящий момент реализуется в меньшей степени, чем остальные. Студентам, а затем и будущим юристам, далеко не всегда удается осуществлять толкование норм законодательства в контексте действия принципов гражданского права, основного смысла законодательства.

Ключевые слова: принципы гражданского права; аксиология права; цифровое право; смарт-контракты; принцип добросовестности; гражданское право; цивилистика; цифровизация общества.

Для цитирования: Волос А. А. Аксиология принципов гражданского права в современных условиях // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 7. — С. 9–18. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.009-018.

Axiology of the Civil Law Principles in Modern Conditions

Aleksey A. Volos, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Private Law, Law Faculty, National Research University «Higher School of Economics»
per. B. Trekhsvyatitelskiy, d. 3, Moscow, Russia, 109028
volosalexey@yandex.ru

Abstract. The study examines the problem of the principles of civil law in the context of the author's conceptual standings concerning the principles and methods of civil law and their axiology, as well as in connection with modern changes of socio-economic and legal nature. The aim of the study was to establish axiological significance of the principles of civil law in modern conditions, including economic and legal transformations associated with

© Волос А. А., 2022

* Волос Алексей Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента частного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Б. Трехсвятительский пер., д. 3, г. Москва, Россия, 109028
volosalexey@yandex.ru

the coronavirus pandemic and digitalization of society. The methodology of the study was based on general scientific and private scientific methods of cognition. Among them, a large role is assigned to the historical-legal and comparative-legal methods. In addition, the author analyzed domestic jurisprudence from the perspective of the problems posed in the paper.

The author substantiates the definition of an independent category «axiology of principles of civil law» and describes its characteristic features. The author elucidated the axiology of principles in theoretical and practical aspects. It is concluded that the axiological meaning of the principles of law is constant and stable, does not depend on historical or socio-economic conditions. In a variety of situations, including the coronavirus pandemic or widespread digitalization of society, the principles of civil law retain their value and are able to solve specific theoretical and practical problems. An essential role in this case will belong to the pedagogical function of the principles. According to the author, it is the pedagogical function of law that is currently being implemented to a lesser extent than the rest functions. Students, and then future lawyers, are not always able to interpret the norms of legislation in the context of the principles of civil law and the basic meaning of legislation.

Keywords: principles of civil law; axiology of law; digital law; smart contracts; principle of good faith; civil law; civics; digitalization of society.

Cite as: Volos AA. Aksiologiya printsipov grazhdanskogo prava v sovremennykh usloviyakh [Axiology of the Civil Law Principles in Modern Conditions]. *Lex russica*. 2022;75(7):9-18. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.009-018. (In Russ., abstract in Eng.).

Значимость принципов гражданского права и необходимость их изучения неоспоримы, подчеркивается фактически всеми цивилистами. При этом проблемы, связанные с понятием, значением, содержанием и системой принципов гражданского права, рассматриваются самыми разными авторами. Показательно, что общего решения или единства хотя бы по некоторым аспектам темы не прослеживается. В этой сложной научной ситуации, когда найти решение проблем не представляется возможным даже при наличии большого количество исследований, необходим новый методологический подход.

Принципы гражданского права существуют не сами по себе: для человека, общества и государства они имеют реальную ценность, на выявление которой должна быть направлена работа современной цивилистики. Принципы выполняют конкретные теоретические и практические функции. Однако возможен и обратный взгляд на проблему. В принципах гражданского права изначально должны быть заложены определенные ценностные установки и направленность на решение фундаментальных и правоприменительных задач. Если же правовой принцип в силу определенных причин не выполняет ту роль, которая ему присуща, он должен быть исключен из перечня принципов. Предложенный вывод важен прежде всего для законодателя, которому следует воздерживаться от непродуманного изменения количества и сущности принципов гражданского права.

Принципы гражданского права следует изучать не столько с позиции их понятия, содержания или системы, как делают многие авторы, сколько с позиции реального назначения и ценности основополагающих начал для законодателя, суда, участников гражданских правоотношений. Подобный подход предложен автором настоящих строк несколько лет назад¹, и с того момента накопился достаточный эмпирический и теоретический материал, который еще больше подтверждает выдвинутую гипотезу. В частности, ситуация с COVID-19 предопределила теоретическую сложность обоснования исключений из действия принципов гражданского права, научная идея которых была описана с позиции аксиологии принципов гражданского права. Другая тенденция последних лет — цифровизация общества. В качестве примера можно привести правовое регулирование отношений, связанных с использованием технологии смарт-контракта. Была предложена концепция правового регулирования таких отношений, основой которой стали принципы гражданского права, их интерпретация через аксиологию.

В настоящем исследовании рассмотрена проблема принципов гражданского права с учетом концептуальных позиций автора о принципах-методах гражданского права и их аксиологии, а также в связи с современными изменениями в обществе социально-экономического и правового характера.

Аксиологию принципов гражданского права следует понимать в качестве определенной

¹ См.: Волос А. А. Принципы-методы гражданского права и их система. М., 2018. С. 114–138.

характеристики принципов, выражающейся в их необходимости, полезности для человека, общества и государства, в возможности достижения с их помощью положительного результата. Значимость предложенной категории существенна. В научной литературе отсутствует системное понимание того, что есть значение принципов. Имеющиеся подходы не всегда обладают свойствами всесторонности и полноты. Очень часто при выявлении назначения принципов авторы рассматривают этот вопрос однобоко: например, с позиции правоприменительного или сугубо теоретического значения. Более того, зачастую наблюдается разноплановое, разностороннее, а в иных случаях даже хаотичное, несистематизированное рассмотрение проблемы значимости принципов гражданского права. Все это может привести к ложной мысли о том, что значение принципов гражданского права неконкретно или неоднозначно.

При этом значимость принципов подчеркивалась многими отечественными авторами еще с XIX в. Например, Г. Ф. Шершеневич писал, что с помощью основных начал «мы предугадываем частные правила на не предусмотренные законодателем случаи»². Е. В. Васьковский рассматривал использование принципов как один из способов толкования и применения гражданских законов³. Кроме того, принципы активно применялись в законодательной деятельности, использовались, например, в процессе кодификации гражданского права⁴.

В. П. Грибанов указывал на особую регулируемую роль принципов гражданского права, которая заключается в определении основного содержания, характера толкования и применения правовых норм отрасли или института права⁵. О том, что принципы «определяют линию судебной и иной юридической практики», писал С. С. Алексеев⁶. Напротив, Г. А. Свердлык в докторской диссертации в большей степени

делает акцент на теоретическом аспекте, указывая, что принципы пронизывают все гражданско-правовые структурные подразделения, по своей сути являются первичными нормами, связаны генетическими и функциональными зависимостями и отличаются самобытностью⁷.

Трудно спорить с приведенными суждениями, а также многими иными мнениями, высказанными в науке. При этом, как легко заметить, рассуждения разновекторные. Чтобы исправить ситуацию, нужно системное представление о принципах гражданского права. Здесь поможет сформированная авторская конструкция аксиологии принципов гражданского права. В таком понимании аксиология содержит два аспекта: теоретический и практический.

Автор статьи полагает, что с теоретической точки зрения принципы гражданского права, являясь фундаментом отрасли гражданского права, выполняют различные функции: системоформирующую, герменевтическую, гносеологическую, коммуникативную, индивидуалистическую, этическую. Практическая значимость принципов различна в зависимости от субъекта, который использует основные начала в своей деятельности (законодатель, суд, иной правоприменительный орган, субъекты гражданского оборота). На основе изложенного подхода возможен всесторонний взгляд на аксиологию принципов гражданского права.

Вопросы аксиологии права неоднократно были в центре внимания зарубежных цивилистических исследований. Аксиология понятий и принципов должна быть необходимой частью анализа права. Так, когда речь идет об аксиологических основах применения закона, нужно найти способ, который вел бы к наиболее справедливому разрешению спорных ситуаций⁸.

В последние годы дискуссии по поводу теоретической роли принципов гражданского права только расширились, хотя, казалось бы, эти

² Шершеневич Г. Ф. Задачи и методы гражданского правоведения. Казань, 1898. С. 13.

³ См.: Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса, 1901. С. 153.

⁴ О кодификации гражданского права в России в XIX в. и о роли принципов гражданского права при ее осуществлении см., например: Пахман С. В. История кодификации гражданского права. СПб., 1876. Т. 2.

⁵ См.: Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 215.

⁶ Алексеев С. С. Структура советского права // Собрание сочинений : в 10 т. М., 2010. Т. 2 : Специальные вопросы правоведения. С. 79.

⁷ См.: Свердлык Г. А. Принципы советского гражданского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1985. С. 21.

⁸ *Dziedziak W.* Axiological Basis for the Application of Law — a Perspective of the Equitable Law // *Studia Iuridica Lublinensia*. 2015. Vol. XXIV, 2. P. 68–69.

вопросы уже были подробно раскрыты в трудах ученых самых разных периодов.

Принципы предопределяют смысл гражданского права и его понимание. Так, частное право основывается на принципе свободы, самоопределении субъекта. Этот принцип выражается в конкретных формах: свободе договора, свободе завещательных распоряжений, свободе вступления в брак, свободе выбора письменной или нотариальной формы сделок и т.п.⁹ Действие принципов, обеспечивающих свободу участников соответствующих отношений, есть отличительная черта частного права в целом.

Рассуждая о ценности отдельных начал и их системы, ученые неизбежно переходят в область аксиологии гражданского права в целом и отдельных его норм. Например, обоснована идея о принципе солидарности в гражданском праве, который «отражает интересы общества и личности как единой социосистемы, что позволяет формировать отношения между членами общества на основе солидарности, а не индивидуализма, когда во имя своей прибыли, своих интересов игнорируются интересы как общества, так и партнеров по договору»¹⁰. Показательно, что авторы тезиса основательно раскрывают свою идею через отдельные положения ГК РФ, что подчеркивает аксиологический аспект принципа.

Говоря непосредственно о принципе солидарности в гражданском праве, следует поддержать необходимость дополнительных дискуссий по нему. Приводимые авторами примеры из Общей и Особенной части ГК РФ свидетельствуют скорее не о солидарности членов общества или о желании ее достичь, а о том, что законодатель стремится найти разумный баланс интересов сторон конкретного правоотношения. Например, цель п. 3 ст. 307 ГК РФ видится не в обеспечении солидарности или формировании единых интересов общества. Положения данного пункта вполне эффективно могут гарантировать интересы сторон «во имя

их прибыли», максимизация которой как раз и возможна в ситуации учета прав и законных интересов друг друга, содействия двух сторон, представления необходимой информации. Однако в любом случае приведенный пример подчеркивает значимость дискуссий в связи с аксиологическим значением принципов гражданского права при понимании права в целом.

Рассуждая о теоретическом значении принципов гражданского права, стоит осветить два момента, которые обычно упускаются из вида. Во-первых, прежде чем говорить о правовом значении и об аксиологии принципов гражданского права, нужно доказать, что то или иное явление — именно принцип. Так, в одной из работ автор отмечает, что «в цивилистической литературе нередко не проводится четкого различия между понятиями “принципы вещного права” и “признаки вещного права”»¹¹. При этом описываются некоторые категории, которые названы принципами, но, по сути, таковыми не являются. Среди них принцип нормативности вещных прав и принцип закрытого перечня вещных прав, которые на самом деле есть признаки вещных прав, но не принципы¹².

Для разрешения проблемы нужно точно выяснить отличительные признаки принципов. Например, принцип как норма высокого уровня абстракции раскрывается через отдельные нормы права. Признак закрытого перечня вещных прав не обладает такой характеристикой, хотя, безусловно, он является важной чертой подотрасли вещного права, и дискуссии по его применимости/неприменимости в России актуальны и значимы.

Во-вторых, каждый принцип гражданского права может иметь свое особое, отличное от других начал, теоретическое предназначение. Так, принцип добросовестности «призван корректировать издержки нормативной системы правового регулирования, когда общая позитивная норма в отдельной конкретной ситуации не соответствует тому результату, который предполагался правом»¹³. Здесь не наблюда-

⁹ Weiling A. *Privatrecht. Eine Einführung*. Wien, 2016. S. 6–8.

¹⁰ Богданов Е. В., Богданова Е. Е., Богданова Д. Е. Принцип солидарности в гражданском праве России // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 37.

¹¹ Семякин М. Н. Принципы вещного права в контексте реформирования российского гражданского законодательства // Российский юридический журнал. 2021. № 4. С. 118.

¹² См.: Семякин М. Н. Указ. соч. С. 118–130.

¹³ Нам К. В. Принцип добросовестности как правовой принцип // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 2. С. 100.

ется противоречия. Каждый принцип гражданского права обладает как общей, так и специальной аксиологической характеристикой.

Теоретическая роль принципов права стала объектом дискуссий в связи с современными условиями и изменениями. Началось всё с процессуальных вопросов, которые возникли в ситуации тех ограничений, с которыми Россия живет уже с начала 2020 г. Так, «исходя из вызванного пандемией ограничения личного процессуального общения, но преследуя цель разрешения дела, суды применили аналогию права, создав новые правила, не противоречащие, а, наоборот, соответствующие в полной мере основным принципам гражданского процессуального права»¹⁴.

Вместе с тем главная роль принципов гражданского права стала раскрываться при обсуждении проблем цифровизации и права. И здесь всё чаще появляются идеи о том, что «в условиях недостатка нормативного регулирования соответствующие принципы права являются востребованными источниками права для разрешения потенциальных конфликтов интересов»¹⁵. Есть мнение, что «в условиях, когда пересматриваются основные категории гражданского права — субъекты (идентификация личности), объекты (токенизация), сделки (способы волеизъявления в цифровой экономике), исполнение обязательств (смарт-контракты), основное, что у права останется неизменным, — это его принципы»¹⁶.

Как видим, автор уверен в том, что принципы права не только не будут вступать в противоречие с современными процессами, но и будут востребованы при регулировании вновь возникающих отношений. Вместе с тем сложно в полной мере согласиться с предложенными выводами о том, что сейчас «пересматриваются основные категории гражданского права». Действительно, происходит определенная трансформация содержания отдельных понятий, а также признание технической вариативности при осуществлении прав и исполнении обязанностей. Например, появляются новые возможности по идентификации личности, но они нереляционны (по крайней мере пока) изме-

нению теории субъектов права. Токенизация также пока не привела к существенному изменению представлений об объектах гражданских прав, ведь их перечень традиционно неисчерпывающий и может быть дополнен в связи с изменением социально-экономических условий, что и произошло, например, пару веков назад с таким объектом, как интеллектуальная собственность.

Тот факт, что смарт-контракты автором вынесены в качестве примера пересмотра категории «исполнение обязательств», также иллюстрирует спорность суждений, поскольку далеко не факт, что смарт-контракт предполагает особенности именно исполнения обязательств. Многие ученые и специалисты видят смарт-контракт в качестве инструмента, предполагающего особенности в заключении договора и гарантирующего неизменность его условий.

Таким образом, следует поддержать вывод о неизменности принципов гражданского права. Однако именно то, что они «неизменны», позволяет отказаться от фундаментального пересмотра основных категорий гражданского права (субъект, объект и др.). С учетом толкования принципов права и вновь возникающих социально-экономических условий следует говорить лишь о трансформации содержания самих принципов и этих категорий.

Указанной сейчас трансформации подвергаются многие категории, даже этика права. Среди особенностей развития этики применительно к цифровой среде выделено «различное влияние этики на нормы периферии и ядра». Принципы отнесены к нормам высокого уровня абстракции, «которые если и будут механизированы, то в последнюю очередь»¹⁷. Означает ли это, что принципы совершенно не испытывают на себе влияние цифровизации? Конечно, нет, но принципы, безусловно, имеют «особый статус» в контексте социально-экономических преобразований по сравнению с иными нормами права.

Говоря о теоретической роли принципов гражданского права в период цифровизации общества, нельзя не обратить внимание на дискуссии, происходящие по этому вопросу за

¹⁴ Брановицкий К. Л., Ренц И. Г., Ярков В. В. Судебное правотворчество в условиях пандемии коронавируса: нонсенс или необходимость? // Закон. 2020. № 5. С. 113.

¹⁵ Суворов Е. Д. Применение принципов договорного права к договорным отношениям, осложненным цифровым элементом // Lex russica. 2022. Т. 75. № 1. С. 109.

¹⁶ Суворов Е. Д. Указ. соч. С. 109.

¹⁷ См.: Иванов А. А. Цифровая этика и право // Закон. 2021. № 4. С. 71.

рубежом. Встречаются диаметрально противоположные мнения. Например, о том, что компьютеризация в полной мере соответствует не только принципам права, но и сложившимся в конкретных государствах традициям и обычаям.

В частности, такое утверждение можно встретить среди правоведов, изучающих мусульманское право: «Отличительные особенности смарт-контракта защищают права обеих сторон договора, их интересы, обеспечивают справедливое перераспределение, основанное на доверии, добросовестности, равенстве сторон, то есть на ключевых принципах шариата»¹⁸. Другие авторы (из Великобритании и Нидерландов) обращают внимание, что компьютер будет «беспощаден» к применению принципов равенства и добросовестности¹⁹. Есть и более компромиссный вариант: действие принципа добросовестности продолжается и в случае использования цифровых технологий, правда в ограниченном виде²⁰.

Последнее видится ближе к истине. Тот факт, что компьютер будет «равнодушен» или «беспощаден» к принципам права, очевиден, по крайней мере на данном этапе развития технологий. Вместе с тем это вовсе не означает, что такого же мнения будет придерживаться правоприменитель. В противном случае возникло бы нарушение формальных правил ст. 1 ГК РФ. При всей сложности судебной защиты сторон суды должны реагировать на грубейшие нарушения сторон при использовании технологий вне зависимости от правильности или неправильности технических программ. Главной задачей в настоящий момент видится разработка гарантий по судебной и иной защите участников цифровых отношений.

Не менее важен и практический аспект аксиологии принципов гражданского права. В ситуации существенных изменений социально-экономических условий, ускоренных про-

цессами цифровизации общества и пандемии коронавируса, встает вопрос о том, насколько общепризнанные принципы актуальны и применимы и нет ли необходимости трансформации их системы и содержания. О практической роли принципов гражданского права стали в последнее время упоминать всё чаще различные ученые, в том числе те, кто имел опыт работы в судах (в частности, А. А. Иванов, С. В. Сарбаш). Действительно, сейчас вряд ли многие рискнут утверждать, что принципы гражданского права имеют лишь сугубо теоретическую ценность, не связанную с практикой и реальной жизнью. Наоборот, авторы пытаются систематизировать различные дела, в которых суд разрешил спор на основании принципов²¹.

Однако куда более важными стали выводы о процессе совершенствования практики, связанной с применением судами принципов гражданского права, о конкретных проблемах именно по данному вопросу. Таким образом, особенность применения судами принципов постепенно становится отдельным вопросом научных исследований.

Так, С. В. Сарбаш выделил «девиантные практики использования принципов при мотивировке судебного решения», среди которых неконкретная отсылка, избыточность ссылки на принципы, ссылка не на те принципы, которые релевантны, неумение или нежелание подробно отражать в тексте судебного акта рассуждения «от принципов», игнорирование судами ссылки сторон на принципы права, необоснованное ограничение принципов²².

Подчеркивая важность подобных выводов, следует сказать, что большая часть проблем при использовании принципов гражданского права вызвана неумением грамотно их применять, толковать, выяснять суть. Для конкретной отсылки или ссылки на «правильный принцип» суду вряд ли достаточно будет буквального толкования законодательства, это более слож-

¹⁸ Alam N., Gupta L., Zamani A. *Fintech and Islamic Finance: Digitalization, Development and Disruption*. Palgrave Macmillan, 2019. P. 129.

¹⁹ Durovic M., Janssen A. *The Formation of Smart Contracts and Beyond: Shaking the Fundamentals of Contract Law?* 2018. September. P. 23.

²⁰ Herian R. *Legal Recognition of Blockchain Registries and Smart Contracts*. Paris, 2018. P. 22.

²¹ Попытку систематизации по отдельным вопросам практики предложил С. В. Сарбаш, см.: Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. С. 109 и сл.

²² См.: Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 116 и сл.

ная задача, требующая погружения в историю, доктрину, судебную практику по различным делам. Вместе с тем по ряду аспектов можно и поспорить с мнением С. В. Сарбаша. Так, сложно согласиться с тем, что «избыточность ссылки на принципы» есть девиантная практика. Усиление аргументации по делу — важная часть решения суда, которая показывает, насколько отдельные примененные по делу нормы права соответствуют всей системе права, основанной на принципах. Кроме того, противоречивость права приводит к тому, что часто для правильного разрешения дела одного (специального) аргумента недостаточно. Следует использовать и принципы.

Надо сказать, что принципы гражданского права продолжают быть эффективным инструментом разрешения ситуаций, когда закон не дает конкретного решения кейса. Так, в недавнем Обзоре судебной практики Верховный Суд РФ был вынужден признать, что закон о банкротстве прямо не регулирует вопрос о возможности последующего изменения кредитором своего выбора способа распоряжения требованием к субсидиарным ответчикам и это обстоятельство не позволило судам произвести процессуальную замену должника на его кредитора. Однако отсутствие прямого правового регулирования может быть восполнено общими нормами-принципами гражданского права, поскольку правоотношения по процессуальному правопреемству производны от их материального содержания, а в данном случае материальные правоотношения между кредитором и должником по имущественным требованиям относятся к сфере действия гражданского законодательства²³.

Вместе с тем судебная практика не может быть в стороне от новых социально-экономических процессов. И здесь роль принципов гражданского права и правильного их толкования только возрастает. Например, в довольно сложной ситуации оказался Верховный Суд РФ при решении вопроса о том, как должно применяться гражданское законодательство в

условиях ограничений, вызванных пандемией COVID-19. Сам факт ограничения прав в связи со сложившейся эпидемиологической обстановкой и порядок установления исключений из действия принципов гражданского права, которые реально и широко применялись, еще должен стать объектом отдельных теоретических дискуссий. Однако несомненно, что принципы гражданского права использовались для разрешения ряда ситуаций.

Так, возник вопрос, распространяется ли мораторий на начисление неустоек на собственников и пользователей нежилых помещений в многоквартирном доме. Учитывая, что понятие платы за жилое помещение и коммунальные услуги равным образом относится к собственникам и пользователям как жилых, так и нежилых помещений в многоквартирных домах, на поставленный вопрос Верховный Суд РФ дал положительный ответ²⁴. Думается, что иное толкование норм законодательства привело бы к нарушению принципа равенства участников жилищных отношений.

Сегодня, как показывают выступления высших государственных лиц государства и направления большинства научных исследований, основным трендом является цифровизация общества, в том числе с правовых позиций. Например, после выступления В. В. Путина начался новый виток дискуссий по поводу правового режима криптовалют²⁵. Однако судебной практики, которая могла бы стать эмпирической базой для исследований и образцом для участников оборота, практически нет. Вместе с тем суды нередко пытаются обосновать допустимость рассмотрения криптовалют в качестве объекта гражданских прав, хотя бы потому, что иное не предусмотрено ГК РФ.

Так, суд кассационной инстанции отменил решения нижестоящих судов о том, что отношения по поводу криптовалюты не могут быть объектом гражданско-правового регулирования. Кассация отметила, что на «момент возникновения спорных правоотношений цифровая валюта де-факто существовала, имела

²³ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2021), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2021 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 10.

²⁴ См.: Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 3, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.02.2021 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 4.

²⁵ См., например: Путин отметил конкурентные преимущества России в майнинге криптовалют // URL: <https://ria.ru/20220126/mayning-1769647271.html> (дата обращения: 29.01.2022).

некую экономическую ценность, с ней могли совершаться операции по покупке, продаже, обмену, в том числе на вещи, лицами, имеющими материальный интерес в таких операциях». Кроме того, сделан акцент на диспозитивности гражданско-правового регулирования, открытости перечня объектов по ст. 128 ГК РФ и возможности применения аналогии закона и аналогии права²⁶. До этого Верховный Суд РФ фактически подтвердил, что отношения по поводу криптовалюты — законные и имущественные. По одному из дел сделан такой вывод: передав свое имущество (криптовалюту) взамен полученных денежных средств, гражданин преследовал определенную экономическую цель, заключив сделки по продаже криптовалюты. Таким образом, имелись правовые основания для получения денежных средств²⁷.

По данным двум делам суд не писал в решении, что оно основано на «принципах гражданско-правового регулирования». Возможно, с политико-правовой точки зрения в отсутствие окончательного решения по поводу запрета (регулирования, свободного обращения) криптовалют в России такая аргументация формально была бы не слишком удачной. Иначе пришлось бы утверждать, что гражданский оборот криптовалют допустим в соответствии с принципами гражданского права. Вместе с тем суды в приведенных случаях фактически сделали такой вывод. Действительно, среди основных принципов гражданского права свобода договора, автономия воли сторон, которые позволяют заключать сделку постольку, поскольку иное не указано в законе. Таким образом, на сегодня нет причин отрицать возможность гражданского оборота криптовалют на основании принципов гражданского права, смысла законодательства и, как следствие, аналогии права.

Несмотря на все сказанное, в литературе иногда можно встретить некоторые сомнения в том, что принципы права могут быть непосредственно использованы судом. Например,

есть мнение, что они не формируют перспективу высоких темпов их использования. Ввиду их важной роли в качестве стандартов обобщения они используются, только если не применяются другие источники²⁸. Однако и здесь автор вынужден признать, что правовые принципы являются для судей единственным доступным источником права при рассмотрении отношений, не регулируемых каким-либо положительным писанным законом²⁹. В таких случаях не только в России, но и во многих странах мира лишь общий принцип может быть использован для разрешения дела по существу.

Обсуждая аксиологию принципов гражданского права, нельзя не сказать о юридическом образовании, которое сочетает в себе теоретический и практический аспект. Уместно будет привести мнение профессора права из Гамбурга, который выделил самостоятельную педагогическую функцию принципов гражданского права: они могут оказать значительную помощь студенту при изучении права, помогают придать закону более понятный вид с высоты птичьего полета сложной области права³⁰.

К сожалению, именно педагогическая функция права в настоящий момент реализуется в меньшей степени, чем остальные. Студентам, а затем и юристам, далеко не всегда удается осуществлять толкование норм законодательства в контексте действия принципов гражданского права, основного смысла законодательства.

Таким образом, проведенное исследование показало, что принципы гражданского права имеют собственную аксиологию, которая выражается в теоретическом и практическом аспектах. Каждый из этих аспектов не в полной мере раскрыт в действительности. Для решения указанных проблем следует начинать с педагогической функции принципов, глубокого их обсуждения и анализа, понимания права с позиции не его норм, а прежде всего принципов и смысла. При этом аксиологическое значение принципов является константным и устойчивым, не зависит от исторических или социально-эконо-

²⁶ См.: определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.06.2021 № 88-10336/2021 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 02.02.2021 № 44-КГ20-17-К7, 2-2886/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁸ Jordan D. Legal Principles, Legal Values and Legal Norms: are they the same or different? // *Academicus. International Scientific Journal*. 2010. July. P. 109–110.

²⁹ Jordan D. Op. cit. P. 109–110.

³⁰ Drobniġ U. General Principles of European Contract Law // *International Sale of Goods: Dubrovnik Lectures*, Oceana / P. Sarcevic & P. Volken eds. 1986. Ch. 9. P. 305–332.

мических условий. В самых разных условиях, в том числе в период пандемии коронавируса или широкой цифровизации общества, принципы гражданского права сохраняют свою ценность и способны решать конкретные теоретические и практические задачи.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев С. С.* Собрание сочинений : в 10 т. Т. 2 : Специальные вопросы правоведения. — М. : Статут, 2010. — 471 с.
2. *Богданов Е. В., Богданова Е. Е., Богданова Д. Е.* Принцип солидарности в гражданском праве России // Журнал российского права. — 2016. — № 11. — С. 37–45.
3. *Брановицкий К. Л., Ренц И. Г., Ярков В. В.* Судебное правотворчество в условиях пандемии коронавируса: нонсенс или необходимость? // Закон. — 2020. — № 5. — С. 107–117.
4. *Васьковский Е. В.* Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. — Одесса : Экон. тип., 1901. — 376 с.
5. *Волос А. А.* Принципы-методы гражданского права и их система. — М. : Юстицинформ, 2018. — 258 с.
6. *Грибанов В. П.* Осуществление и защита гражданских прав. — М. : Статут, 2001. — 411 с.
7. *Иванов А. А.* Цифровая этика и право // Закон. — 2021. — № 4. — С. 67–73.
8. *Нам К. В.* Принцип добросовестности как правовой принцип // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2020. — № 2. — С. 88–103.
9. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : М-Логос, 2020. — 1469 с.
10. *Пахман С. В.* История кодификации гражданского права. Т. 2. — СПб. : Тип. 2 Отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1876. — 495 с.
11. *Свердлов Г. А.* Принципы советского гражданского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1985. — 33 с.
12. *Семякин М. Н.* Принципы вещного права в контексте реформирования российского гражданского законодательства // Российский юридический журнал. — 2021. — № 4. — С. 118–130.
13. *Суворов Е. Д.* Применение принципов договорного права к договорным отношениям, осложненным цифровым элементом // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 1. — С. 109–121.
14. *Шершеневич Г. Ф.* Задачи и методы гражданского правоведения. — Казань : Типо-литография Императорского университета, 1898. — 46 с.
15. *Alam N., Gupta L., Zamani A.* Fintech and Islamic Finance. Digitalization, Development and Disruption. — Palgrave Macmillan, 2019. — 178 p.
16. *Dziedziak W.* Axiological Basis for the Application of Law — a Perspective of the Equitable Law // Studia Iuridica Lublinensia. — 2015. — Vol. XXIV, 2. — 2015. — P. 49–71.
17. *Drobniг U.* General Principles of European Contract Law // International Sale of Goods: Dubrovnik Lectures, Oceana / P. Sarcevic & P. Volken eds. — 1986. — Ch. 9. — P. 305–332.
18. *Durovic M., Janssen A.* The Formation of Blockchain-based Smart Contracts in the Light of Contract Law // 26 European Review of Private Law. — 2018. — Iss. 6. — P. 753–771.
19. *Jordan D.* Legal Principles, Legal Values and Legal Norms: are they the same or different? // Academicus. International Scientific Journal. — 2010. — July. — P. 109–115.
20. *Herian R.* Legal Recognition of Blockchain Registries and Smart Contracts. — Paris : The Open University Law School, 2018. — 48 p.
21. *Weilinger A.* Privatrecht. — Eine Einführung. — Wien, 2016. — 318 (358) S.

Материал поступил в редакцию 6 февраля 2022 г.

REFERENCES

1. Alekseev SS. *Sobranie sochineniy v 10 t. [Collected works: in 10 vols.]. Vol. 2: Special issues of jurisprudence.* Moscow: Statut Publ.; 2010. (In Russ.).
2. Bogdanov EV, Bogdanova EE, Bogdanova DE. Printsip solidarnosti v grazhdanskom prave Rossii [The Principle of Solidarity in the Civil Law of Russia]. *Journal of Russian Law.* 2016;11:37-45. (In Russ.).
3. Branovitsky KL, Renz IG, Yarkov VV. Judicial Rule-Making in the context of Coronavirus Pandemic: Absurdity or Necessity? *Zakon.* 2020;5:107-117. (In Russ.).
4. Vaskovsky EV. *Tsivilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanskikh zakonov [The doctrine of the interpretation and application of civil laws].* Odessa: Ekon. tip. Publ.; 1901. (In Russ.).
5. Volos AA. Printsipy-metody grazhdanskogo prava i ikh sistema [Principles-methods of civil law and their system]. Moscow: Justicinform Publ.; 2018. (In Russ.).
6. Gribanov VP. *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav [Implementation and protection of civil rights].* Moscow: Statut Publ.; 2001. (In Russ.).
7. Ivanov A. A. tsifrovaya etika i pravo [Digital Ethics and Law]. *Zakon.* 2021;4:67-73. (In Russ.).
8. Nam KV. Printsip dobrosovestnosti kak pravovoy printsip [Good Faith Principle as a Legal Principle]. *Herald of Commercial Justice of Russia.* 2020;2:88-103. (In Russ.).
9. Karapetov AG, editor. Asoskov AV, Baybak VV, Bevzenko et al. *Osnovnye polozheniya grazhdanskogo prava: postateynnyy kommentariy k statyam 1–16.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Basic provisions of civil Law: annotated commentary to Articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation] [Online].* Moscow: M-Logos Publ.; 2020. (In Russ.).
10. Pakhman SV. *Istoriya kodifikatsii grazhdanskogo prava [The history of the codification of civil law]. Vol. 2.* St. Petersburg: Typ. of the 2nd Dep. of His Imperial Majesty Chancery; 1876. (In Russ.).
11. Sverdlyk GA. Printsipy sovetskogo grazhdanskogo prava: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Principles of Soviet civil law: Author's abstract. Moscow; 1985. (In Russ.).
12. Semyakin MN. Printsipy veshchnogo prava v kontekste reformirovaniya rossiyskogo grazhdanskogo zakonodatelstva [The Principles of Property Law in the Context of Reforming Russian Civil Legislation]. *Russian Juridical Journal.* 2021;4:118-130. (In Russ.).
13. Suvorov ED. *Primenenie printsipov dogovornogo prava k dogovornym otnosheniyam, oslozhnennym tsifrovym elementom [Application of the Principles Of Contract Law To Contractual Relations Complicated By A Digital Element].* *Lex russica.* 2022;75(1):109-121. (In Russ.).
14. Shershenevich GF. *Zadachi i metody grazhdanskogo pravovedeniya [Tasks and methods of civil law].* Kazan: Typo-lithography of the Imperial University; 1898. (In Russ.).
15. Alam N, Gupta L, Zamani A. *Fintech and Islamic Finance. Digitalization, Development and Disruption.* Palgrave Macmillan; 2019.
16. Dziedziak W. *Axiological Basis for the Application of Law — a Perspective of the Equitable Law.* *Studia Iuridica Lublinensia.* 2015;24(2):49-71.
17. Drobniq U. *General Principles of European Contract Law. International Sale of Goods: Dubrovnik Lectures, Oceana.* Ch. 9. 1986. Pp. 305–332.
18. Durovic M, Janssen A. *The Formation of Blockchain-based Smart Contracts in the Light of Contract Law.* *European Review of Private Law.* 2018;26(6):753-771.
19. Jordan D. *Legal Principles, Legal Values and Legal Norms: are they the same or different?* *Academicus. International Scientific Journal.* 2010;July:109-115.
20. Herian R. *Legal Recognition of Blockchain Registries and Smart Contracts.* Paris: The Open University Law School; 2018.
21. Weilinger A. *Privatrecht. Eine Einführung.* Wien; 2016.

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.019-027

Н. А. Кулаков*

Универсальная дефиниция процессуального осмотра как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: юридическая сущность и проблемы законодательного регулирования

Аннотация. Статья посвящена проблемам применения такой меры обеспечения по делам об административных правонарушениях, как осмотр. Автор исследует сущность и потенциал осмотра как процессуального средства фиксации и документирования доказательств в рамках производства по делам об административных правонарушениях. Действующее административно-процессуальное законодательство предусматривает два вида осмотров: осмотр места совершения административного правонарушения (ст. 28.1.1 КоАП РФ) и осмотр принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся на них объектов (ст. 27.8 КоАП РФ). При этом в законе четко не определено содержание этих процессуальных действий, их процессуальные цели и основания применения. Кроме того, правовое регулирование проведения осмотра как процессуального действия в рамках дела об административном правонарушении оставляет открытым вопрос и обо всех возможных объектах такого осмотра. Особенности правового регулирования осмотра на сегодняшний день не позволяют применять соответствующую меру во всех необходимых случаях, либо ее применение несет в себе высокие риски признания полученных результатов при рассмотрении дела недопустимыми доказательствами. В качестве решения изложенных проблем предлагается закрепить в административном законодательстве единое унифицированное понятие — процессуальный осмотр. Развивая данное предложение, автор формулирует дефиницию процессуального осмотра, разрабатывает общие процессуальные требования к его проведению. Кроме того, в статье обосновывается тезис о необходимости специального правового регулирования и закрепления специальных процессуальных требований к проведению процессуального осмотра веб-страниц (страниц в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет).

Ключевые слова: административный процесс; административно-процессуальные отношения; доказывание; доказательства; меры обеспечения; административная ответственность; административное правонарушение; осмотр; место происшествия; место административного правонарушения.

Для цитирования: Кулаков Н. А. Универсальная дефиниция процессуального осмотра как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: юридическая сущность и проблемы законодательного регулирования // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 7. — С. 19–27. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.019-027.

© Кулаков Н. А., 2022

* Кулаков Николай Андреевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России
ул. Летчика Пилутова, д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 198206
2-kvadrat@mail.ru

A Universal Definition of Procedural Inspection as a Measure to Enforce the Proceedings in Administrative Cases: The Legal Essence and Problems of Legislative Regulation

Nikolay A. Kulakov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Administrative Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
ul. Letchika Pilyutova, d. 1, St. Petersburg, Russia, 198206
2-kvadrat@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the problems of applying such a security measure in cases of administrative offenses as inspection. The author explores the essence and potential of inspection as a procedural means of recording and documenting evidence in the framework of proceedings on administrative offenses. The current administrative procedure legislation provides for two types of inspections: inspection of the place of commission of an administrative offense (Article 28.1.1 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation) and inspection of premises, territories and objects located on them belonging to a legal entity or individual entrepreneur (Article 27.8 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation). At the same time, the content of these procedural actions, their procedural goals and grounds for application are not clearly defined in the law. In addition, the legal regulation of the inspection as a procedural action in the framework of an administrative case leaves open the question of all possible objects of such an inspection. Currently, the peculiarities of the legal regulation of the inspection do not allow the appropriate measure to be applied in all necessary cases. Moreover, its application carries high risks of recognizing the results obtained during the examination of the case as inadmissible evidence. As a solution to the above problems, it is proposed to consolidate in the administrative legislation a single unified concept — procedural inspection. Developing this proposal, the author provides the definition of a procedural inspection, develops general procedural requirements for its conduct. In addition, the paper substantiates the thesis about the need for special legal regulation and consolidation of special procedural requirements for conducting a procedural inspection of web pages (pages in information and telecommunications networks, including the Internet).

Keywords: administrative procedure; administrative-procedural relations; proof; evidence; security measures; administrative responsibility; administrative offense; inspection; scene of the incident; place of administrative offense.

Cite as: Kulakov NA. Universalnaya definitsiya protsessualnogo osmotra kak mery obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh: yuridicheskaya sushchnost i problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya [A Universal Definition of Procedural Inspection as a Measure to Enforce the Proceedings in Administrative Cases: The Legal Essence and Problems of Legislative Regulation]. *Lex russica*. 2022;75(7):19-27. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.019-027 (In Russ., abstract in Eng.).

Институт административной ответственности как самостоятельный вид юридической ответственности занимает особое место в отечественной юридической науке и практике. Данный институт содержит в себе значительный правоохранный потенциал, представляет собой совокупность эффективных средств воспитания правовой культуры и правомерного поведения в обществе.

Цели административного наказания — частная и общая превенция административных правонарушений — достигаются путем воздействия на субъекта, который осознает противоправность той или иной модели поведения и реальную возможность наступления для него негативных последствий. Причем такое воздействие может носить как прямой (когда меры административной ответственности применя-

ются непосредственно к правонарушителю), так и опосредованный характер (когда административное наказание применяется в отношении постороннего для окружающих лица, но эффект от такого применения воздействует на их сознание и формирует стремление к правомерному поведению с целью избежать возможных санкций уже в их отношении).

Вместе с тем позитивный социальный эффект административной ответственности снижается под воздействием целого ряда факторов, которые в своей совокупности не позволяют обеспечить принцип неотвратимости административной ответственности и, как следствие, формируют у отдельных представителей социума чувство безнаказанности. Безусловно, правы специалисты, отмечающие, что склонность к дальнейшему совершению

административных правонарушений нередко формируется в результате чрезмерно мягких административных наказаний или невозможности их применить¹. К числу факторов, снижающих эффективность института административной ответственности в целом, можно отнести недостаточную интенсивность воздействия санкции, назначаемой правонарушителю (мягкость санкции в сравнении с опасностью совершенного правонарушения либо в сравнении с доходом правонарушителя), пассивность органов административной юрисдикции при выявлении и пресечении административных правонарушений, проблемы фактического исполнения отдельных административных наказаний (таких как административное выдворение) и др.

Отдельно в числе снижающих эффективность административной ответственности факторов следует выделить недостатки административно-процессуального законодательства, которые препятствуют установлению объективной истины по делу и не позволяют рассмотреть его всесторонне и своевременно. Одной из проблем является правовое регулирование применения такой меры административно-процессуального обеспечения, как осмотр. На сегодняшний день процессуальный раздел КоАП РФ предусматривает два самостоятельных вида осмотра: осмотр места совершения административного правонарушения (ст. 28.1.1 КоАП РФ) и осмотр принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся на них объектов (ст. 27.8 КоАП РФ).

В силу прямого указания законодателя в ст. 28.1.1 КоАП РФ первое из перечисленных процессуальных действий проводится исключительно в связи с совершением административного правонарушения в области безопасности дорожного движения, которое повлекло наступление последствий в виде вреда здоровью легкой или средней степени тяжести (ст. 12.24; ч. 2 ст. 12.30 КоАП РФ). Таким образом, применить анализируемый вид осмотра в целях фиксации и документирования обстоятельств иных видов административных правонарушений закон не позволяет.

Осмотр территорий и помещений, предусмотренный в ст. 27.8 КоАП РФ, напротив, может быть применен в рамках производства по различным составам Особенной части КоАП РФ. Тем не менее рассматриваемая мера не является универсальной, так как не может быть применена в отношении объектов, принадлежащих физическим лицам, не обладающим статусом предпринимателя. Спорной будет и законность применения предусмотренного статьей 27.8 КоАП РФ осмотра в отношении территорий и помещений, находящихся в совместном пользовании граждан (например, общедомовых помещений многоквартирных домов) либо в собственности публично-правовых образований.

Необходимо отметить, что проблема регламентации осмотра как процессуального действия в рамках производства по делам об административных правонарушениях обсуждается в научной литературе. Как верно отмечает В. Р. Кисин, статья 27.8 КоАП РФ, регламентирующая проведение осмотра принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся там вещей и документов, не определяет содержания этой меры принуждения, процессуальной цели и оснований ее применения. Может ли быть произведен осмотр помещения, принадлежащего индивидуальному предпринимателю, при совершении им любого административного правонарушения или только связанного с его предпринимательской деятельностью? Могут ли при проведении осмотра помещения вскрываться находящиеся там сейфы, шкафы или предъявляться требования к участвующему в осмотре индивидуальному предпринимателю (представителю юридического лица) о предоставлении доступа к их содержимому или к содержимому электронных носителей информации? Руководствуясь нормами ст. 27.8 КоАП РФ, правоприменители по-разному отвечают на подобные вопросы².

Следует согласиться с тем, что сущность осмотра заключается в чувственном (зрительном, осязательном, обонятельном) обследовании определенных объектов, проводимом для установления обстоятельств, имеющих значе-

¹ Гусев В. А., Дерюга А. Н. Причины снижения эффективности административного наказания // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 4 (58). С. 21.

² Кисин В. Р. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: юридическая природа и недостатки правового регулирования // Административное право и процесс. 2018. № 1. С. 30.

ние по делу³. Указанные признаки отражают юридическое содержание осмотра как процессуального действия. Безусловно, осмотр следует относить к числу мер обеспечения по делу, так как его целью является процессуальная фиксация имеющих доказательственное значение обстоятельств. В конечном счете осмотр, равно как и иные меры обеспечения, направлен на обеспечение своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении.

Важное значение имеет определение объекта осмотра. Учитывая многообразие составов административных правонарушений, широчайший перечень потенциальных предметов, способов и мест их совершения, в рамках соответствующего производства возникает необходимость осмотра не только помещений и территорий, но и отдельных вещей и документов. При этом если предметы материального мира в целом можно осмотреть в рамках осмотра территории или помещения, то вопрос об осмотре нематериальных объектов (прежде всего отображенных в электронном виде в телекоммуникационных сетях) представляется более сложным.

На наш взгляд, нематериальные объекты (в частности, веб-страницы; объективированные в электронном виде результаты интеллектуальной деятельности; операции с цифровыми валютами и др.) могут выступать объектом осмотра, предусмотренного ст. 27.8 КоАП РФ, наряду с объектами материального мира. Однако нет никаких гарантий, что аналогичным образом будут рассуждать должностные лица судебных и административных органов в рамках правоприменительной практики. Как представляется, высока вероятность, что большая часть субъектов правоприменения в принципе не воспримет веб-страницу либо иной нематериальный объект в качестве объекта осмотра, предусмотренного ст. 27.8 КоАП РФ (пусть даже его носитель будет расположен на территории или в помещении индивидуального предпринимателя либо юридического лица).

Вместе с тем осмотр нематериальных объектов в рамках производства по делам об ад-

министративных правонарушений на современном этапе правоприменения становится всё актуальнее. Прежде всего это связано с развитием сети Интернет, а также локальных коммуникационных сетей. Возможности сети Интернет с точки зрения отдельно взятого индивида практически неограниченны. Как следствие, с каждым годом всё больше общественных отношений возникает и развивается в «виртуальном» формате, внутри Сети. Виртуальное пространство становится не только местом удовлетворения информационных и коммуникационных потребностей, но и местом ведения бизнеса, трудовой деятельности. К сожалению, в таких условиях неизбежно и использование киберпространства для совершения различного рода правонарушений.

Высказанный тезис подтверждается динамикой административного законодательства. В частности, мелкое хулиганство теперь в качестве места совершения предусматривает информационно-коммуникационную сеть, в том числе сеть Интернет (ч. 3–5 ст. 20.1 КоАП РФ). То же самое можно сказать и о новых составах правонарушений, предусмотренных в ст. 20.3.1 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» и ч. 2 ст. 20.3.2 «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности» КоАП РФ.

Отдельной разновидностью нематериальных объектов, подлежащих административно-деликтной охране, является интеллектуальная собственность. Как отмечается в научной литературе, к числу наиболее характерных нарушений интеллектуальных прав в глобальной сети относятся:

- распространение литературных и музыкальных произведений без согласия правообладателей;
- введение в оборот контрафактных товаров;
- регистрация доменных имен, вступающих в конфликт с правами на товарные знаки и другие средства индивидуализации, и др.⁴

В контексте сказанного нельзя не упомянуть и о таком современном явлении, как цифровая

³ Мурзина Л. И., Толоконникова А. С. Правовые проблемы осмотра места совершения административного правонарушения // Наука. Общество. Государство. 2019. № 2 (76). С. 46.

⁴ Шугурова И. В. Нарушение исключительных прав в Интернете: вопросы коллизионного регулирования // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 10. С. 45 ; Christie A. F. Private international law issues in online intellectual property infringement disputes with cross-border elements. An analysis of national approaches. Geneva : WIPO, 2015. P. 34 ; Кожемякин Д. В. Доменное имя в системе объектов гражданских прав : монография. М. : Проспект, 2019. С. 123.

валюта (криптовалюта). Еще некоторое время назад в высших органах государственной власти Российской Федерации в качестве приоритетного рассматривался сценарий полного запрета криптовалюты в России. Тем не менее системное исследование данного вопроса в совокупности с беспрецедентным экономико- и финансово-санкционным давлением, оказываемым на Российскую Федерацию, существенно изменили концептуальные подходы к криптовалюте. В соответствии с Концепцией законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют в ближайшее время предполагается внесение изменений в ряд законодательных и подзаконных актов, направленных на формирование в России легального рынка криптовалют⁵. В частности, такие виды деятельности, как организация системы обмена цифровых валют и оперирование валютно-обменными процессами станут лицензируемыми. Очевидно, что осуществление указанных видов деятельности без лицензии, а равно с нарушением лицензионных требований будут образовывать составы правонарушений (в том числе административных), факты которых необходимо будет процессуально фиксировать. Таким образом, перед правоохранительными органами возникнет задача, связанная с осмотром особой разновидности нематериальных объектов — операций с криптовалютами, объективированных в электронном виде.

Отметим, что осмотр объектов в сети Интернет в большинстве случаев эффективнее осуществлять без посещения территорий и помещений, принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю (например, в присутствии понятых или с использованием технических средств фиксации в служебном помещении). Это логично с точки зрения соблюдения принципов экономичности и быстроты административного процесса, особенно учитывая, что далеко не всегда известен владелец интернет-ресурса, подлежащего осмотру (его возможно установить при помощи вспомогательных программных средств непосредственно в ходе осмотра, но на первом этапе он может быть неизвестен в принципе).

Таким образом, в качестве объекта осмотра в рамках производства по делам об административных правонарушениях должны выступать не только территории, помещения или места совершения административного правонарушения, но и любые отдельно взятые объекты. Причем эти объекты могут иметь как материальную, так и нематериальную форму. Данное правило должно четко следовать из законодательной формулировки соответствующей административно-процессуальной нормы.

Обратим внимание на то, что проект Процессуального кодекса об административных правонарушениях, подготовленный Минюстом, в качестве одной из мер административно-процессуального обеспечения предусматривает осмотр места совершения административного правонарушения⁶. Эта новая мера, как предполагается, расширит возможности применения осмотра, предусмотренные действующей статьей 28.1.1 КоАП РФ, и сможет применяться в рамках производства по всем составам административных правонарушений.

Как представляется, разработчики законопроекта стремились к большей универсальности рассматриваемой меры обеспечения. Стремление авторов проекта Процессуального кодекса об административных правонарушениях к универсализации административно-процессуального законодательства — тенденция позитивная. На наш взгляд, универсализация нормативного материала — одна из основных целей кодификации материальных и процессуальных норм об административной ответственности. Избыточная спецификация (как антоним универсализации) правового регулирования производства по делам об административных правонарушениях нередко ставит правоприменителя в тупик, когда он из нескольких сходных по своей сущности правовых средств не может выбрать наиболее подходящее ему в конкретной ситуации.

Избыточная спецификация правового регулирования мер административно-процессуального обеспечения представляет собой формы избыточного административно-правового регулирования в целом. По мнению Ю. Н. Старилова, под термином «избыточный» следует

⁵ Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют // URL: <http://static.government.ru> (дата обращения: 09.02.2022).

⁶ Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Критический взгляд на проекты Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 47.

понимать «сверхдостаточный», «сверхнеобходимый», «не соответствующий задачам и потребностям конкретного административного дела» в конкретных условиях публичного администрирования⁷. Как отмечает специалист, «избыточность» административно-правового регулирования предоставляет возможность для формирования соответствующего мировоззрения уполномоченных должностных лиц, согласно которому в некоторых случаях можно как отступить от установленного порядка совершения административных действий, так и чрезмерно усилить административное воздействие.

Добавим также, что при избыточности правового регулирования конкретной меры административного воздействия у правоприменителя возникают сомнения относительно законности применения такой меры в нестандартной ситуации, хотя бы немного отличающейся от сложившейся практики применения. Это, в свою очередь, снижает активность административной деятельности правоохранительных органов и эффективность противодействия правонарушениям.

Универсализация же правового регулирования, как представляется, предполагает максимальное расширение диапазона воздействия правового средства на регулируемые правоотношения. Необходимо стремиться к такой юридико-технической формулировке правовых норм, которая позволит применять урегулированные этими нормами меры в максимально возможном количестве однотипных либо близких по своей сути ситуаций. Такой подход, на наш взгляд, поможет избежать проблемы подбора наиболее подходящего средства, когда «подходят несколько» или «в полной мере не подходит ни одно». Кроме того, снижение избыточности и излишней спецификации нормативного материала будет способствовать повышению его качества в смысле восприятия и толкования, единообразию правоприменительной практики, снижению числа коллизий между правовыми нормами, «перегруженности» нормативных правовых актов. В каждом конкретном случае важно искать резервы для объединения нескольких норм в одну универсальную. Соответствующие законотворческие решения будут эффективны лишь при условии наличия под ними веского научно-юридического обоснования. Что же касается специфи-

кации правового регулирования, она также может быть эффективна при наличии научного обоснования и при отсутствии признаков избыточности. Важно понимать, что позитивные функции универсализации правового регулирования не отменяют необходимости принятия специальных по отношению к универсальным правовым нормам в конкретных случаях.

Возвращаясь к анализу проекта Процессуального кодекса об административных правонарушениях, отметим, что, несмотря на стремление его разработчиков к универсальности такой меры обеспечения, как осмотр, достичь данной цели им удалось лишь отчасти. Само наименование меры административно-процессуального обеспечения, предусмотренной статьей 4.5 проекта Процессуального кодекса РФ об административных правонарушениях, — осмотр места совершения административного правонарушения — сужает потенциально возможные объекты осмотра. А как, например, быть в ситуации, когда в процессе доказывания по делу возникает необходимость осмотреть территорию или помещение, не являющееся местом совершения правонарушения? Или если необходимо осмотреть веб-страницу?

Если же обратиться к ст. 4.13 анализируемого законопроекта, окончательно становится ясно, что и новый проект Процессуального кодекса не решает поднятую в рамках нашего исследования проблему. Данная статья предусматривает осмотр принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся там вещей и документов. Кроме прочих, возникает и новый вопрос: если местом совершения административного правонарушения является принадлежащее предпринимателю помещение, то какой из двух видов осмотра, предусмотренных проектом Процессуального кодекса, необходимо будет применять? Прямого ответа анализируемый проект не дает, создавая тем самым условия для проблем правоприменительного характера.

На наш взгляд, в процессуальном законодательстве, регламентирующем производство по делам об административных правонарушениях, следует закрепить универсальное понятие процессуального осмотра. В его основу могут быть положены признаки осмотра, сформулированные выше: это чувственное обследо-

⁷ *Старилов Ю. Н.* Из публикаций последних лет: воспоминания, идеи, мнения, сомнения : сборник избранных научных трудов. Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2010. С. 494.

ние объектов, направленное на установление и фиксацию обстоятельств, имеющих значение по делу об административном правонарушении. Дополнить данное определение необходимо указанием на то, что обследование объектов может осуществляться при помощи технических и программно-компьютерных средств, а также уточнением, что объект осмотра может быть как материальным (вещи), так и нематериальным (веб-страницы, операции с криптовалютами и т.п.).

В нормах административно-процессуального законодательства следует уточнить, что при необходимости к проведению процессуального осмотра привлекается специалист, а конструктивная целостность обследуемого объекта может быть нарушена. Важно закрепить процессуальные требования к проведению осмотра, возможные способы фиксации результатов осмотра и содержание документального оформления хода процессуального действия.

При таком подходе законодателя с помощью процессуального осмотра можно будет обследовать места административных правонарушений — любые территории и помещения (за исключением жилых, для принудительного осмотра которых требуется судебное решение), вещи и документы, транспортные средства, веб-страницы и др. Процессуальный осмотр как мера административно-процессуального обеспечения значительно расширит возможности, предусмотренные действующим законодательством в части осмотра места происшествия (ст. 28.1.1 КоАП РФ) и осмотра объектов, принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю (ст. 27.8 КоАП РФ). Сформулированные нами законодательные предложения предполагают отказ от вышеназванных процессуальных мер и их замену такой универсальной мерой обеспечения, как процессуальный осмотр.

При этом особенности отдельных объектов процессуального осмотра могут создавать объективные предпосылки для законодательной спецификации требований к проведению такого осмотра. По нашему мнению, в отдельной законодательной регламентации нуждается обследование веб-страницы как специальный случай применения процессуального осмотра. Процессуальный осмотр веб-страницы оформляется соответствующим протоколом, в котором, помимо общепринятых для данного процессуального документа реквизитов (дата, время и место составления, сведения об участ-

вующих лицах, о применяемой технике и др.), должны быть отражены следующие сведения:

- об индивидуализирующих признаках технического устройства, применяемого при осмотре веб-страницы, и сетевого подключения (например, серийный номер, модель ноутбука, ID и IP-адрес, сведения о провайдере, предоставляющем услуги интернет-связи);
- об объекте процессуального осмотра, а именно сведения о содержании веб-страницы (нескольких веб-страниц). Это сведения о доменном имени, об администраторе доменного имени (который, кстати, в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 до установления иного считается владельцем интернет-сайта), IP-адресе и его соответствии символному адресу сайта. Кроме того, в протоколе должен быть подробно отражен ход процессуального действия и фактическая информация, отраженная на веб-странице.

Отметим также, что законодательное закрепление процессуального осмотра в качестве меры обеспечения по делам об административных правонарушениях следует осуществить унифицированно для целого ряда законодательных актов. Соответствующие изменения в едином юридико-техническом варианте должны быть закреплены не только в КоАП РФ (либо кодифицированном акте, который заменит действующий КоАП РФ), но и в специальных федеральных законах, регламентирующих правовое положение правоохранительных органов — субъектов административной юрисдикции (Федеральный закон «О полиции», Федеральный закон «О войсках национальной гвардии РФ», Федеральный закон «Об обороне» и Устав военной полиции вооруженных сил РФ, Федеральный закон «О ФСБ»). Важно, чтобы внесение соответствующих изменений носило системный одномоментный характер, а закрепляемые понятия имели идентичные формулировки.

В завершение можно сформулировать следующие выводы и предложения:

1. Действующее процессуальное законодательство, регламентирующее производство по делам об административных правонарушениях, не предоставляет должностным лицам достаточных правовых средств фиксации имеющих значение по делу юридических фактов посредством проведения осмотра. Особенности пра-

вового регулирования осмотра по делам об административных правонарушениях либо не позволяют применять соответствующую меру во всех необходимых случаях, либо ее применение содержит в себе высокие риски признания полученных результатов недопустимым доказательством судебными и административными органами.

2. Следует предложить законодателю стремиться к универсализации правового регулирования применения мер административно-процессуального обеспечения в целом и осмотра в частности. Необходимо искать такие юридико-технические формулировки правовых норм, которые позволят применять урегулированные этими нормами меры в максимально возможном количестве однотипных либо близких по своей сути ситуаций.

3. Представляется целесообразным закрепить в административном законодательстве (не

только в кодифицированном акте, регламентирующем производство по делам об административных правонарушениях, но и в специальных законах, регулирующих административную деятельность различных правоохранительных органов — субъектов административно-юрисдикционных полномочий: органов внутренних дел, Росгвардии, ФСБ России и др.) единое унифицированное понятие и содержание процессуального осмотра как меры обеспечения по делам об административных правонарушениях, а также процессуальные требования к его проведению.

4. Особенности отдельных объектов процессуального осмотра могут создавать объективные предпосылки для законодательной спецификации требований к проведению такого осмотра. В частности, в специальной законодательной регламентации нуждается процессуальный осмотр веб-страниц.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гусев В. А., Дерюга А. Н. Причины снижения эффективности административного наказания // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2021. — № 4 (58). — С. 20–25.
2. Кисин В. Р. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: юридическая природа и недостатки правового регулирования // Административное право и процесс. — 2018. — № 1. — С. 29–33.
3. Кожемякин Д. В. Доменное имя в системе объектов гражданских прав : монография. — М. : Проспект, 2019. — 152 с.
4. Мурзина Л. И., Толоконникова А. С. Правовые проблемы осмотра места совершения административного правонарушения // Наука. Общество. Государство. — 2019. — № 2 (76). — С. 45–49.
5. Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Критический взгляд на проекты Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Административное право и процесс. — 2020. — № 8. — С. 44–51.
6. Стариков Ю. Н. Из публикаций последних лет: воспоминания, идеи, мнения, сомнения : сборник избранных научных трудов. — Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2010.
7. Шугурова И. В. Нарушение исключительных прав в Интернете: вопросы коллизионного регулирования // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2017. — № 10. — С. 45–52.
8. Christie A. F. Private international law issues in online intellectual property infringement disputes with cross-border elements. An analysis of national approaches. — Geneva : WIPO, 2015. — 354 p.

Материал поступил в редакцию 4 мая 2022 г.

REFERENCES

1. Gusev VA, Deryuga AN. Prichiny snizheniya effektivnosti administrativnogo nakazaniya [Reasons for reducing the effectiveness of administrative punishment]. *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2021;1(58):20-25. (In Russ.).
2. Kisin VR. Mery obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh: yuridicheskaya priroda i nedostatki pravovogo regulirovaniya [The Measures Supporting the Administrative

- Offence Proceedings: The Legal Nature and the Legal Regulation Deficiencies]. *Administrative Law and Procedure*. 2018;1:29-33. (In Russ.).
3. Murzina LI, Tolokonnikova AS. Pravovye problemy osmotra mesta soversheniya administrativnogo pravonarusheniya [Legal Problems of Inspecting the Place of Administrative Offense]. *Science. Society. State*. 2019;2(76):45-49. (In Russ.).
  4. Shugurova IV. Narushenie isklyuchitelnykh prav v Internetе: voprosy kollizionnogo regulirovaniya [Violation of exclusive rights on the Internet: issues of conflict of laws regulation]. *Intellectual Property. Copyright and Related Rights*. 2017;10:45-52. (In Russ.).
  5. Kozhemyakin DV. Domennoe imya v sisteme obektov grazhdanskikh prav: monografiya [A domain name in the system of objects of civil rights: monograph]. Moscow: Prospect; 2019. (In Russ.).
  6. Sokolov AYu, Lakaev OA. Kriticheskiy vzglyad na proekty Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh i Protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh [A Critical View on Drafts of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the Procedural Code of Administrative offenses of the Russian Federation]. *Administrative Law and Procedure*. 2020;8:44-51. (In Russ.).
  7. Starilov Yu N. Iz publikatsiy poslednikh let: vospominaniya, idei, mneniya, somneniya...: sbornik izbrannykh nauchnykh trudov [From publications of recent years: memories, ideas, opinions, doubts ...: Collection of Selected Scientific Papers]. Voronezh: Publishing House of the Voronezh State University; 2010. (In Russ.).
  8. Christie AF. Private international law issues in online intellectual property infringement disputes with cross-border elements. An analysis of national approaches. Geneva: WIPO, 2015.

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.028-039

Б. В. Россинский*

Система публичной власти и интеграция кибернетических и синергетических подходов в государственном управлении

Аннотация. В статье рассмотрен циклический процесс чередования периодов централизации и децентрализации в государственном управлении СССР и постсоветской России. На основе системно-информационного осмысления государственного управления определены причины этого явления, которые связаны с наличием определенных достоинств и недостатков как в централизации, так и в децентрализации управления. Показано, что реализация того или иного варианта управления определяется его наибольшей востребованностью в конкретной экономической и социальной ситуации. При этом для обеспечения эффективности и устойчивости системы государственного управления, как правило, целесообразно одновременное использование нескольких управленческих вариантов: централизации, частичной децентрализации, самоуправления. Так как централизованные модели связаны с реализацией кибернетических, а самоуправление — синергетических подходов, анализируются сущность кибернетических и синергетических систем управления, их сходство и различия, механизмы их функционирования, особенности присутствующих им каналов обратной системной связи. Рассматриваются перспективы синергетических подходов в государственно-управленческой деятельности. Автор отмечает, что в отличие от кибернетических моделей управления, которые более эффективны в крупных территориальных и производственных структурах, синергетические системы дают ощутимое преимущество для небольших объектов. Серьезным вопросом при интеграции этих двух моделей управленческой деятельности представляется необходимость оптимального сочетания соответствующих информационных ресурсов. В статье показано, что одним из решений проблемы является развитие единой системы публичной власти в Российской Федерации, так как она способна во многом обеспечить интеграцию кибернетических и синергетических подходов в государственном управлении.

Ключевые слова: государственное управление; система государственного управления; органы государственной власти; органы исполнительной власти; местное самоуправление; система публичной власти; кибернетика; синергетика; централизация управления; децентрализация управления; саморегулирование; каналы информационной связи; отрицательная обратная связь; положительная обратная связь.

Для цитирования: *Россинский Б. В.* Система публичной власти и интеграция кибернетических и синергетических подходов в государственном управлении // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 7. — С. 28–39. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.028-039.

© Россинский Б. В., 2022

* *Россинский Борис Вульфович*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
boris.rossinskiy@gmail.com

The System of Public Power and Integration of Cybernetic and Synergetic Approaches in Public Administration

Boris V. Rossinskiy, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Administrative Law and Procedure, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
boris.rossinskiy@gmail.com

Abstract. The paper examines the cyclical process of alternating periods of centralization and decentralization in the state administration of the USSR and post-Soviet Russia. Based on the system-informational understanding of public administration, the author identifies the causes of this phenomenon that are associated with certain advantages and disadvantages in both centralization and decentralization of administration. It is shown that implementation of a particular style of administration is determined by its relevance in a specific economic and social situation. At the same time, in order to ensure the effectiveness and sustainability of the public administration system, it is usually advisable to simultaneously use several administration styles: centralization, partial decentralization, self-government. Since centralized models are associated with the implementation of cybernetic, and self-government — synergetic approaches, the author analyzes the essence of cybernetic and synergetic control systems, their similarities and differences, the mechanisms of their functioning and the features of their inherent feedback channels. The paper examines the prospects of synergetic approaches in public administration. The author notes that unlike cybernetic management models that are more effective in large territorial and industrial structures, synergetic systems provide a tangible advantage for small entities. A serious issue in the integration of these two models of administrative activity is the need for an optimal combination of appropriate information resources. The paper shows that one of the solutions to the problem is the development of a unified system of public power in the Russian Federation, as it is able to largely ensure the integration of cybernetic and synergetic approaches in public administration.

Keywords: public administration; public administration system; public authorities; executive authorities; local self-government; public power system; cybernetics; synergetics; centralization of management; decentralization of management; self-regulation; information communication channels; negative feedback; positive feedback.

Cite as: Rossinskiy BV. Sistema publichnoy vlasti i integratsiya kiberneticheskikh i sinergeticheskikh podkhodov v gosudarstvennom upravlenii [The System of Public Power and Integration of Cybernetic and Synergetic Approaches in Public Administration]. *Lex russica*. 2022;75(7):28-39. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.028-039. (In Russ., abstract in Eng.).

Более чем 80-летний процесс административных реформ в СССР и постсоветской России (с конца 30-х гг. прошлого века) имеет ярко выраженный синусоидальный характер. Начиная с предвоенных лет в стране формировалась достаточно жесткая централизованная система управления, которая, безусловно, сыграла огромную положительную роль в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Однако уже через 10 лет после окончания войны, в 50-е гг., централизованная система стала во многом неэффективной. В связи с этим в период 1957–1964 гг. проводились организационные преобразования в управлении отраслями хозяйства страны, направленные на децентрализацию системы.

Несмотря на положительные моменты той реформы, в целом она привела к явно негативным последствиям в экономике, что во многом обусловило политический кризис 1964 г. и возвращение в конце концов принципов управле-

ния страной на круги своя. В середине 60-х гг. началась регенерация централизованной системы управления, которая обусловила не просто восстановление утраченных качеств старой системы, но и серьезное усиление подобных качеств, появление нового мощного роста централистских тенденций в управлении.

Поскольку централизованное государственное управление, как правило, достаточно эффективно, данный процесс был на первых порах явно прогрессивным. Но тем не менее со временем он во многом стал отрицательно сказываться на состоянии экономики, темпах развития страны в целом, ее отдельных регионов и фактически всех территориальных образований, что к концу 80-х гг. прошлого века потребовало коренных изменений в управлении государством.

С учетом данного обстоятельства абсолютно закономерным был начатый в стране в 90-е гг. прошлого века, уже в условиях российской государственности, новый этап в децентрализации

управления. Он проявился и в приватизации промышленных предприятий, других хозяйствующих субъектов, и в сокращении числа федеральных органов исполнительной власти, и в передаче ряда полномочий из этих органов в органы исполнительной власти субъектов РФ, и в развитии местного самоуправления. Относительно последнего следует напомнить, что статья 12 Конституции Российской Федерации впервые закрепила положения, в соответствии с которыми «в Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление» и оно «в пределах своих полномочий самостоятельно».

Все это, конечно, было достаточно сильным ударом по идее, а главное — практике жесткой централизации. Но уже через 10 лет вновь стал набирать силу очередной виток централизации управления. Концентрировались многие управленческие полномочия непосредственно в центральных аппаратах федеральных государственных органов, прежде всего органов исполнительной власти, в иных федеральных структурах. Сужались полномочия органов исполнительной власти субъектов РФ, многие из которых передавались в территориальные органы федеральных органов исполнительной власти, а в ряде случаев это приводило даже к ликвидации соответствующих органов субъектов РФ. Снижалась реальная самостоятельность органов местного самоуправления, хотя указанные положения ст. 12 Конституции РФ в тот период не подвергались сомнению.

Существует немало различных объяснений цикличности процессов централизации-децентрализации управления как у нас в стране, так и в других странах, суждений о плюсах и минусах того и другого для различных условий существования государств. Но серьезное теоретическое осмысление этого явления стало возможным лишь на основе изучения системно-информационной природы государственного управления.

Интерес к системной сущности и информационным аспектам государственного управления возник у зарубежных и отечественных ученых во второй половине XX в., после появления кибернетики и развития теории информации. Уже отмечали, что в СССР среди юристов соответствующие подходы к государственному управлению начали формировать в основном исследователи, занимавшиеся проблемами административного права¹. Это объясняется тем, что системно-информационные аспекты управления наиболее рельефно проявляются в деятельности исполнительных и распорядительных органов. Рассматривая данную проблему, следует прежде всего обратиться к трудам Ю. М. Козлова², Б. М. Лазарева³, А. Е. Лунева⁴, М. И. Пискотина⁵, Ю. А. Тихомирова⁶. В их работах со всей очевидностью показана необходимость распространения принципов кибернетики на государственное управление. Названные ученые писали о государстве как большой системе с присущей ей разветвленной структурой каналов прямых и обратных информационных связей, соединяющих субъекты и объекты управления.

А уже в наши дни Ю. В. Тихомиров, анализируя организацию управленческой деятельности государственных органов, в том числе обмен информацией между ними, пришел к однозначному выводу, что нельзя «реформировать отдельные стороны государств вне их системных связей». По его мнению, которое полностью поддерживаем, «лишь в этом случае можно избежать как упрощенных представлений о природе, устройстве и функционировании государства, так и ошибок в проведении государственных реформ»⁷.

Изучая работы вышеуказанных авторов и практику государственного управления, мы определили свой подход к описанию этого процесса, что уже подробно излагали в литературе. Кратко напомним, что для системы государственного управления характерно нали-

¹ См.: *Россинский Б. В.* Развитие представлений о предмете административного права // *Административное право и процесс.* 2021. № 5. С. 8–10.

² *Козлов Ю. М.* Предмет советского административного права. М. : Изд. Московского университета, 1967 ; *Он же.* Административное право. М. : Юристъ, 2005.

³ *Лазарев Б. М.* Компетенция органов управления. М. : Юридическая литература, 1972 ; *Он же.* Государственное управление на этапе перестройки. М. : Юридическая литература, 1988.

⁴ *Лунев А. Е.* Теоретические проблемы государственного управления. М. : Наука, 1974.

⁵ *Пискотин М. И.* [и др.] Научные основы государственного управления в СССР. М. : Наука, 1968.

⁶ *Тихомиров Ю. А.* Управление делами общества (Субъекты и объекты управления в социалистическом обществе). М. : Мысль, 1984.

⁷ *Тихомиров Ю. А.* Государство. М. : Норма, 2013. С. 57.

чие как относительно простых каналов прямой связи и обратной связи, так и их комбинаций, имеющих различную, нередко весьма сложную структуру. Существующий механизм управления государством в целом, отдельными отраслями и сферами однозначно свидетельствует, что эффективное управление невозможно без использования всего набора каналов прямой и обратной связи. Обратные связи с точки зрения эффективного государственного управления представляют особую важность, ибо субъекту управления крайне необходима информация о состоянии объекта управления и его реакции на управленческие решения. Потребность в такой информации обусловлена тем, что характер новых указаний субъекта во многом определяется результатами воздействия на систему предыдущих решений. Обратные связи, обеспечивающие прохождение этой информации по системе, служат базой для формирования корректирующего воздействия на систему. Неполный учет субъектами той информации, которая поступает (или в принципе должна поступить) к ним по присущим системе государственного управления обратным связям, ее недооценка и недостаточный анализ приводят к выработке неоптимальных управленческих решений и неэффективности процесса управления⁸.

Интеграция столь большого объема информации, причем поступающей по разнообразным каналам связи, ее надлежащий анализ и выработка управленческого решения невозможны без наличия в системе одного или нескольких достаточно мощных центральных органов управления. При этом, исследуя системные вопросы государственного управления, мы исходили из положения, что даже при нежесткой централизации, а лишь *при сосредоточении подавляющего большинства полно-*

*мочий по управлению системой в ее высшем центральном органе, несмотря на возможное существование параллельно с ним центральных органов отдельных подсистем, следует всё же говорить о реализации принципа централизованного управления*⁹. Если обратиться к системе исполнительной власти России, таким центральным органом в стране является работающее под общим руководством Президента РФ Правительство РФ, параллельно с которым существуют центральные исполнительные органы субъектов РФ (их правительства или администрации), обладающие многими собственными полномочиями. При этом вся система управления страной в настоящее время, в принципе, является достаточно централизованной.

Конечно, с уменьшением концентрации полномочий по управлению системой в ее высшем центральном органе и передачей их в центральные органы отдельных подсистем в целом степень централизации управления в любой системе, в том числе в системе государственного управления, уменьшается, а степень децентрализации увеличивается. Однако, повторяем, и в таком случае все равно необходимо говорить о реализации централизованного управления.

Данные суждения, основанные как на осмыслении управленческих возможностей кибернетических моделей, так и на анализе их реализации в различных сферах человеческой деятельности, полностью соответствуют системному принципу, разработанному еще за несколько десятилетий до создания Винером кибернетики и опубликования его классических трудов¹⁰. В начале XX в. один из основоположников теории систем А. А. Богданов¹¹ сформулировал принцип моноцентризма, который сводится к следующему. Устойчивая система¹² «характеризуется одним центром, а если она

⁸ Подробно об этом см.: Россинский Б. В. Исполнительная власть и государственное управление // *Lex russica*. 2018. № 7. С. 27–28; Он же. Административно-правовые аспекты государственного управления в России. Системные подходы. М.: Норма, 2020. С. 7–16.

⁹ Россинский Б. В. Проблемы государственного управления с позиций теории систем. М.: Норма, 2021. С. 55–56.

¹⁰ Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. 2-е изд. М.: Советское радио, 1968; Он же. Кибернетика и общество. М.: Тайдекс Ко, 2002.

¹¹ Основные его идеи содержались в труде: Богданов А. Всеобщая организационная наука. (Тектология): в 2 т. Т. 1. М., 1913. Т. 2. М., 1917. В статье положение разработанной им теории систем цитируется по современному изданию: Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука / под ред. Г. Д. Гловелли. Изд. 6-е, испр. и доп. М.: Ленанд, 2019.

¹² Выражением «устойчивая система» мы заменили существующее в тексте А. А. Богданова словосочетание «стройно организованная эгрессия». Термин «эгрессия» означает особую связь в системе компонентов, структурную устойчивость.

сложная, цепная¹³, то у нее есть один высший, общий центр», и при этом каждая группа элементов системы «непосредственно связывается с одним ближайшим, а не двумя или несколькими центрами»¹⁴.

К слову отметим, что централизация управления отнюдь не чужда и куда меньшим системам, чем государство, например отдельным организациям.

Выше уже писали, что централизованное государственное управление, как правило, достаточно эффективно. Действительно, без него в подавляющем большинстве ситуаций невозможно решить поставленные задачи. Подобное суждение, соответствующее как положениям кибернетики, теории систем, теории информации, так и современной практике государственного управления, не является плодом интеллектуальных достижений только XX в. О необходимости центрального органа в государстве правители знали и образовывали его задолго до этого. Не приводя здесь многочисленные конкретные примеры, укажем только, что еще Ж.-Ж. Руссо почти 300 лет назад рассуждал о правительстве (верховном управлении) как об органе, обеспечивающем постоянное равновесие в государстве, порядок в нем, связь государства с народом и добрые отношения внутри народа¹⁵. Но современное осмысление этого феномена началось только в век кибернетики и развития информационных процессов.

Однако в централизованном управлении, помимо неоспоримых достоинств, есть и значительные недостатки. Не рассматривая в настоящей статье их детально (во многом это сделано нами ранее¹⁶), приведем лишь два заслуживающие внимания суждения по этому вопросу. Э. В. Фомин и Ю. А. Фомина пишут, что в кибернетической социальной системе «на высший орган управления замыкается не только вся информация о функционировании системы, но и большая часть финансовых и иных ресурсов (вещественно-энергетических) потоков для обеспечения их централизованного распре-

деления между подсистемами и элементами системы»¹⁷. Во многом поэтому, по словам Б. З. Мильнера, централизованные системы медленнее приспосабливаются к изменениям среды и слабее реагируют на новые потребности самой системы, «ограничены в творчестве и инициативе, чтобы эффективно действовать в условиях конкуренции»¹⁸. В больших системах не только высший орган управления, но и другие центральные органы, как правило, не справляются с обработкой и всесторонним анализом необходимой информации, а следовательно, не могут принять правильные решения, в частности обеспечить должное распределение материальных ресурсов между подсистемами и элементами системы.

Этим, собственно, и объясняется цикличность процессов централизации и децентрализации в механизме государственного управления в зависимости от того, какой из них в наибольшей степени востребован в конкретной экономической и социальной ситуации. Всё зависит от основных задач, стоящих перед системой управления в определенный период, и складывающихся в ней условий. С изменением этих задач и условий большие системы, в частности системы государственного управления, могут переходить от жесткой или преимущественной централизации к управлению, основанному на использовании менее централизованных, а иногда и практически децентрализованных моделей, и обратно.

С целью уменьшения частоты таких циклических переходов, их сдерживания в больших системах, в том числе в государствах, как правило, целесообразно одновременное использование централизованных и децентрализованных принципов управления (нередко говорят — смешанного управления), где в целом в централизованной системе реализуются децентрализованные подходы в отношении тех или иных подсистем или отдельных сфер деятельности. О сочетании в системе государственного управления Россией централизованных и децентрализованных начал уже было сказано.

¹³ Под эти термином А. А. Богданов понимал прочное соединение различных групп элементов системы (подсистем) в единую систему.

¹⁴ Богданов А. А. Тектология : Всеобщая организационная наука. С. 403.

¹⁵ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М. : Игмосс Эдишинз, 2012. С. 261–266.

¹⁶ См.: Россинский Б. В. Проблемы государственного управления с позиций теории систем.

¹⁷ Фомин Э. В., Фомина Ю. А. Общий системный подход и социально-экономические системы (от управления к самоорганизации). Книга 2. ЖКХ и местное самоуправление. М. : Ленанд, 2014. С. 20.

¹⁸ Мильнер Б. З. Теория организации : учебник. 8-е изд. М. : Инфра-М, 2013. С. 90.

Однако подобное сочетание, кардинально не отличаясь от жесткого централизованного управления, эффективно лишь для больших системных образований как по территории, так и по иным критериям (численность населения, объем отрасли и др.), что объяснимо исходя из приведенных выше недостатков централизованного управления для отдельных элементов системы. Здесь же добавим, что указанные недостатки наиболее ощутимы для конкретных объектов управления: небольших поселений, муниципальных образований, территорий многоквартирных домов, отдельных предприятий и т.д., ибо каждый из них имеет свои особенности, традиции, специфические проблемы, управленческий опыт, наконец, возможности реализации нестандартных локальных действий. Всё это не способны учитывать центральные органы управления.

Такая неспособность обусловлена прежде всего объемом, громоздкостью и сложностью кибернетической системы, включающей значительное число подсистем, субъектов и объектов управления, а также многочисленные и разнообразные информационные каналы связи. А ведь централизованное управление — это продукт функционирования кибернетической модели.

Как показывает многовековой опыт государственного управления, наиболее эффективными и длительно устойчивыми государственными образованиями (т.е. в значительно меньшей степени склонными к кризисам и разрушениям) являются системы, основанные на интеграции различных подходов к управлению. При этом, во-первых, сочетается централизация и в определенной степени децентрализация управления (прежде всего в отношении входящих в них основных подсистем и отдельных, наиболее важных системных элементов), а во-вторых, применительно к небольшим элементам системы такое смешанное управление осуществляется наряду с самоуправлением.

Если жесткая централизация и смешанная модель, как отмечалось, связаны с кибернетическими подходами к управлению, то самоуправление — с синергетическими принципами¹⁹.

Уже писали, что кибернетика опирается на возможности обратной связи, которая передает субъекту управления информацию об отклонениях в поведении объекта управления (может быть, всей системы) от необходимого состояния или заданного характера функционирования с целью приведения деятельности объекта (всей системы) в соответствие с имеющимися командами или дачи уточненных (корректирующих) команд, отражающих принятые управленческие решения. Это так называемая отрицательная обратная связь, которая, улавливая отличия информационных потоков, направляемых субъектом управления объекту, от потоков, выходящих из объекта управления, передает соответствующие данные субъекту с целью достижения необходимого режима функционирования объекта. Такая обратная связь направлена на уменьшение разницы значений информационного потока, поступающего от субъекта к объекту управления, и информационного потока, выходящего из объекта. Отрицательная обратная связь нацелена свести эту разницу к нулю.

В отличие от кибернетической отрицательной обратной связи, в синергетической модели реализуется обратная связь между выходом и входом одного и того же элемента системы — объекта самоорганизации (самоуправления), который одновременно фактически является и субъектом этой деятельности, ибо здесь нет отдельных субъекта и объекта управления. Подобная связь называется положительной обратной связью, так как она увеличивает влияние входящего в объект самоорганизации (самоуправления) информационного потока на интенсивность выходящего из него потока. При этом нарастание разницы потенциалов, другими словами — работоспособности объекта, обуславливает возможность самостоятельного решения стоящих перед ним задач²⁰.

Исследование механизма нарастания подобной разницы потенциалов, проведенное одним из основоположников синергетики как самостоятельного научного направления Г. Хакеном, позволило ему определить общее свойство всех саморегулируемых (самоуправляющихся) систем — согласованность действий

¹⁹ Синергетика изучает общие принципы самоорганизации для систем различной природы. См.: Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980; Он же. Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М.: Мир, 1985.

²⁰ Более подробно об этом см.: Россинский Б. В. Проблемы государственного управления с позиций теории систем. С. 35–74.

ее элементов²¹. Этим во многом и объясняется возможность самостоятельного решения стоящих перед синергетической системой задач. Такая система, будучи беспорядочной, хаотичной, неравновесной, без чьей-либо помощи способна стать хорошо организованной и добиться нужного управленческого результата. Хакен определил, что синергетика изучает общие закономерности процессов перехода от хаоса к порядку и обратно²².

Интересно отметить, что независимо от выводов Хакена другой ученый, основоположник новаторской теории в области неравновесной термодинамики и механики необратимых процессов, которая фактически стала предтечей синергетики, лауреат Нобелевской премии И. Р. Пригожин, изучая сложнейшие явления природы, подчеркивал, что «источником порядка является неравновесность. Неравновесность есть то, что порождает “порядок из хаоса”»²³.

Возникает естественное сомнение, возможно ли применение синергетических подходов к социальным системам, в частности к системам государственного управления? Такой же вопрос стоял перед учеными три четверти века назад в отношении кибернетики. Ведь свои исследования Винер начал, интересуясь всего лишь управленческими процессами в физиологии (для нужд медицины), а дальнейший толчок развитию его идей дала Вторая мировая война, когда ученому пришлось разрабатывать проблемы автоматического управления техническими средствами вооружения. Между тем уже в его первой книге по кибернетике 1948 г. содержалась глава «Информация, язык и общество»²⁴, а через несколько лет был издан труд, целиком посвященный этим проблемам²⁵. К середине 50-х гг. XX в. кибернетика получила полное признание как наука об общих закономерностях процессов управления в биологических, технических и социально-экономических системах.

Сегодня уже устоялись аналогичные взгляды и на синергетику — во многом благодаря тому, что она также связана с системным подходом.

Причем с точки зрения принципов и законов функционирования систем синергетическая система тождественна кибернетической, они обе являются основополагающими атрибутами управления. Построение и использование синергетических систем, как и кибернетических, позволяет с успехом организовывать должным образом биологические, технические и социально-экономические процессы. Рассуждая о возможностях синергетики для оптимизации социально-экономических процессов, Хакен указывал, что понятие синергетики в принципе не ново, ибо уже давно использовалось, когда изучалась, например, совместная работа различных групп и членов коллектива с точки зрения необходимости повышения производительности труда²⁶.

Представляется, что и кибернетика, и синергетика исходят лишь из разных аксиом, заложенных, по сути дела, в едином системном подходе. Главная идея кибернетической парадигмы связана с утверждением, что системы функционируют на основе управления из центра. Основной постулат синергетической парадигмы — системы функционируют путем согласованных действий их элементов, в результате самоорганизации (самоуправления).

Выше писали, что обеспечить эффективность и устойчивость систем невозможно без сочетания централизованного управления и самоуправления, кибернетических и синергетических подходов. *Однако сложность подобной интеграции в социально-экономической сфере заключается в двух причинах. Первая состоит в том, что многие аспекты синергетической теории пока детально не разработаны, а это проявляется прежде всего при оценке возможностей синергетики именно в данной области, при определении направлений ее использования при организации социальных, в частности юридических, процессов.*

Исследуя реализацию синергетической парадигмы в праве, Г. В. Мальцев писал, что, хотя тема синергетики получила определенное развитие в юридической литературе, вместе с

²¹ Фактически отсюда новая наука и получила свое название, ибо термин «синергия» в переводе с греческого языка означает «совместный, согласованный».

²² См.: Хакен Г. Синергетика.

²³ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса : Новый диалог человека с природой. Изд. 7-е. М. : Едиториал УРСС, 2014. С. 238.

²⁴ Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине.

²⁵ Винер Н. Кибернетика и общество.

²⁶ Хакен Г. Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. С. 381.

тем подобные публикации пока малочисленны, лишены ряда необходимых решений, а иногда даже содержат иллюзии «в отношении перспектив, которые открываются перед правом в связи с принятием методов синергетики»²⁷. Вместе с тем ученый пришел к пониманию, что доказанный для технических и биологических систем факт неизбежности их самоорганизации с целью поддержания порядка в элементах системы и невозможности осуществления такого порядка только средствами управления и регулирования извне, справедлив и для социально-экономических, в том числе правовых, систем²⁸.

Этот вывод подтверждается успешным функционированием многих российских и зарубежных территориальных образований, отдельных предприятий и их объединений, когда правильно организованное взаимодействие населения, членов трудовых коллективов позволяет эффективно решать непростые задачи. Зачастую такая деятельность не только не регулируется государственными структурами, но даже при попытке их вмешательства осуществляется вопреки указаниям, поступающим из центра. Особо это стало проявляться в условиях санкций зарубежных государств в отношении России, уменьшения или отказа от централизованного экспорта в нашу страну тех или иных товаров, изменения логистики. Директивы руководства соответствующих стран нередко игнорируются отдельными фирмами, которые находят свои решения взаимодействия с российскими производителями и потребителями.

Не приводя здесь известные всем примеры, укажем лишь хорошо знакомую нам лично ситуацию. Небольшая фирма, оказывающая посреднические услуги по пошиву российским гражданам модельной одежды в европейских странах, в условиях отсутствия авиационного, железнодорожного, нередко автомобильного транспортного сообщения с зарубежьем за счет собственных производственных связей с коллегами из Германии, Польши, прибалтийских стран прекрасно продолжает свою деятельность. Соответственно, работают и ее зарубежные партнеры, несмотря на негативное отношение правительств этих государств к нашей стране и сокращение, а то и полное прекращение массовых поставок одежды в Россию. На-

лицо успешное саморегулирование, самоуправление, реализация синергетического подхода.

В своей монографии уже отмечали, что во многих городах мира внедрены централизованные автоматизированные системы управления дорожным движением, которые с учетом дорожной ситуации корректируют режимы светофоров, перераспределяют транспортные потоки, увеличивая тем самым пропускную способность дорожной сети. Однако опыт организации дорожного движения свидетельствует, что на определенных пересечениях улиц в то или иное время эффективнее оказывается саморегулирование. При этом светофоры переводят в ручной режим или даже полностью отключают, поручая регулирование сотруднику дорожной полиции. Но вершиной саморегулирования при отсутствии светофоров и полицейских-регулирующих является самостоятельное принятие решений водителями. Исходя из величины заторов на данном и ближайших перекрестках, участках улиц участники движения нередко сами определяют дальнейшие маршруты, что во многом помогает постепенному рассасыванию заторов²⁹. Это тоже успешная реализация синергетического подхода.

Да, описанное выше швейное обслуживание российских граждан осуществимо лишь в ограниченных масштабах. Да, ручное регулирование светофоров, работа регулировщика или саморегулирование водителей возможны только в пределах одного перекрестка, в крайнем случае квартала. Дело в том, что негативной стороной синергетического подхода вообще является его применимость для небольших подсистем и элементов, имеющих относительно низкие количественные параметры, но никак не для крупных систем.

Но мы писали выше, что прекрасно работающая в больших системах кибернетическая модель управления также имеет недостатки, которые наиболее ощутимы как раз в небольших поселениях, муниципальных образованиях, на территориях многоквартирных домов, на отдельных предприятиях. В этой связи как дополнение к централизованному управлению незаменимо и самоуправление, реализация соответствующего синергетического подхода. Саморегулирование (самоуправление) эффек-

²⁷ Мальцев Г. В. Социальные основания права. М. : Норма, 2007. С. 99.

²⁸ Мальцев Г. В. Развитие права: к единению с разумом и наукой. М. : Международный юридический институт, 2005. С. 86–101.

²⁹ Россинский Б. В. Проблемы государственного управления с позиций теории систем. С. 71–73.

тивно на относительно малых объектах, в частности в муниципальных образованиях, но не в регионе страны или стране в целом.

Неслучайно, согласно ст. 10 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — Закон № 131-ФЗ), местное самоуправление осуществляется лишь в городских, сельских поселениях, муниципальных районах, муниципальных и городских округах, на внутригородских территориях городов федерального значения. В городских округах местное самоуправление может осуществляться также на территориях внутригородских районов. Всё это небольшие образования как по территории, так и по численности населения.

Второй причиной сложности интеграции централизованного управления и самоуправления является необходимость синергетических систем осуществлять должное сочетание информационных ресурсов, содержащихся в основанных на принципиально разных механизмах функционирования каналах кибернетической (отрицательной) и собственной (положительной) обратной связи. Ведь само по себе самоуправление существовать не может, ибо лишено плюсов централизованного управления, в частности информации и иных ресурсов, поступающих из центра (или нескольких центров) по каналам связи кибернетической системы. Не имея доступа ко всему этому, синергетические системы лишены также возможности взаимодействия с другими подобными образованиями.

Не является, конечно, исключением самоуправление и в муниципальных образованиях. Муниципальные образования, с успехом реализующие предусмотренные в ст. 22–33 Закона № 131-ФЗ формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления, участия его в этом процессе, тем не менее зачастую не в состоянии решать все насущные задачи данной территории. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в соответствии со ст. 19 и 20 Закона № 131-ФЗ органы местного самоуправления могут наделяться отдельными государственными полномочиями и осуществлять их, а органы государственной власти должны контролировать данный процесс и использование предоставленных на эти цели материальных ресурсов и финансовых средств (ст. 21).

Но наиболее рельефно взаимодействие органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления определено после принятия новой редакции Конституции РФ в ст. 6 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Органы государственной власти субъекта РФ: обеспечивают государственные гарантии прав населения на осуществление местного самоуправления; осуществляют правовое регулирование многих вопросов местного самоуправления; участвуют в формировании органов местного самоуправления; осуществляют наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями при условии передачи органам местного самоуправления необходимых для осуществления таких полномочий материальных и финансовых средств и др. Во всех этих случаях органы местного самоуправления частично «включаются» в централизованную систему государственного управления, которая, в свою очередь, нуждается в таком тандеме. Ведь, по словам Ю. А. Тихомирова, «муниципальное управление в основных чертах сходно с государственным управлением, ибо [они] являются разновидностями управления в широком смысле»³⁰.

Естественно, абсолютно закономерным было отражение в 1993 г. в Конституции Российской Федерации уже указанных в настоящей статье положений о том, что «в Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление», которое «в пределах своих полномочий самостоятельно» (ст. 12). Это позволяло муниципальным образованиям при принятии многих решений руководствоваться анализом информации, проходящей по их каналам связи, т.е. информации, отражающей местные проблемы и возможности их решения.

Однако, как отмечалось, подобная синергетическая модель в одиночестве неработоспособна, для осуществления эффективных действий она должна сочетаться с централизованным управлением, другими словами, муниципальным структурам необходима информация, поступающая из государственных органов. Но в той же статье 12 Конституции РФ установлено, что «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти». Жизнь показала, что столь резкая ре-

³⁰ Тихомиров Ю. А. Управление на основе права. М. : Формула права, 2007. С. 30.

дакция данного положения, его нередко одностороннее восприятие приводило к значительному ухудшению процесса государственного управления. Ведь данная норма во многих случаях трактовалась как призыв к разобщению органов государственной власти и органов местного самоуправления. Неслучайно между руководством субъектов РФ и муниципальных образований в ряде случаев отсутствовала согласованность позиций по тем или иным вопросам. Нередко вообще доходило до скандалов, причем по инициативе и той и другой стороны.

Указанная проблема, может быть не очень заметная для законодательных (представительных) органов государственной власти (местного самоуправления), принципиальна для исполнительных органов, система которых по своей управленческой природе должна быть вертикальным, субординационным образованием. Это означает, что даже при хорошо налаженном самоуправлении в муниципальных образованиях их администрации не в состоянии рентабельно функционировать, поддерживать должные связи с органами исполнительной власти субъектов РФ.

В свою очередь, подобная ситуация не может не сказываться отрицательным образом на деятельности как региональных, так и федеральных органов исполнительной власти. Ведь разрыв информационных связей между теми и другими с исполнительными органами муниципальных образований, отсутствие взаимодей-

ствия в реализации присущих им административно-правовых форм и методов работы всегда имеет крайне нежелательные последствия и для местного самоуправления, и для государственного управления в целом.

С учетом сказанного значение введенной части 3 ст. 132 Конституции РФ о том, что «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории», невозможно переоценить. Данное конституционное положение определило новую архитектуру единой системы государственного управления, включающей как подсистему централизованного управления, так и подсистему местного самоуправления; обусловило, в частности, возможность улучшения информационного взаимодействия между находящимися на всех уровнях управленческими органами.

Система публичной власти с теоретической точки зрения является достаточно мощным катализатором интеграции кибернетических и синергетических подходов в государственном управлении. Практически развитие этой системы позволит, сочетая преимущества как централизованного управления, так и местного самоуправления, существенно повысить эффективность решения стоящих перед страной задач.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Богданов А. А. Тектология : Всеобщая организационная наука / под ред. Г. Д. Гловелли. — Изд. 6-е изд., испр. и доп. — М. : Ленанд, 2019. — 680 с.
2. Винер Н. Кибернетика и общество. — М. : Тайдекс Ко., 2002. — 184 с.
3. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. — 2-е изд. — М. : Советское радио, 1968. — 328 с.
4. Козлов Ю. М. Административное право. — М. : Юрист, 2005. — 554 с.
5. Козлов Ю. М. Предмет советского административного права. — М. : Изд. Московского университета, 1967. — 160 с.
6. Лазарев Б. М. Государственное управление на этапе перестройки. — М. : Юридическая литература, 1988. — 318 с.
7. Лазарев Б. М. Компетенция органов управления. — М. : Юридическая литература, 1972. — 280 с.
8. Лунев А. Е. Теоретические проблемы государственного управления. — М. : Наука, 1974. — 248 с.
9. Мальцев Г. В. Развитие права: к единению с разумом и наукой. — М. : Международный юридический институт, 2005. — 200 с.
10. Мальцев Г. В. Социальные основания права. — М. : Норма, 2007. — 800 с.
11. Мильнер Б. З. Теория организации : учебник. — 8-е изд. — М. : Инфра-М, 2013. — 848 с.
12. Пискотин М. И. [и др.] Научные основы государственного управления в СССР. — М. : Наука, 1968. — 439 с.

13. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса : Новый диалог человека с природой. — Изд. 7-е. — М. : Едиториал УРСС, 2014. — 294 с.
14. Россинский Б. В. Административно-правовые аспекты государственного управления в России. Системные подходы. — М. : Норма, 2020. — 168 с.
15. Россинский Б. В. Исполнительная власть и государственное управление // Lex russica. — 2018. — № 7 (140). — С. 24–38.
16. Россинский Б. В. Проблемы государственного управления с позиций теории систем. — М. : Норма, 2021. — 264 с.
17. Россинский Б. В. Развитие представлений о предмете административного права // Административное право и процесс. — 2021. — № 5. — С. 6–13.
18. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. — М. : Иглмосс Эдишинз, 2012. — 384 с.
19. Тихомиров Ю. А. Государство. — М. : Норма, 2013. — 320 с.
20. Тихомиров Ю. А. Управление делами общества (Субъекты и объекты управления в социалистическом обществе). — М. : Мысль, 1984. — 224 с.
21. Тихомиров Ю. А. Управление на основе права. — М. : Формула права, 2007. — 485 с.
22. Фомин Э. В., Фомина Ю. А. Общий системный подход и социально-экономические системы (от управления к самоорганизации). Кн. 2 : ЖКХ и местное самоуправление. — М. : Ленанд, 2014. — 168 с.
23. Хакен Г. Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. — М. : Мир, 1985. — 421 с.
24. Хакен Г. Синергетика. — М. : Мир, 1980. — 405 с.

Материал поступил в редакцию 6 мая 2022 г.

REFERENCES

1. Bogdanov AA. Tektologiya: Vseobshchaya organizatsionnaya nauka [Tectology: A Universal organizational science]. 6th ed. Moscow: Lenand Publ.; 2019. (In Russ.).
2. Wiener N. Kibernetika i obshchestvo [Cybernetics and society]. Moscow: Tydex Co. Publ.; 2002. (In Russ.).
3. Wiener N. Kibernetika ili upravlenie i svyaz v zhivotnom i mashine [Cybernetics or control and communication in an animal and a machine]. 2nd ed. Moscow: Sovetskoe radio Publ.; 1968. (In Russ.).
4. Kozlov YuM. Administrativnoe pravo [Administrative law]. Moscow: Jurist Publ.; 2005. (In Russ.).
5. Kozlov YuM. Predmet sovetskogo administrativnogo prava [The subject of Soviet administrative law]. Moscow: Moscow University Publishing House; 1967. (In Russ.).
6. Lazarev BM. Gosudarstvennoe upravlenie na etape perestroyki [Public administration at the stage of restructuring]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1988. (In Russ.).
7. Lazarev BM. Kompetentsiya organov upravleniya [Competence of administrative agencies]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1972. (In Russ.).
8. Lunev AE. Teoreticheskie problemy gosudarstvennogo upravleniya [Theoretical problems of public administration]. Moscow: Nauka Publ.; 1974. (In Russ.).
9. Maltsev GV. Razvitie prava: k edineniyu s razumom i naukoj [The development of law: towards unity with reason and science]. Moscow: International Law Institute Publ.; 2005. (In Russ.).
10. Maltsev GV. Sotsialnye osnovaniya prava [Social foundations of law]. Moscow: Norma Publ.; 2007. (In Russ.).
11. Milner BZ. Teoriya organizatsii: uchebnik [Theory of organization: a textbook]. 8th ed. Moscow: Infra-M Publ.; 2013. (In Russ.).
12. Piskotin MI et al. Nauchnye osnovy gosudarstvennogo upravleniya v SSSR [Scientific foundations of public administration in the USSR]. Moscow: Nauka Publ.; 1968. (In Russ.).
13. Prigozhin I, Stengers I. Poryadok iz khaosa: Novyy dialog cheloveka s prirodoy [Order out of Chaos: A new Dialogue between man and nature]. 7th ed. Moscow: Editorial URSS Publ.; 2014. (In Russ.).
14. Rossinsky BV. Administrativno-pravovye aspekty gosudarstvennogo upravleniya v Rossii. Sistemnye podkhody [Administrative and legal aspects of public administration in Russia. Systemic approaches]. Moscow: Norma Publ.; 2020. (In Russ.).
15. Rossinsky BV. Iсполnitelnaya vlast i gosudarstvennoe upravlenie [Executive power and public administration]. *Lex russica*. 2018;7(140):24-38. (In Russ.).

16. Rossinsky BV. Problemy gosudarstvennogo upravleniya s pozitsiy teorii sistem [Problems of public administration in the context of systems theory]. Moscow: Norma Publ.; 2021. (In Russ.).
17. Rossinsky BV. Razvitie predstavleniy o predmete administrativnogo prava [The development of ideas on the administrative law subject]. *Administrative Law and Procedure*. 2021;5:6-13. (In Russ.).
18. Rousseau J-J. Ob obshchestvennom dogovore [About a social contract]. Moscow: Iglmoss Editions; 2012. (In Russ.).
19. Tikhomirov YuA. Gosudarstvo [The State]. Moscow: Norma Publ.; 2013. (In Russ.).
20. Tikhomirov YuA. Upravlenie delami obshchestva (Subekty i obekty upravleniya v sotsialisticheskom obshchestve). [Administration of the affairs of society (Subjects and objects of administration in a socialist society)]. Moscow: Mysl Publ.; 1984. (In Russ.).
21. Tikhomirov YuA. Upravlenie na osnove prava [Law-based administration]. Moscow: Formula prava Publ.; 2007. (In Russ.).
22. Fomin EV, Fomina YuA. Obshchiy sistemnyy podkhod i sotsialno-ekonomicheskie sistemy (ot upravleniya k samoorganizatsii). Kniga 2: ZhKKh i mestnoe samoupravlenie [A general system approach and socio-economic systems (from administration to self-organization). Book 2: Housing and communal services and local self-government]. Moscow: Lenand Publ.; 2014. (In Russ.).
23. Haken G. Sinergetika. Ierarkhii neustoychivostey v samoorganizuyushchikhsya sistemakh i ustroystvakh [Synergetics. Hierarchies of instabilities in self-organizing systems and devices]. Moscow: Mir Publ.; 1985. (In Russ.).
24. Haken G. Sinergetika [Synergetics]. Moscow: Mir Publ.; 1980 (in Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.040-050

Д. А. Шаманский*

Общественно-экономическая формация: проблемы эффективности и низкого уровня антикоррупционной безопасности

Аннотация. В статье исследуется влияние общественно-экономической формации на преступность. Автор приходит к выводу о том, что в основе детерминизма существующих экономических, социальных и нормативно-правовых причин коррупционной преступности лежит неэффективная общественно-экономическая формация. Автор отмечает, что неэффективная форма государственного управления, а также вид общественно-экономической формации не способны устранить причины коррупции, так как данная формация вовсе не предполагает устранения данных причин, а, наоборот, способствует их существованию и развитию. Это связано с тем, что форма государственного управления ограничивает возможность применения и реализации иной, более эффективной формы государственного управления и общественно-экономической формации.

Коррупция как явление существует в такой общественно-экономической формации, в которой слабо организованы или отсутствуют социально полезные принципы, ориентиры и установки. Применение эффективных мер борьбы с коррупционной преступностью не представляется возможным в той общественно-экономической формации, в которой существуют или идеализируются основные пороки социума: эгоизм, алчность, корысть, жажда власти, чрезмерная эксплуатация личности и т.п. Коррупционная модель поведения становится нормой в ситуации, при которой государственная власть и государственная экономика имеют зависимость от частных капиталов и инвесторов.

Автор приходит к выводу о том, что применение комбинированных форм государственного управления является эффективным и целесообразным. Эффективное применение комбинированных форм государственного управления способно устранить основную совокупность причин, обстоятельств и условий, которые способствуют возникновению, росту и развитию в стране как коррупционной деятельности, так и преступности в целом.

Комбинированная форма государственного управления предполагает единообразное участие общества, субъектов предпринимательской деятельности и власти в реализации социально-экономической политики, которая имеет единые социально полезные цели, основанные на социально полезных установках и ориентирах.

Ключевые слова: коррупция; коррупционная деятельность; причины коррупции; общественно-экономическая формация; форма государственного управления; капитализм; социализм; демократия; свободная рыночная экономика; социал-демократия; антикоррупционная безопасность.

Для цитирования: Шаманский Д. А. Общественно-экономическая формация: проблемы эффективности и низкого уровня антикоррупционной безопасности // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 7. — С. 40–50. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.040-050.

© Шаманский Д. А., 2022

* Шаманский Дмитрий Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс» Юридического института Северо-Кавказской государственной академии
Ставропольская ул., д. 36, г. Черкесск, Россия, 369000
shama.80@mail.ru

A Socio-Economic Formation: Problems of Efficiency and Low Level of Anti-Corruption Security

Dmitriy A. Shamanskiy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Law Institute, North Caucasus State Academy
ul. Stavropolskaya, d. 36, Cherkessk, Russia, 369000
shama.80@mail.ru

Abstract. The paper examines the influence of socio-economic formation on crime. The author comes to the conclusion that the determinism of the existing economic, social and regulatory causes of corruption is based on an inefficient socio-economic formation. The author notes that an inefficient form of public administration, as well as a type of socio-economic formation, are not able to eliminate the causes of corruption, since this formation does not at all imply elimination of these causes, but, on the contrary, contributes to their existence and development. This takes place due to the fact that the form of public administration limits the possibility of applying and implementing a different, more effective form of public administration and socio-economic formation.

Corruption as a phenomenon exists in a socio-economic formation in which socially useful principles, guidelines and attitudes are poorly organized or absent. The use of effective measures to combat corruption is not possible in the socio-economic formation where the main vices of society still exist or are idealized: selfishness, greed, thirst for power, excessive exploitation of an individual, etc. A corrupt behavior model becomes the norm in a situation when the state power and the state economy are dependent on private capital and investors.

The author comes to the conclusion that the use of combined forms of public administration is effective and expedient. An effective use of combined forms of public administration can eliminate the main set of causes, circumstances and conditions that contribute to the emergence, growth and development of both corruption and crime in the country as a whole.

A combined form of public administration presupposes the uniform participation of society, business entities and authorities in the implementation of socio-economic policy, which has common socially useful goals based on socially useful attitudes and guidelines.

Keywords: corruption; corruptive activity; causes of corruption; socio-economic formation; form of public administration; capitalism; socialism; democracy; free market economy; social democracy; anti-corruption security.

Cite as: Shamanskiy DA. Obshchestvenno-ekonomicheskaya formatsiya: problemy effektivnosti i nizkogo urovnya antikorrupcionnoy bezopasnosti [A Socio-Economic Formation: Problems of Efficiency and Low Level of Anti-Corruption Security]. *Lex russica*. 2022;75(7): 040-050. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.040-050. (In Russ., abstract in Eng.).

В криминологической науке среди основных причин, обстоятельств и условий, способствующих возникновению, росту и развитию как преступности в целом, так и отдельных ее видов выделяются социальные, экономические и нормативно-правовые¹. Устранение соответствующих причин является эффективной мерой, направленной на предупреждение, противодействие и пресечение преступности.

Для того чтобы устранить причину, необходимо ее выявить, а затем разработать и реализовать эффективный механизм по ее устранению. С выявлением всей совокупности причин коррупционной преступности криминологи-

ческая наука успешно справляется, а с вопросами реализации эффективных механизмов по их устранению она справиться не в силах. На существование проблемы реализации эффективных механизмов по устранению основных причин коррупции также указывают отдельные криминологи России². Это связано с тем, что меры, направленные на предупреждение преступности, реализуют совместно государственные учреждения и органы государственной власти. Возможность реализации этих мер во многом зависит от выбранного политического режима, формы государственного управления и реализуемого на территории страны

¹ См.: Криминология : учебник для вузов. 4-е изд. / под общ. ред. А. И. Долговой. М., 2010. С. 217–408 ; Маслакова Е. А. Криминология : учебное пособие. Орел, 2014. С. 22.

² См.: Дамм И. А. Предпосылки формирования антикоррупционной безопасности РФ // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». 2021. Т. 14. № 11. С. 1690–1709.

вида общественно-экономической формации. Соответственно, неэффективная форма государственного управления, а также вид общественно-экономической формации является причиной возникновения, роста и развития коррупционной деятельности.

Например, в качестве основных причин коррупционной деятельности, которые необходимо устранить, следует назвать: низкий уровень оплаты труда госслужащих; девальвация национальной валюты; обеднение населения; отсутствие рабочих мест; санкции в отношении РФ; мировой финансовый кризис; высокий уровень безработицы; постоянный рост цен на товары и продукты первой необходимости; существенная разница между доходами бедных и богатых; отсутствие четко выраженного среднего класса; отсутствие доверия со стороны населения к органам государственной власти; отсутствие прозрачной и доступной кадровой политики; отсутствие в обществе системы раннего порицания коррупционной деятельности; отсутствие правовых норм, раскрывающих многоликость коррупции и предусматривающих ответственность за совершение коррупционной деятельности; низкий уровень антикоррупционного правосознания и т.п.

Названные социальные, экономические и нормативно-правовые проблемы являются основными причинами возникновения, роста и развития коррупционной деятельности на территории РФ. В свою очередь, указанные проблемы возникают на основании избранной формы государственного управления и вида реализуемой общественно-экономической формации. Более того, избранная форма государственного управления и вид общественно-экономической формации не способны устранить существующие проблемы, т.к. ими не предполагается возможность реализации иной общественно-экономической формации.

Прежде чем предлагать эффективные меры, гарантирующие антикоррупционную безопасность на территории РФ, представляется важным и необходимым выявить положительные и отрицательные характеристики актуальных

мировых общественно-экономических формаций.

Россия является демократическим федеративным правовым государством в силу требований ст. 1 Конституции РФ³. Положениями ст. 8 Конституции РФ на территории страны гарантируется свобода экономической деятельности, а также свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции. Таким образом, на территории РФ формой государственного управления является демократия, а общественно-экономическая формация — свободная рыночная экономика.

Следует пояснить, что **общественно-экономической формой** является исторический тип общества, основывающийся на определенном способе производства и выступающий как ступень прогрессивного развития мировой истории человечества от первобытно-общинного строя через рабовладельческий строй, феодализм и капитализм к коммунистической формации⁴. В трудах В. И. Ленина свободная рыночная экономика в качестве общественно-экономической формации не называется, т.к., по его мнению, любая рыночная экономика неизбежно подвергается капитализации⁵. Действительно, в свободной рыночной экономике может и должен существовать капитализм на основании того, что он создает крупные организованные формы производства и развивает промышленность. На доктринальном уровне под капитализмом следует понимать общественно-экономическую формацию, в основе которой лежат частная собственность на средства производства и эксплуатация наемного труда. Для капитализма характерны кризисы, безработица, обеднение, конкуренция, войны⁶. По мнению В. И. Ленина, капитализм основан на создании производства и производстве орудий и средств производства. Капитализм — это присвоение частными лицами продукта общественного труда, организованного товарным хозяйством. Капитал подчиняет себе массу производителей и организует капиталистическую систему крупного производства. Затем окрепший капитал начинает давить на свое правительство⁷. Капитализм существует за счет

³ См.: Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Российская газета. 25.12.1993. № 237.

⁴ См.: Розенталь М. М., Юдин П. Ф. Философский словарь. М., 1963. С. 319.

⁵ См.: Ленин В. И. Развитие капитализма в России. М., 1971. С. 1–791.

⁶ См.: Розенталь М. М., Юдин П. Ф. Указ. соч. С. 188.

⁷ См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1967. Т. 1. С. 1–662.

накопления и создания производств и средств производства, соответственно, без него невозможно существование производства, промышленности и рынка. Существование рыночной экономики создает необходимые условия для появления и развития мелкого и более крупного капитала, который скапливается в руках отдельных лиц или группы лиц. Следует также отметить, что капитализм основан на неизбежном поглощении мелкого капитала более крупным. Подобное поглощение чаще проявляется в период финансово-экономической нестабильности и кризиса. В результате возрастает уровень бедности и появляются крупные транснациональные компании, которые стремятся подчинить себе власть других государств. Соответственно, неизбежно появляется взаимная зависимость власти от частного капитала. Мировой капитализм вынужден вести экономические войны и завоевывать новые рынки и территории. Исторические события прошлых лет также указывают на экономические причины многих войн.

Например, по территории Северного Кавказа был проложен один из маршрутов Великого шелкового пути. В Анапе находился крупнейший рынок работорговли и мощный морской порт. Для Российской империи победа в Кавказской войне XVIII в. предоставляла возможность не только укрепить и защитить свое государство от постоянных набегов, но и контролировать торгово-экономические маршруты. Война на Кавказе фактически велась не с коренными народами Кавказа, а с Великобританией, Османской империей и Персией. Ранее в разное время за возможность контролировать данные торгово-экономические маршруты между собой воевали Византия, Персия, Волжская Булгария, Хазарский каганат⁸.

Мировой капитализм и сегодня проявляет неприкрытый интерес к странам, рынок которых представляет какой-либо экономический потенциал. В целях подчинения мировому

капитализму властей этих государств, а также в целях завладения новыми рынками ведутся войны экономического и санкционного характера, поглощаются мелкие капиталы более крупными.

Благодаря социалистическому общественному строю Куба смогла справиться с испытаниями двойной блокады со стороны США. Кубинский социализм как общественный строй показал удивительную устойчивость на протяжении более чем шести десятилетий, меняясь и трансформируясь в соответствии с требованиями времени и стремительно меняющейся мировой реальностью⁹. Аналогичную устойчивость к санкционному давлению со стороны США проявляет Республика Беларусь, которая имеет социально-правовое и демократическое государственное устройство.

Следует отметить, что в свободной рыночной экономике государство является пассивным регулятором, т.к. его участие в управлении экономикой минимально. В свободной рыночной экономике активными ее участниками и регуляторами являются субъекты предпринимательской деятельности, крупные инвесторы и их капиталы. В подобной общественно-экономической модели государственный политический режим направлен на защиту и охрану прав субъектов предпринимательской деятельности, крупных инвесторов и их капиталов. В этой связи антропоцентричность Конституции РФ, при которой человек есть мера всего, представляется второстепенной. На основании изложенного тезис профессора В. В. Лунеева о том, что коррупция стала нашей конституцией, а отсутствие ответственности за нее — повседневной практикой, сегодня приобретает иной смысл¹⁰. В своих трудах Ю. Н. Стариков также неоднократно указывает на нереализованность потенциала конституционно-правового регулирования как в прежней редакции Конституции РФ, так и в действующей¹¹.

Субъекты предпринимательской деятельности, инвесторы, иной частный капитал для

⁸ Подробнее об этом: Кузнецов И. В. Крепость в степи. Ставрополь, 1987. 542 с. ; Кипкеева З. Б. Потомки Чингизхана в истории Северного Кавказа XVIII–XIX вв. Ставрополь, 2017. С. 64–92 ; Кавказская война // URL: <https://encyclopaedia-russia.ru/article/kavkazskaya-vojna> (дата обращения: 22.02.2022).

⁹ См.: Сергеев А. Л. Политико-правовые трансформации экономики в концепции кубинского социализма // Lex russica (Русский закон). 2022. № 2 (183). С. 75.

¹⁰ См.: Лунеев В. В. Настоящей борьбы с коррупцией в России нет // Уголовное право. 2007. № 5. С. 105.

¹¹ См.: Стариков Ю. Н. Государственное управление в системе единой публичной власти: терминологический итог конституционной реформы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2020. № 1 (40). С. 29 ; Он же. Административные процедуры — неотъемлемая часть законо-

достижения цели подчинения власти используют коррупционную модель поведения. Соответственно, частный капитал не заинтересован в реализации эффективных мер, гарантирующих антикоррупционную безопасность. Обеспечение социального благополучия не относится к основным целям частного капитала, т.к. таковыми являются получение прибыли и подчинение власти. В этой связи утверждение К. Маркса о том, что экономика — это базис, а право — это надстройка, является вполне справедливым¹². Ю. М. Козлов, Е. С. Фролов в своих трудах также отмечают, что производственные (экономические) отношения не создаются волей и сознанием людей, а определяются экономическим строем данного общества¹³. Таким образом, представляется очевидным, что при свободной рыночной экономике государственный суверенитет и независимость неизбежно подвергаются атаке как со стороны крупных национальных частных капиталов, так и со стороны международных транснациональных компаний — гигантов. Глубокая интеграция национальной экономики в экономику мирового капитала и транснациональных компаний-гигантов приводит к некоей экономической зависимости от политических решений этих государств. В связи с тем, что к основным целям мирового капитализма следует относить подчинение власти и получение прибыли, то и политические решения этих государств будут соответствовать названным целям.

В целях предложения эффективных мер, направленных на минимизацию коррупционных рисков, снижение степени возможного влияния мировых и частных капиталов на суверенитет, независимость и власть в России, представляется необходимым раскрыть положительные и отрицательные характеристики актуальных мировых общественно-экономических формаций.

Основные плюсы капитализма: необходимость капитализации ресурсов и наращивания прибыли; необходимость производства товаров и средств производства; необходимость развития промышленности; необходимость существования рыночной экономики.

Основные минусы капитализма: базируется на жажде наживы, алчности и эгоизме;

не предполагает социализацию граждан; низкий уровень морально-нравственных ценностей в обществе; в центре внимания, заботы и правовой охраны государства лица, имеющие капиталы; низкий уровень социального обеспечения; дефицит или отсутствие финансовых средств в региональных и федеральных бюджетах, необходимых для реализации национальных проектов, социального и пенсионного обеспечения; отсутствие собственных средств и орудий производства в органах государственной власти, необходимых для оперативной реализации национальных проектов (строительство объектов инфраструктуры, текущий и капитальный ремонт и т.п.); зависимость органов государственной власти от частных капиталов и инвесторов; ангажированность судебной власти; фактическая эксплуатация труда человека частными капиталами; самоуничтожение путем постоянного поглощения мелких капиталов крупными; неминуемое всеобщее обеднение населения; долговая кредитно-денежная зависимость граждан и регионов; существенная разница между доходами бедных и богатых; правовой нигилизм и общее недоверие к органам власти со стороны населения; капитализация системы общего и высшего образования; капитализация системы дополнительного образования (спорт, творчество, искусство и т.п.); наличие минимального количества социальных лифтов; наличие гражданского или классового противостояния.

Представляется очевидным, что отрицательные характеристики капитализма также являются социально-экономическими причинами возникновения и развития коррупционной деятельности. В связи с наличием бесспорных положительных характеристик капитализма, без которых не представляется возможным эффективно развивать экономику страны, отказ от использования подобной общественно-экономической формации не представляется целесообразным. Таким образом, лучшей и эффективной формой капитализма представляется государственный капитализм. Данная форма предполагает активное регулирование государством рыночной экономики путем создания

дательства о государственном и муниципальном управлении: проблемы теории, практики и законодательства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2019. № 4 (39). С. 8–27.

¹² См.: Маркс К. Капитал. М., 1949. Т. 1. С. 1–530.

¹³ См.: Козлов Ю. М., Фролов Е. С. Научная организация управления и право. М., 1986. С. 176.

государственной промышленности, создания производства, орудий и средств производства. Экономическое управление социально значимыми ресурсами и важнейшими объектами жизнеобеспечения граждан должно являться исключительной юрисдикцией государства. При названной общественно-экономической формации государство создает рациональный или разумный, управляемый государственный капитализм, не исключая возможности существования рыночной экономики, конкуренции, частных капиталов и различных форм собственности.

При государственном капитализме государство и регионы имеют возможность накапливать собственные капиталы, создавая собственные национальные резервные фонды. Более того, в подобной общественно-экономической формации власть в целом и отдельные регионы получают независимость от частных инвесторов и капиталов, а также возможность самостоятельно реализовывать крупномасштабные национальные проекты на территории своих субъектов. Кроме того, необходимо отметить, что существование крупномасштабной промышленности, производства и накопление капитала невозможно без эксплуатации человека и эгоизма. С названными пороками капитализма способен справиться лишь социализм, основой которого является разумный эгоизм¹⁴ и разумная, рациональная эксплуатация человека, направленная на благополучие гражданина, семьи, общества и государства. В своих трудах Л. Л. Попов совершенно справедливо отмечает, что от господства бюрократической олигархии вполне может погибнуть социализм¹⁵.

Основные плюсы социализма: семья является ячейкой общества; крепкие семейные ценности; граждане трудятся на благо человека, семьи, общества и государства; отсутствие правового нигилизма и высокий уровень доверия к органам государственной власти со стороны населения; высокий уровень патриотизма; всеобщее порицание эгоизма как основного порока частного капитализма; высокий уровень социального обеспечения; эффективное сельское хозяйство; доступное, бесплатное и качественное образование; доступные, имеющие низкую стоимость

социально значимые для жизнеобеспечения граждан товары и услуги; отсутствие существенной разницы между доходами бедных и богатых; крепкая и независимая судебная система; отсутствие гражданского или классового противостояния; независимость органов государственной власти от частных капиталов и инвесторов; наличие большого и многообразного количества социальных лифтов; сильная выборная система представителей власти.

Основные минусы социализма: система производства товаров и средств производства монополизирована государством; неорганизованная, слабая система накопления прибыли и обновления орудий и средств производства; отсутствие прозрачной системы капитализации ресурсов и наращивания прибыли; отсутствие свободной рыночной экономики; фактически власть обществу не принадлежит; чрезмерная эксплуатация труда человека органами государственной власти.

Представляется очевидным, что положительные характеристики социализма практически исключают коррупционную модель поведения путем осуществления социально полезной деятельности и минимизации распространения в обществе идей эгоизма. Кроме того, фактическое отсутствие реальной власти у народа не позволяет обществу бороться против чрезмерной эксплуатации государством трудовых ресурсов граждан. С названными отрицательными характеристиками социализма способна справиться лишь демократия, в основе которой лежит народовластие, охрана и защита основных прав и свобод человека и гражданина.

Основные плюсы демократии: власть принадлежит народу; прозрачная выборная система представителей власти; антропоцентричность основных законов; права и свободы человека являются высшей ценностью; защита и охрана прав и свобод человека и гражданина является приоритетной обязанностью государства.

Основные минусы демократии: неспособность противостоять капитализму; зависимость экономики и органов местного самоуправления от частных капиталов и инвесторов; некомпетентность и откровенная

¹⁴ Подробнее об этом: Чернышевский Н. Г. Что делать? М., 2020 ; Розенталь М. М., Юдин П. Ф. Указ. соч. С. 382.

¹⁵ Попов Л. Л. Проблемы административных реформ в России // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 1 (41). С. 28.

«токсичность» чиновников из народа; ангажированность судебной власти; высокий уровень коррупции; правовой нигилизм; наличие минимального количества социальных лифтов; слабая выборная система представителей власти.

На основании изложенного представляется, что производство, промышленность, рыночная экономика, по сути, представляют собой некий уровень экономического развития, которого достигли современные цивилизации. Без капитализма невозможно накопление капиталов, создание крупных производств, промышленности и требуемого количества рабочих мест, а также столь необходимого экономике товарооборота. Демократия без капитализма и экономики не является эффективной. В отсутствие социализма капитализм подавляет любые демократические принципы, в отсутствие демократии социализм подавляет капитализм, тем самым создавая благоприятные условия для самоуничтожения и возврата общества к прежней стадии общественно-экономического развития. Кроме того, социализм способен защищать бизнес и нивелировать коррупционную модель поведения.

Например, в капиталистическом государстве штраф является конечной целью контролирующего органа при выявлении нарушений во время проверки субъекта предпринимательской деятельности. Во время проверки государственными контролирующими органами штраф нередко подменяется взяткой. При социал-демократической форме государственного управления конечной целью контролирующего органа при проверке является соблюдение прав и свобод, а также общественно полезный результат — устранение выявленного нарушения.

Следует отметить, что использование комбинарованных форм государственного управления декларирует гарантии экономической и антикоррупционной безопасности для национальных капиталов различных государств. Соответственно, глубокая интеграция других стран в российскую экономику возможна исключительно на принципах социал-демократии, которые смогут гарантировать безопасность их национальным интересам и капиталам.

Таким образом, пассивное участие государства в рыночной экономике, а также неконтролируемая и чрезмерно свободная деятельность частных капиталов в социально важных сферах неизбежно приводит к негативным экономиче-

ским последствиям и существенному снижению уровня антикоррупционной безопасности.

Например, гражданин К. решил реализовать бизнес-проект путем обучения детей футболу. Имея определенный опыт игры в футбол, но не имея соответствующего спортивного и педагогического образования, К. приобрел в коммерческом вузе необходимые документы. К. успешно реализует свой бизнес-проект, имеет контингент около 100 человек и общий доход 300 тыс. руб. при стоимости ежемесячного абонемента 3 тыс. руб.

На первый взгляд данный пример вполне безобиден. В целом бизнес-проект имеет социально полезные цели, несмотря на то, что на начальном этапе личность для самореализации избирает коррупционную модель поведения. На самом же деле бесконтрольность и хаотичное развитие системы дополнительного образования имеет массу негативных социально-экономических последствий: обеднение педагогического состава государственной системы образования; утечка качественных кадров из системы образования; возникновение теневого бизнеса; капитализация системы образования; недоступность детского дополнительного образования для многодетных семей и семей с низким уровнем дохода; дополнительные расходы граждан; отсутствие налоговых и пенсионных отчислений; наличие внутренней теневой экономики; снижение социально полезной мотивации; система государственного образования вынужденно становится рынком вакансий для маргинальных личностей; снижение качества системы образования; коррупционность системы высшего образования и профессиональной переподготовки; превалирование в обществе негативных ценностных ориентиров и установок (корысть, эгоизм, алчность, зависть и т.п.). Подобные установки зачастую ставятся в пример и передаются следующим поколениям, т.к. благодаря данным установкам и ориентирам личность получила возможность самореализоваться. Выбор коррупционной модели поведения для удовлетворения основных потребностей личности становится повседневной практикой. Необходимо также отметить, что ценностные ориентиры и установки формируются у личности преимущественно в период получения образования, соответственно, качество и профессионализм педагога оказывают прямое или косвенное влияние на итоговое становление личности. Кроме того, успешный и выгодный

бизнес-проект вовлекает всё больше граждан, соответственно, растёт и количество негативных последствий. Неконтролируемая и нерациональная со стороны государства капитализация социально важных сфер общественной и государственной деятельности приводит к развитию в обществе негативных ценностных ориентиров и установок, которые имеют способность разобщать и разрушать семью, общество и государство. Сегодня существует большое количество подобных примеров неуправляемой капитализации социально важных сфер общественной и государственной деятельности, отдельных институтов или учреждений, которые приводят к аналогичным негативным последствиям. Это система образования, медицина, система общественного транспорта и пассажирских перевозок, строительство жилья, сфера энергоснабжения, сфера ресурсоснабжения и др.

Таким образом, отсутствие государственного регулятора в реализации отдельных социально значимых экономических проектов неминуемо приводит к появлению негативных последствий, при которых сегодня далеко не каждый гражданин желает организовывать свой быт на основании социально полезных ориентиров и ставить на первое место интересы семьи, общества или государства. В результате преобладания эгоистических установок и корыстных ориентиров личности, при которых первостепенными являются желания удовлетворять исключительно свои потребности, легко разрушается институт семьи, что приводит к существенному разложению как общества, так и государства.

Необходимо также отметить, что совокупность применяемых мер антикоррупционной безопасности и их эффективность во многом зависят от избранной общественно-экономической формации, в рамках которой формируется правовое поле. Например, в ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» сформулировано понятие коррупции, которое представляется весьма неполноценным. В понятие коррупции законодатель включил отдельные виды преступлений, которые уже содержались в отдельных главах Уголовного кодекса РФ: «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» и «Пре-

ступления против государственной власти и интересов государственной службы». Таким образом, Федеральный закон «О противодействии коррупции» признаёт незаконными и коррупционными те деяния, которые ранее признал незаконными Уголовный кодекс РФ. По сути, в Федеральном законе «О противодействии коррупции» законодатель круг коррупционных деяний ограничил видами коррупционных преступлений. То есть это злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп, взяточничество и т.п. Многие преступления, которые могут быть и являются коррупционными, в данном понятии не учтены. Например, мошенничество, вымогательство, присвоение и растрата, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием и т.п. Иная коррупционная деятельность вовсе законодателем не раскрыта. Кроме того, в Федеральном законе «О противодействии коррупции» законодатель существенно ограничил круг лиц, которые могут нести ответственность за коррупционную деятельность. Это либо должностные лица, либо лица, участвующие в подкупе и взяточничестве. В результате если лицо не принимает участия во взяточничестве и не является должностным лицом, но при этом совершает коррупционное деяние, то к уголовной ответственности привлечь его вряд ли удастся. В сложившейся ситуации и к иной ответственности привлечь коррупционера непросто, т.к. ответственность за нарушение антикоррупционного законодательства также не регламентирована. Федеральный закон «О противодействии коррупции», в том виде, в котором он есть сегодня, является неким щитом для коррупционера. Данный правовой акт не раскрывает всё многообразие и многоликость коррупции. Таким образом, иные коррупционные деяния вовсе не попадают в данные официальной уголовной статистики.

Согласно официальным данным МВД РФ, в 2021 г. около 17,5 % всех зарегистрированных преступлений составили преступления против интересов службы в органах власти и местного самоуправления и около 2 % — преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях¹⁶.

По данным судебной статистики, в 2020 г. было вынесено 12 669 обвинительных при-

¹⁶ См.: Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/> (дата обращения: 22.02.2022).

говоров по делам коррупционной направленности¹⁷.

Судами общей юрисдикции в 2020 г. по преступлениям против интересов службы в органах власти и местного самоуправления было рассмотрено 3 493 дела. В результате было осуждено 1 964 человека, производство было прекращено в отношении 1 323 человек по различным основаниям¹⁸. Таким образом, с учетом прекращенных производств и оправдательных приговоров более чем в 30 % случаев возбужденные уголовные дела не доводятся до логического завершения. Следует также отметить, что существующие меры противодействия коррупции не имеют единообразия, не охватывают все возможные формы коррупционного поведения. Единообразие отсутствует и в профессиональной среде. Процесс идентификации коррупционных преступлений является весьма сложным. Например, в целях возможности отграничения коррупционных от иных преступлений Генеральная прокуратура РФ и МВД РФ издают совместные локальные акты, которые содержат специальный перечень преступлений коррупционной направленности¹⁹.

На основании изложенного представляется, что основная проблема предупредительной работы и антикоррупционной безопасности заключается в том, что органы государственной власти не только не применяют всю совокупность мер, которая предложена криминологической наукой, но и не имеют возможности их применить. Это объясняется тем, что многие меры требуют серьезных финансовых вложений, к которым государство попросту не готово. Например, реализация только экономических мер предупреждения преступности предполагает: повышение заработных плат государственным служащим; создание новых рабочих мест, предприятий и производств; обеспечение финансовой стабильности; исключение девальвации национальной валюты и т.п.

Существующий государственно-правовой режим является некой надстройкой для обще-

ственно-экономической формации, которая реализуется цивилизацией, соответственно, антикоррупционная безопасность государства во многом зависит от эффективности национальной экономики. Более того, экономика становится национальной только в том случае, когда деятельность государственных и частных капиталов основана на социально полезных ориентирах и установках.

В этой связи видится эффективным и целесообразным применение комбинированных форм государственного управления. Социал-демократия вкупе с активно управляемой государством рыночной экономикой представляется эффективной и независимой ступенью общественно-экономического развития, к достижению которой движется наша цивилизация. Эффективное применение комбинированных форм государственного управления способно устранить основную совокупность причин, обстоятельств и условий, которые способствуют возникновению, росту и развитию в стране как коррупционной деятельности, так и преступности в целом. Коррупция как явление существует в такой общественно-экономической формации, в которой слабо организованы или отсутствуют социально полезные принципы, ориентиры и установки.

Активное участие государства и регионов в рыночной экономике предоставляет регионам возможность самостоятельно производить товары, осуществлять необходимые услуги и пополнять бюджеты, а также капитализировать средства в региональных национальных резервах. В подобных условиях реализация государственных и региональных национальных проектов путем использования накопленных средств в региональных национальных резервах исключает зависимость от частных капиталов и позволяет государству осуществлять независимую социально-экономическую политику. Комбинированная форма государственного управления создает благоприятные условия для эффективного социально-экономического

¹⁷ См.: Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности за 2020 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150> (дата обращения: 22.02.2022).

¹⁸ См.: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в суде первой инстанции. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 22.02.2022).

¹⁹ См.: указание Генеральной прокуратуры России и МВД России от 24.01.2020 № 35/11/1 «О введении в действие перечней статей УК РФ, используемых при формировании статистической отчетности» (документ опубликован не был).

развития цивилизации. В подобных условиях органы государственной власти, общественные институты и субъекты предпринимательской деятельности солидарно реализуют социально-экономическую политику. Кроме того, именно экономическая самостоятельность, независи-

мость государственной и региональной власти от внешних капиталов вкупе с единой государственной социально-экономической политикой гарантирует антикоррупционную безопасность и дальнейшее социально-экономическое развитие государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дамм И. А. Предпосылки формирования антикоррупционной безопасности РФ // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2021. — Т. 14. — № 11. — С. 1690–1709.
2. Кипкеева З. Б. Потомки Чингизхана в истории Северного Кавказа XVIII–XIX вв. — Ставрополь : СКФУ, 2017. — 330 с.
3. Козлов Ю. М., Фролов Е. С. Научная организация управления и право. — М. : Изд-во МГУ, 1986. — 247 с.
4. Криминология : учебник для вузов. 4-е изд. / под общ. ред. А. И. Долговой. — М. : Норма, 2010. — 1007 с.
5. Кузнецов И. В. Крепость в степи. — Ставрополь : Книжное издательство, 1987. — 542 с.
6. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 1. — М. : Политиздат, 1967. — 662 с.
7. Лунеев В. В. Настоящей борьбы с коррупцией в России нет // Уголовное право. — 2007. — № 5. — С. 104–108.
8. Маркс К. Капитал. Т. 1. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1949. — 530 с.
9. Маслакова Е. А. Криминология : учебное пособие. — Орел : РАНХиГС, 2014. — 228 с.
10. Попов Л. Л. Проблемы административных реформ в России // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 1. — С. 24–30.
11. Розенталь М. М., Юдин П. Ф. Философский словарь. — М. : Политиздат, 1963. — 544 с.
12. Сергеев А. Л. Политико-правовые трансформации экономики в концепции кубинского социализма // Lex russica (Русский закон). — 2022. — № 2 (183). — С. 64–76.
13. Стариков Ю. Н. Административные процедуры — неотъемлемая часть законодательства о государственном и муниципальном управлении: проблемы теории, практики и законотворчества // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». — 2019. — № 4 (39). — С. 8–27.
14. Стариков Ю. Н. Государственное управление в системе единой публичной власти: терминологический итог конституционной реформы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». — 2020. — № 1 (40). — С. 20–31.
15. Чернышевский Н. Г. Что делать? — М. : Эксмо, 2020. — 448 с.

Материал поступил в редакцию 10 марта 2022 г.

REFERENCES

1. Damm IA. Predposylki formirovaniya antikorrupsionnoy bezopasnosti RF [Prerequisites for the formation of the anti-corruption security theory in the Russian Federation]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2021;14(11):1690-1709. (In Russ.).
2. Kipkeeva ZB. Potomki Chingizkhana v istorii Severnogo Kavkaza XVIII–XIX vv. [Descendants of Genghis Khan in the history of the North Caucasus of the 18th–19th centuries]. Stavropol: NCFU Publ.; 2017. (In Russ.).
3. Kozlov YuM, Frolov ES. Nauchnaya organizatsiya upravleniya i pravo [Scientific organization of management and law]. Moscow: Publishing House of Moscow State University; 1986. (In Russ.).
4. Dolgova AI, editor. Kriminologiya: uchebnik dlya vuzov [Criminology: textbook for universities]. 4th ed. Moscow: Norma Publ.; 2010. (In Russ.).
5. Kuznetsov IV. Krepост v stepi [Fortress in the steppe]. Stavropol: Book Publishing House; 1987. (In Russ.).
6. Lenin VI. Polnoe sobranie sochineniy The complete works. Vol. 1. Moscow: Politizdat Publ.; 1967. (In Russ.).
7. Luneev VV. Nastoyashchey borby s korrupsiey v Rossii net [There is no real fight against corruption in Russia]. *Criminal Law*. 2007;5:104-108. (In Russ.).

8. Marx K. Kapital [Capital]. Vol. 1. Moscow: State Publishing House of Political Literature; 1949. (In Russ.).
9. Maslakova EA. Kriminologiya: uchebnoe posobie [Criminology: a textbook]. Orel: RANEPА Publ.; 2014. (In Russ.).
10. Popov LL. Problemy administrativnykh reform v Rossii [Problems of administrative reforms in Russia]. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2018;1:24-30. (In Russ.).
11. Rosenthal MM, Yudin PF. Filosofskiy slovar [Philosophical Dictionary]. Moscow: Politizdat Publ.; 1963. (In Russ.).
12. Sergeev AL. Politiko-pravovye transformatsii ekonomiki v kontseptsii kubinskogo sotsializma [Political and legal transformations of the economy in the concept of Cuban socialism]. *Lex russica*. 2022;2(183):64-76. (In Russ.).
13. Starilov YuN. Administrativnye protsedury — neotemlemaya chast zakonodatelstva o gosudarstvennom i munitsipalnom upravlenii: problemy teorii, praktiki i zakonotvorchestva [Administrative procedures are an integral part of the legislation on state and municipal administration: problems of theory, practice and lawmaking]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2019;4(39):8-27. (In Russ.).
14. Starilov YuN. Gosudarstvennoe upravlenie v sisteme edinoy publichnoy vlasti: terminologicheskii itog konstitutsionnoy reformy [Public administration in the system of unified Public Authority: terminological outcome of the constitutional reform]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2020;1(40):20-31. (In Russ.).
15. Chernyshevsky NG. Chto delat? [What should be done?]. Moscow: Eksmo Publ.; 2020. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.051-063

Б. А. Шахназаров*

Право устойчивого развития: понятие, методология. Трансформация ESG-повестки в условиях санкционных ограничений¹

Аннотация. Автором выводится, определяется и рассматривается понятие права устойчивого развития. Отмечается формирование права устойчивого развития как системы норм, регулирующих комплексные общественные отношения, возникающие по поводу устойчивого развития (отношения устойчивого развития). Право устойчивого развития, регулируя составляющие его предмет общественные отношения устойчивого развития: экологические, социальные и корпоративные отношения, опосредующие развитие общества, обеспечивающие удовлетворение потребностей нынешнего поколения и не подрывающие возможности удовлетворения потребностей будущих поколений, уже сейчас приобретает свои очертания. Обозначенные отношения регулируются и массивом норм негосударственного воздействия, опосредующих так называемые ESG-стандарты. Рассматривается и специальная методология, особые способы правового воздействия на регулируемые общественные отношения, характерные для права устойчивого развития: стандартизация и определение соответствия (сопоставительная методология). Отдельное внимание уделяется трансформации права устойчивого развития и ESG-повестки в условиях санкционных ограничений. Формулируется вывод о том, что рассмотрение проблематики устойчивого развития и правового регулирования отношений устойчивого развития в современных условиях целесообразно осуществлять с учетом дифференцированных подходов к оценке, продвижению устойчивости в различных областях общественных отношений. Регулирование общественных отношений в условиях санкционных ограничений необходимо выстраивать с максимальным учетом действия инструментов устойчивого экономического развития (оценка соответствия ESG-стандартам, раскрытие финансовой и нефинансовой информации, внедрение антикризисных практик корпоративной социальной ответственности, обеспечение баланса прав и свобод граждан при принятии и осуществлении санкционных ограничений и т.д.).

Ключевые слова: право устойчивого развития; понятие; предмет; методология; устойчивые отношения; устойчивые нормы; санкции; ESG; устойчивое право; санкционное право.

Для цитирования: Шахназаров Б. А. Право устойчивого развития: понятие, методология. Трансформация ESG-повестки в условиях санкционных ограничений // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 7. — С. 51–63. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.051-063.

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Шахназаров Б. А., 2022

* Шахназаров Бениамин Александрович, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

ben_raf@mail.ru

Law of Sustainable Development: A Concept and Methodology. Transformation of the ESG Agenda in the Context of Sanction Restrictions²

Benjamin A. Shakhnazarov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Department of International Private Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
ben_raf@mail.ru

Abstract. The author deduces, defines and examines the concept of sustainable development law. The paper highlights the formation of the law of sustainable development as a system of norms regulating complex social relations arising in the context of sustainable development (sustainable development relations). The law of sustainable development is already taking shape. It regulates social relations of sustainable development that include environmental, social and corporate relations that mediate social development, ensure satisfaction of the needs of the current generation and do not undermine the ability to meet the needs of future generations. These relations are also regulated by an array of norms of non-state mediating the so-called ESG standards. The author examines a special methodology and specific ways legal impact on regulated social relations characteristic of the law of sustainable development: standardization and conformity determination (comparative methodology). Special attention is paid to the transformation of the law of sustainable development and the ESG agenda in the context of sanctions restrictions. The author concludes that it is advisable to consider the issues of sustainable development and legal regulation of sustainable development relations in modern conditions in the context of differentiated approaches to assessing and promoting sustainability in various areas of public relations. Regulation of public relations in the context of sanctions restrictions should be built with maximum consideration of the instruments of sustainable economic development (assessment of compliance with ESG standards, disclosure of financial and non-financial information, introduction of anti-crisis practices of corporate social responsibility, ensuring a balance of rights and freedoms of citizens in the adoption and implementation of sanctions restrictions, etc.).

Keywords: sustainable development law; concept; subject; methodology; sustainable relations; sustainable norms; sanctions; ESG; sustainable law; sanctions law.

Cite as: Shakhnazarov BA. Pravo ustoychivogo razvitiya: ponyatie, metodologiya. Transformatsiya ESG-povestki v usloviyakh sanktsionnykh ogranicheniy [Law of Sustainable Development: A Concept and Methodology. Transformation of the ESG Agenda in the Context of Sanction Restrictions]. *Lex russica*. 2022;75(7):51-63. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.051-063. (In Russ., abstract in Eng.).

Понятие и методология права устойчивого развития

В настоящее время происходит формирование права устойчивого развития как системы норм, регулирующих комплексные общественные отношения, возникающие по поводу устойчивого развития (отношения устойчивого развития). Право устойчивого развития, регулируя составляющие его предмет общественные отношения устойчивого развития: экологические, социальные и корпоративные отношения, опосредующие развитие общества, обеспечивающие удовлетворение потребностей нынешнего поколения и не подрывающие при этом возможности удовлетворения потребностей будущих

поколений, — уже сейчас приобретает свои очертания. Обозначенные отношения регулируются и массивом норм негосударственного воздействия, опосредующих так называемые ESG-стандарты. Для права устойчивого развития характерны и специальная методология, особые способы правового воздействия на регулируемые общественные отношения: стандартизация и определение соответствия (сопоставительная методология), которые предполагают установление стандартов регулирования отношений устойчивого развития в рамках одной юрисдикции и на международном уровне, а также определение соответствия деятельности субъектов права соответствующим стандартам.

² The research was carried out within the framework of the strategic academic leadership program «Priority-2030».

При этом устойчивое развитие должно основываться на «устойчивых нормах» (формирующих «устойчивое право»), которые представляется возможным определить как перспективные и прогрессивные нормы такой системы права, которая гибко подстраивается под любые экономические, политические вызовы и в этом смысле нейтральна.

Например, возможности параллельного импорта, гибкого изменения валюты расчетов, нейтральные правовые основы трансграничных кредитных и расчетных траекторий, международных инвестиционных проектов должны быть сформулированы в нормах права прогрессивно, широко и гибко для охвата всевозможных ситуаций и гибкого правового решения в российском праве. Российское право как применимое должно быть привлекательно для реализации экономических отношений независимо от политических обстоятельств. Оно должно быть прозрачным, понятным и доступным иностранным субъектам права. Необходимо задуматься и о центрах разрешения экономических и корпоративных споров по российскому праву, так как, во-первых, много иностранных субъектов вовлечены в соответствующие проекты, а во-вторых, в российской юрисдикции формируется уникальная практика регулирования кризисных экономических отношений и рассмотрения споров.

Применительно к рассматриваемой сфере отношений целесообразно и использование инструментов сравнительного правоведения, которые позволят выработать эффективный национальный ESG-стандарт, национальный стандарт устойчивого экономического развития в условиях различного рода ограничений.

Проблематика устойчивого развития для РФ в современных условиях сохраняет свое значение, но с учетом необходимой трансформации приобретает ключевой вектор — устойчивое экономическое развитие и, по сути, национальный ESG-стандарт.

В обозначенном контексте представляется целесообразной разработка стандартов ESG с избранием основного курса на повышение показателей и структурированное развитие производства, высоких технологий, экспорта готовой продукции и технологий, правовых основ и культуры устойчивых контрактов, на повышение патентной активности российских правообладателей и активное использование цифровых технологий в экономике (расчеты, платежи, цифровой рубль, инвестиции, кра-

удфандинг, банковские сервисы, расширение сфер использования экспериментальных правовых режимов (специализация правового регулирования), развитие электронного документооборота, института электронной подписи, электронного и онлайн-правосудия и др.), на развитие программ и регуляторов цифровой экономики как правовой основы устойчивого развития российской экономики.

При реализации отношений устойчивого развития необходимо учитывать три траектории ESG-регулирования, на которые в современных условиях целесообразно ориентироваться обществу по всему миру практически во всех сферах общественной деятельности:

- 1) инструменты защиты окружающей среды (в частности, углеродное регулирование, управление отходами, снижение вредных выбросов);
- 2) социальные обязательства (в контексте устойчивого социального развития общества: в частности, требования к персоналу, безопасность труда на производстве, учет демографического фактора и потребительского спроса при осуществлении предпринимательской деятельности);
- 3) стандарты корпоративного управления (в частности, раскрытие нефинансовой информации, обеспечение финансовой прозрачности и прозрачности бухгалтерского учета, закупочной деятельности, управление рисками). В различных юрисдикциях по всему миру готовятся и нормативные предложения по обязательному раскрытию информации о климатических рисках и кадрах, финансовой информации и т.д.

Здесь, действительно, крайне важно, чтобы оценка воздействия деятельности компаний через призму ESG-принципов на устойчивое развитие была заложена в основу коммерческой, инвестиционной деятельности, учитывалась при выработке надежной бизнес-стратегии с использованием риск-менеджмента. Правовая основа раскрытия информации в контексте ESG, учета такого рода факторов предпринимательской деятельности, а именно инвестиционной деятельности, крайне важна для эффективного обеспечения и развития соответствующих процессов. Так, например, отсутствие раскрытия компаниями ESG-информации может привести к неэффективным инвестициям в секторах с высоким уровнем риска, которые могут загрязнять окружающую среду

или дискриминировать сотрудников³. А при высоком уровне внутреннего и внешнего контроля, обеспечиваемом раскрытием ESG-информации, сдерживающий эффект такого раскрытия от финансовых нарушений проявляется значительно сильнее⁴. При этом инвесторы всё чаще основывают свои финансовые решения на ESG-предпочтениях⁵. Трансграничное же правовое регулирование в рассматриваемой сфере отношений позволяет гармонизировать подходы к ESG-факторам и достигать целей устойчивого развития в мировом масштабе.

Регулирование в этой сфере должно быть построено таким образом, чтобы инвесторы и потребители в конкретной юрисдикции обладали во всей полноте информацией о рисках причинения вреда окружающей среде, социальных рисках (в контексте проблематики социальной справедливости в широком смысле), рисках корпоративного управления. Оно должно быть ориентировано на обеспечение прозрачности деятельности компаний при раскрытии корпоративных данных, повышение доверия со стороны инвесторов, в том числе на основании теории заинтересованных сторон (Stakeholder theory), которая предполагает, что взаимоотношение компании с заинтересованными сторонами определяет потенциал компании в устойчивом развитии⁶.

Несмотря на глобальный кризис в сфере экономики и здравоохранения, возникший в результате пандемии COVID-19, его серьезные экологические последствия, многие компании продолжили активизировать свои усилия по совершенствованию управленческих подходов и коммуникаций в отношении экологических, социальных и управленческих аспектов ESG-повестки. Во многих случаях пандемия фак-

тически увеличила ранее существовавшие тенденции к большей интеграции ESG, подчеркнув роль бизнеса в решении множества проблем.

В нормативном контексте отмечается, что 2021 г. является годом глобальных финансовых регуляторов и негосударственных (добровольных) стандартов регулирования, направленных на выработку конкретных мер по повышению качества и охвата данных в системах хранения и управления данными⁷. Соответствующие требования выходят за рамки отчетности, связанной с климатом, и включают более широкие экологические и социальные факторы. Качественное раскрытие информации, свидетельствующей о соответствии ESG-принципам, адресованное прежде всего инвесторам, ориентировано на стимулирование инвестиционных решений, формирование потребительских предпочтений и соответствие нормативным требованиям. Эти процедуры важны не только для доступа к финансам и соблюдения нормативных требований; предоставление достоверной информации прозрачно демонстрирует риски компании и ее возможности, позволяя упростить выработку надежной бизнес-стратегии с использованием риск-менеджмента, построенного на основании ESG-принципов.

Особое значение в условиях различных подходов к устойчивому развитию приобретает именно правовое регулирование отношений устойчивого развития, правовые аспекты закрепления и реализации ESG-принципов в различных общественных процессах. Формирование ключевых векторов правового регулирования отношений устойчивого развития представляется крайне важным для преодоления современных глобальных вызовов, к кото-

³ См.: *Wan Masliza Wan Mohammad, Shaista Wasiuzzamanb*. Environmental, Social and Governance (ESG) disclosure, competitive advantage and performance of firms in Malaysia // *Cleaner Environmental Systems*. Vol. 2. June 2021. 100015. URL: <https://doi.org/10.1016/j.cesys.2021.100015> (дата обращения: 18.12.2021).

⁴ См.: *Xueying Yuang, Zhongfei Li, Jinhua Xu, Lixia Shang*. ESG disclosure and corporate financial irregularities — Evidence from Chinese listed firms // *Journal of Cleaner Production*. Vol. 332. 15 January 2022. 129992. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.129992> (дата обращения: 18.12.2021).

⁵ См.: *Merz T*. A Conceptual Framework to Test the ESG Portfolio-Level Performance Hypothesis (March 23, 2019) // URL: <https://ssrn.com/abstract=3358927> (дата обращения: 18.12.2021).

⁶ См.: *Garcia A. S., Mendes-Da-Silva W., Orsato R. J*. Sensitive industries produce better ESG performance: Evidence from emerging markets // *Journal of Cleaner Production*. 150 (2017). P. 135–147. См. также: *Ebru Saygili, Serafettin Arslan, Ayse Ozden Birkan*. ESG practices and corporate financial performance: Evidence from Borsa Istanbul // *Borsa Istanbul Review (IF3.348)*. 15.07.2021. URL: <https://doi.org/10.1016/j.bir.2021.07.001> (дата обращения: 18.12.2021).

⁷ Key ESG trends. 2021–2022 // Hogan Lovells. URL: https://www.hoganlovells.com/~/_media/hogan-lovells/pdf/2021%20PDFs/2021_05_05_ESG_5_Key_Trends.pdf (дата обращения: 05.11.2021).

рым относятся изменение климата, пандемия коронавирусной инфекции, высокий уровень бедности, низкий уровень социального обеспечения в ряде государств и др., что, безусловно, сказывается и на трансграничных процессах, международных публичных и частных правоотношениях. Именно правовые механизмы реализации ESG-принципов могут быть положены в основу процессов гармонизации и унификации законодательства различных государств в особо значимых для устойчивого развития общества областях отношений.

Ввиду необходимости определения возможностей и направлений правового регулирования отношений устойчивого развития, нормативного закрепления принципов и иных регулирующих положений, обязательств в контексте ESG-требований представляется важным уяснить правовую природу ESG-принципов, целей устойчивого развития для их унифицированной интеграции в национальные правовые системы.

Экологическая составляющая, в частности проблематика изменения климата, является одним из важнейших элементов ESG-повестки в плане устойчивого развития, которое еще в 1987 г. было определено Всемирной комиссией по окружающей среде и развитию как «развитие, обеспечивающее удовлетворение потребностей нынешнего поколения и не подрывающее при этом возможности удовлетворения потребностей будущих поколений»⁸. Концепция устойчивого развития, заложенная таким образом Всемирной комиссией по окружающей среде и развитию, предстала совокупностью руководящих принципов для долгосрочного глобального развития, ориентированных на достижение трех основополагающих целей: экономического и социального прогресса, охраны окружающей среды⁹.

С учетом того обстоятельства, что глобальное изменение климата порождает серьезные риски и вызовы для всего человечества, государств, решение проблем, связанных с изменением климата, должно быть экстерриториальным, т.е. преодолевать территори-

альные границы государств в своем регулирующем воздействии. Переход государств к «низкоуглеродной экономике» невозможен без глубокого взаимодействия, в том числе и на основе международно-правового сотрудничества.

В 2015 г. на Конференции по изменению климата, проходившей в Париже (21-я сессия Конференции сторон (КС) Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (РКООНИК) — органа Организации Объединенных Наций, ответственного за климат), в целях борьбы с изменением климата и его негативными последствиями 197 стран приняли Парижское соглашение об изменении климата. Парижское соглашение 2015 г. как важнейший международный договор в сфере глобальной экологии направлено на существенное сокращение глобальных выбросов парниковых газов и ограничение повышения глобальной температуры в этом столетии до 2 градусов Цельсия при одновременном поиске средств для еще большего ограничения этого повышения до 1,5 градусов (ст. 2 Парижского соглашения)¹⁰.

Рассматриваемое Соглашение отсылает к положениям Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата 1992 г., которая является универсальным международным договором (197 государств-участников), направленным прежде всего на недопущение опасного антропогенного воздействия на климатическую систему Земли.

Конвенция содержит определение терминов, важных и для целей Парижского соглашения, но при этом не определяет понятия устойчивого развития. В конвенции лишь закрепляется право государств-участников на устойчивое развитие, которому они должны содействовать, с учетом того, что политика и меры в области защиты климатической системы от антропогенных изменений должны соответствовать конкретным условиям каждого государства — участника Конвенции и быть интегрированы с национальными программами развития, поскольку экономическое развитие

⁸ Доклад Всемирной комиссии ООН по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» / Гру Харлем Брундтланд. 1987 // URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 05.11.2021).

⁹ См.: Устойчивое развитие / Генеральная Ассамблея ООН. Председатель 65-й сессии // URL: <https://www.un.org/ru/ga/president/65/issues/sustdev.shtml> (дата обращения: 05.11.2021).

¹⁰ Парижское соглашение 2015 г. // URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf (дата обращения: 05.11.2021).

имеет ключевое значение для принятия мер по реагированию на изменение климата (п. 4 ст. 3 Конвенции).

Парижское соглашение чаще ссылается на цели устойчивого развития, также не определяя его понятия.

Примечательно, что уже в преамбуле Парижского соглашения подчеркивается связь проблематики изменения климата и устойчивого развития в контексте вопроса борьбы с нищетой. Так, в качестве одного из оснований принятия Соглашения приводится неразрывная связь действий по борьбе с изменением климата, мер реагирования на изменение климата и воздействий изменения климата со справедливым доступом к устойчивому развитию и ликвидацией нищеты.

При этом в тексте Соглашения встречаются и термины «устойчивое управление природными ресурсами» (ст. 7), «устойчивое управление лесами» (ст. 5). В этой связи и с учетом приведенного выше определения устойчивого развития, предложенного Всемирной комиссией по окружающей среде и развитию в 1987 г., названия доклада этой комиссии («Наше общее будущее») можно заключить, что термин «устойчивое развитие» относится к стратегии и принципам принятия государственных и управленческих решений, прежде всего во всех областях использования природных ресурсов.

А учитывая глобальный характер процессов изменения климата и взаимозависимости экологических процессов во всем мире, такие решения должны носить унифицированный характер, что представляется невозможным без принятия унифицирующих международно-правовых норм, к которым и относятся в первую очередь положения Парижского соглашения 2015 г., Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата 1992 г. При этом положения данных международных договоров не содержат достаточно конкретных норм в части выработки четких критериев определения устойчивого развития, соответствия тех или иных государственных, управленческих решений ESG-принципам.

По этой причине в Соглашении декларируется и возможность использования инструментов добровольного сотрудничества при осуществлении определяемых государствами-участниками на национальном уровне вкладов, с тем чтобы создать возможности для повышения амбициозности их действий по предотвраще-

нию изменения климата и адаптации и поощрения устойчивого развития и экологической целостности.

Кроме того, в рамках ООН принимаются и релевантные программы, содержащие различные цели развития. Так, например, еще в 2000 г. Генеральная Ассамблея ООН на 15 лет приняла «Цели развития тысячелетия» (Millennium Development Goals, MDGs). Цели развития тысячелетия (ЦРТ) Организации Объединенных Наций — это 8 целей, попытаться достичь которых государства — члены ООН договорились к 2015 г.

Данные цели в области развития сформулированы в соответствующей Декларации тысячелетия (ЦРТ) и варьируются от сокращения вдвое уровня бедности до прекращения распространения ВИЧ/СПИДа и обеспечения всеобщего начального образования к установленной дате — 2015 г. Сами цели вытекают из этой Декларации. Каждая цель имеет задачи, установленные на срок до 2015 г., и индикаторы для отслеживания прогресса по сравнению с уровнями 1990 г. Цели образуют план, согласованный странами мира и ведущими мировыми институтами развития. Они активизировали беспрецедентные усилия по удовлетворению потребностей беднейших слоев населения мира. ООН также планировала продолжение работы с правительствами, гражданским обществом и иными партнерами с тем, чтобы использовать импульс, появившийся на основе ЦРТ, и продолжить реализацию амбициозной повестки дня в области развития на период после 2015 г. Декларация обязала мировых лидеров бороться с бедностью, голодом, болезнями, неграмотностью, ухудшением состояния окружающей среды и дискриминацией в отношении женщин и привела к беспрецедентным мерам, принимаемым по всему миру.

При этом уже в 2012 г. на Конференции ООН по устойчивому развитию ввиду того, что государства, принявшие Программу ЦРТ, признали ее успех и необходимость принятия новой повестки дня после 2015 г., государства — члены ООН сформировали рабочую группу с открытым составом участников для разработки комплекса целей устойчивого развития.

В 2015 г. 193 государства — члена Организации Объединенных Наций достигли консенсуса по итоговому документу новой повестки дня — Декларации «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого

развития на период до 2030 года»¹¹. После переговоров, длившихся более года, рабочая группа представила рекомендации для определения 17 целей в области устойчивого развития. 25 сентября 2015 г. в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке главы государств и правительств одобрили повестку дня в области развития на период после 2015 г., приняв Декларацию и пообещав избавить человечество от нищеты и «исцелить» планету.

В пункте 18 Декларации закреплено, что объявляются 17 целей в области устойчивого развития и 169 связанных с ними задач, которые носят комплексный и неделимый характер. Отмечается беспрецедентный характер обязательств участников, предпринимаемых совместных действий и усилий для реализации настолько широкой и универсальной стратегической программы. Вместе с тем декларируется направленность на устойчивое развитие в контексте совместного обеспечения глобального развития и взаимовыгодного сотрудничества, которые могут принести огромную пользу всем странам и всем регионам мира, притом что каждое государство сохраняет «полный постоянный суверенитет» в отношении всех своих богатств, природных ресурсов и экономической деятельности и «вправе свободно осуществлять этот суверенитет». Подтверждается приверженность международному праву и подчеркивается, что планируемые меры будут реализовываться таким образом, чтобы это соответствовало правам и обязанностям государств согласно международному праву. Таким образом, можно заключить, что Декларация носит международно-правовой характер, а ее положения и цели могут служить ориентирами при совершенствовании национального законодательства государств в сфере устойчивого развития.

В качестве целей устойчивого развития в п. 59 Декларации устанавливается 17 укрупненных групп целей.

Несмотря на декларативное звучание положений этого пункта, данные цели играли и продолжают играть важную роль в гармонизации деятельности государств и частных субъектов в сфере устойчивого развития.

В контексте реализации обозначенных целей уже сейчас представляется возможным включать механизмы устойчивого развития, отвечающие этим целям, в деятельность органов государственной власти, в операционную деятельность компаний, в разного рода юридические акты, различные сферы правоотношений. Вместе с тем в мире наблюдается тенденция, когда предложение акционеров является инструментом для реализации программ ESG (Aquila, 2019), притом что реализация ESG-принципов слабо влияет на прибыльность компаний¹². Однако механизмы реализации корпоративной и социальной ответственности в деятельности компаний являются теми основами ESG-принципов, которые уже сейчас могут быть детально урегулированы национальными нормативно-правовыми актами.

Рассматриваемые цели служат и определенного рода нормативной основой для деятельности рейтинговых агентств (таких, например, как MSCI, Institutional Shareholder Services (ISS), Sustainalytics, S&P Global), оценивающих ESG-соответствие компаний¹³. Многие инвесторы используют данные рейтинговых агентств в качестве основы для проведения собственного независимого анализа. Рейтинговые агентства собирают данные об усилиях компании в отношении ESG посредством прямых опросов или публично раскрытой информации компании, выставляют оценки на основе своего мнения о подверженности компании рискам по сравнению с другими организациями отрасли. Рейтинги основываются на качественных и количественных данных. Публикуются сравнительные данные, полезные инвесторам.

¹¹ Декларация от 25.09.2015, принята Генеральной Ассамблеей ООН // URL: <https://docs.cntd.ru/document/420355765> (дата обращения: 05.11.2021).

¹² См.: The Legal Framework of Shareholders Activism in Malaysia in Promoting Environmental, Sustainability and Governance (ESG) / Muhammad Umar Abdul Razak, Wan Zulhafiz Wan Zahari, Abdul Mu'iz Abdul Razak [et al.] // Environment-Behaviour Proceedings Journal. 2021. 6 (16). P. 203–208. URL: <https://doi.org/10.21834/ebpj.v6i16.2663> (дата обращения: 05.11.2021).

¹³ Moats M. C., DeNicola P. The Corporate Director's Guide to ESG // Harvard Law School Forum on Corporate Governance. URL: <https://corpgov.law.harvard.edu/2021/12/15/the-corporate-directors-guide-to-esg/> (дата обращения: 05.11.2021).

Право устойчивого развития и ESG-повестка в условиях санкционных ограничений

Рассмотрение проблематики устойчивого развития и правового регулирования отношений устойчивого развития в современных условиях целесообразно осуществлять с учетом дифференцированных подходов к оценке, продвижения устойчивости в различных областях общественных отношений. Обозначенное обусловлено в первую очередь самими Целями устойчивого развития (ЦУР) ООН, которых, несмотря на декларируемую позицию ООН о связанности целей общей идеей улучшения благосостояния и защиты нашей планеты¹⁴, все же представляется логичным достигать, вырабатывая отдельные системы мер (например, в отношении таких целей, как ликвидация нищеты, гендерное равенство и сохранение морских экосистем), ввиду достаточной автономности соответствующих целей. Обозначенная автономность влияет и на различающуюся степень интеграции ESG-стандартов в различных сферах правоотношений в кризисных условиях.

В современных условиях широкого распространения санкционных ограничений ESG-стандарты могут и должны быть механизмом преодоления последствий, вызванных такими ограничениями и проявляющихся в экономической дестабилизации как на внутрисударственном, так и на международном уровне. Акцент в ESG-повестке смещается с глобального экологического, климатического вектора на устойчивое экономическое развитие и стандарты социального обеспечения в условиях экономической нестабильности совершенно различных общественных процессов.

Введенные в 2022 г. рядом государств санкции против РФ и ответные санкционные ограничения оказали значительное влияние на бизнес и экономические процессы в целом во всем мире. Ряд компаний столкнулся с новыми обстоятельствами, новыми ограничительными правовыми режимами осуществления деятельности. Возникла необходимость в санкционном комплаенсе, учете того обстоятельства, что некоторые клиенты — частные лица и компании-контрагенты были включены в санкционные

списки, а также в принятии конкретных решений о полном прекращении коммерческой деятельности. Заморозка активов, ограничение возможностей трансграничных расчетов, трансграничных транзакций и другие ограничения — все это стало, по сути, мощнейшим вызовом, проверкой эффективности корпоративных систем управления, социальной ответственности и механизмов устойчивой экономики в целом, формируемых с учетом ESG-стандартов.

Практически во всем мире бизнес, руководство компаний пребывает в состоянии постоянного анализа стремительно меняющегося правового ландшафта и корректирует траектории своей деятельности с учетом сложившегося в условиях санкций кризиса с точки зрения ESG-повестки, ценностей и культуры. Например, более 500 крупных компаний Великобритании с конца февраля до середины апреля ушло с российского рынка, а ряд других временно приостанавливает деятельность¹⁵.

Для этих субъектов речь идет не только о выполнении требований нормативных правовых актов, но и о соблюдении социальных стандартов и этических норм с одновременным предотвращением возникновения репутационных рисков, связанных с тем, что их считают лицами, которые косвенно извлекают выгоду из работы с Россией или Беларусью.

В течение многих лет прогнозировалось, что важность ESG при принятии инвестиционных решений будет возрастать. С учетом кризисного характера развития экономики можно заключить, что данная тенденция не изменилась. При этом происходит трансформация ESG-повестки в ряде экономических процессов, в частности при осуществлении устойчивого финансирования, устойчивых инвестиций.

Инвесторы, особенно те, кто уделяет первостепенное внимание факторам ESG, должны более внимательно анализировать акции и другие активы, которыми они владеют, будь то индивидуально или через фонды, чтобы определить свои риски и любой риск заморозки, ограничений активов.

Действия «ответственных инвесторов», которые учитывают факторы ESG при принятии финансовых решений, уже привели к изъятию

¹⁴ См.: 17 целей для преобразования нашего мира // URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/17-goals-to-transform-our-world> (дата обращения: 26.05.2022).

¹⁵ *Weighel R.* Sanctions from an ESG Perspective — Are social responsibility considerations overtaking sanctions compliance over the Russian invasion of Ukraine? // URL: <https://www.bdo.co.uk/en-gb/insights/industries/financial-services/sanctions-from-an-esg-perspective> (дата обращения: 26.05.2022).

инвестиций с российского рынка, а такие фирмы, как, например, BlackRock, сообщают, что они активно выступали перед компаниями, осуществляющими рейтингование и присвоение индексов, за исключением российских ценных бумаг из индексов с широкой базой¹⁶.

Политический и экономический кризис в контексте широкого распространения санкционных ограничений, безусловно, влияет на вектор ESG-повестки. Но, как представляется, стабильное развитие на основе четких стандартов и целей устойчивого развития, закрепленных именно на нормативном правовом международном и внутригосударственном уровне, позволит преодолеть серьезные экономические последствия кризиса. При этом смещение вектора развития ESG-стандартов с международного на национальный не должно подменять изначальных ценностей ESG-повестки, вытекающих из Целей устойчивого развития ООН. Будучи изначально глобальной, идея устойчивого развития сохраняет свою актуальность в мире в целом, а в государствах, готовых осуществлять экономическое сотрудничество с подсанкционными государствами и частными субъектами, она может находить воплощение в двусторонних и региональных международных договорах, а также пронизывать соответствующие трансграничные отношения.

В условиях всеобъемлющих санкционных ограничений, как персональных, так и секторальных, можно констатировать, что на ESG-стандарты оказывают влияние нормативные изменения, ограничивающие торговый оборот, рынки капиталов, а также права конкретных лиц, влияющих на системы управления предприятиями.

Отмечается, что ESG-стандарты как инструмент оценки рисков понятны эмитентам и инвесторам в любой юрисдикции, а системы корпоративного управления приобретут особое значение в развитии бизнеса¹⁷ в условиях санкционного кризиса. Ряд мер в контексте устойчивого развития, в том числе изменение стратегий и планов, опубликование нефинансовой отчетности, подтверждение достижения целевых показателей, уточнение методологий агентств с учетом российских и международ-

ных стандартов, позволит повысить качество экспертизы и оценки рисков ESG в кризисных ситуациях¹⁸.

Масштаб санкционных ограничений, включая ответные меры с февраля по май 2022 г., действительно беспрецедентный, что возводит инструменты управления рисками на особый уровень при реализации различного рода коммерческих отношений. Осуществление практик должной осмотрительности, санкционного комплаенса, анализа правового ландшафта той или иной юрисдикции в контексте санкционных ограничений представляется необходимым инструментом при реализации трансграничных отношений практически во всех сферах бизнеса. Анализ условий персональных санкций, учет различных национальных и региональных списков подсанкционных лиц, правильное толкование содержания и объема санкционных мер также предопределяют экономическую устойчивость конкретного бизнеса, предпринимательских отношений зачастую и в целом в определенной сфере бизнеса.

Сохраняет свою актуальность в условиях санкционных ограничений и необходимость соблюдения ряда нормативных и рекомендательных актов в сфере устойчивого развития. Например, при повышении качества раскрытия информации и отчетности обязательными для учета актами являются Цели устойчивого развития ООН, Глобальная инициатива ООН по отчетности (GRI), включая издание «Связывание ЦУП со стандартами GRI, 2021», рекомендации TCFD — рабочей группы по раскрытию финансовой информации, связанной с климатом, и др.

Обеспечение прозрачной отчетности и раскрытие финансовой и нефинансовой информации как меры, коррелирующие с современными ESG-стандартами, могут быть сопряжены с рисками подпадания под санкционный мониторинг в связи с персональными и секторальными санкциями. При этом умышленное сокрытие информации в любом случае предполагает санкционные риски и в ряде случаев может признаваться нарушением, влекущим дополнительную ответственность.

Например, Управление по контролю за иностранными активами Министерства финансов

¹⁶ См.: *Weighel R.* Op. cit.

¹⁷ См.: *Четвериков В.* ESG против санкций: как устойчивое развитие поможет справиться с кризисом // URL: <https://amr.ru/press/news/detail/esg-protiv-sanktsiy-kak-ustoychivoe-razvitie-pomozhet-spravit-sya-s-krizisom/> (дата обращения: 27.05.2022).

¹⁸ См.: *Четвериков В.* Указ. соч.

США (OFAC) принимает меры по воспрепятствованию сокрытию и умышленному искажению информации. Так, OFAC призывает всех, кто нарушил правила, контроль за соблюдением которых находится в ведении OFAC, добровольно сообщить OFAC о явных нарушениях. Добровольное самораскрытие информации (Voluntary Self-Disclosure, VSD) рассматривается OFAC как смягчающий фактор в правоприменительных действиях и, таким образом, в соответствии с Руководством OFAC по правоприменению, приведет к уменьшению базовой суммы любого предлагаемого гражданско-правового наказания.

Важно определить характер и место санкционного регулирования в контексте права устойчивого развития, поскольку длительное действие санкционных режимов может противодействовать устойчивости в различных сферах общественных отношений. При этом основная идея принятия санкционных норм сводится к мерам, направленным на изменение политического курса, ответным мерам, противодействию недружественным действиям.

Так, в РФ еще в 2018 г. был принят Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств»¹⁹, направленный на защиту интересов и безопасности Российской Федерации, ее суверенитета и территориальной целостности, прав и свобод граждан Российской Федерации от недружественных действий Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств, в том числе выражающихся во введении политических или экономических санкций в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц, в совершении других действий, представляющих угрозу территориальной целостности Российской Федерации или нацеленных на экономическую и политическую дестабилизацию Российской Федерации.

Для понимания проблематики устойчивого развития необходимо соотносить в каждом конкретном случае обоснование введения тех или иных первоначальных санкционных мер с правовыми основами устойчивого развития, включая ЦУР ООН.

Так, например, 16-я цель устойчивого развития заключается в содействии построению ми-

ролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечении доступа к правосудию для всех и создании эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях. Одновременно отмечается, что конфликты, отсутствие безопасности, слабость институтов власти и ограниченность доступа к правосудию остаются серьезными угрозами для устойчивого развития. Число людей, спасающихся бегством от войны, преследований и конфликтов, превысило 70 млн в 2018 г., что является самым высоким показателем, когда-либо зафиксированным Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) за почти 70 лет. Кроме того, во всем мире официально не регистрируется факт рождения примерно каждого четвертого ребенка в возрасте до 5 лет, что лишает таких детей документов, удостоверяющих личность, которые имеют решающее значение для защиты их прав и доступа к правосудию и социальным услугам.

Как представляется, при введении тех или иных санкционных мер необходимо учитывать и обозначенную выше проблематику устойчивости общественных отношений, выражающуюся в обеспечении безопасности, предотвращении конфликтов, что напрямую сопряжено с соблюдением прав человека и гражданина. Право устойчивого развития здесь может выступать определенным мерилем, способом соотнесения целесообразности санкционных мер с точки зрения обеспечения основных прав и свобод человека и гражданина (что является основной ценностью) в последующем, после введения соответствующих санкционных мер, ответных ограничительных мер и т.д.

Вопрос о том, можно ли признать военные действия исключениями из отношений устойчивого развития, крайне важен с точки зрения планирования и развития правового регулирования отношений устойчивого развития. С учетом зачастую вынужденного характера военных действий между государствами и недостижения компромиссов путем переговоров как основания всех современных военно-политических конфликтов очевидно, что последние происходят вне рамок какого-либо политического и тем более экономического планирования. Так же как военные операции и военные действия всегда вызывают множество споров с точки зрения их легитимации, правовые основы устой-

¹⁹ СПС «КонсультантПлюс».

чивого развития не могут гарантировать предотвращения военных конфликтов в мире как одних из оснований введения экономических санкций. Соответственно, закладывать в правовое регулирование отношений устойчивого развития военно-политический фактор никогда не приходилось государствам, с учетом того обстоятельства, что таковой входит в предмет международного публичного права. Нарушения прав человека в условиях военных конфликтов и преодоление последствий таких нарушений, восстановление нарушенных прав являются основной проблематикой и вектором правового регулирования с точки зрения и санкционного права. Ведь конечная цель санкций должна заключаться не столько в изменении политического курса, сколько в восстановлении нарушенных прав, прекращении происходящих нарушений. Применительно к толкованию фактов таких нарушений как раз подходы государств могут существенно различаться, что, безусловно, порождает сами конфликты и не способствует их разрешению.

В связи с этим правовые основы устойчивого развития могут и должны содержать если не подходы к предотвращению военно-политических конфликтов, то по крайней мере социальные и экономические инструменты сдерживания развития таких конфликтов и преодоления их последствий, поскольку они существенно влияют на права людей, планету и достижение целей устойчивого развития.

Многочисленные санкционные ограничения, введенные в 2022 г. в отношении России, вызвали различные дискуссии и об устойчивом инвестировании, подчеркнув растущее влияние концепций устойчивого развития на инвестирование в целом²⁰.

Устойчивость инвестиционных отношений является основной составляющей отношений устойчивого развития и, безусловно, подвержена существенному влиянию военно-политических конфликтов. Оценка серьезных экологических, социальных проблем и вопросов корпоративного управления в компании, появившихся или усилившихся в условиях санкционных ограничений, существенно усложняется и видоизменяется. Обозначенные факторы влияют на инвестиционные решения по всему

миру ввиду глобального характера цепочек поставок, экономической взаимосвязи целого ряда общественных отношений и процессов. В основе устойчивых инвестиционных решений должны быть теперь не только финансовые показатели, характер ESG-соответствия, но и оценка возможности присутствия на том или ином рынке, возможности управления инвестициями на конкретном рынке, а также в рамках глобальных проектов. Трансграничная деятельность компаний, остающихся вне политического давления, направленная на обеспечение баланса прав, свобод и интересов своих клиентов, потребителей по всему миру, независимо от принадлежности к подсанкционному государству, в целом коррелирует с идеями устойчивого экономического развития, несмотря на причины военно-политических кризисов и ход их развития. Говоря о финансовых правоотношениях и проблематике финансового, валютного кризиса, стоит отметить особое значение современных технологий для их преодоления. Пристальное внимание в обозначенном контексте следует уделить правовому регулированию отношений по трансграничному обороту криптовалют, имеющему потенциал преодоления кризиса. Очевидно, что проблематика усложняется и сырьевым кризисом, инфляционными процессами.

Возникает и особая необходимость в эффективном переходе к низкоуглеродной экономике для предотвращения наихудших последствий изменения климата, что, несомненно, является ключевым фактором инвестирования в области экономики, опосредующим устойчивое развитие. Фонды, которые фокусируются на борьбе с изменением климата или других темах устойчивого развития, отличаются от тех, которые используют более общий подход ESG. Первые могут быть не такими диверсифицированными и напоминать отраслевые фонды, например те, которые сосредоточены на возобновляемых источниках энергии²¹, что также актуально в условиях энергетического кризиса.

Правовое регулирование отношений устойчивого развития в обозначенном контексте крайне важно дополнять антикризисными нормами, действующими в условиях военно-политических конфликтов и вызванных ими эко-

²⁰ Hale J. Rules of Engagement: Rejecting Russia is Just the Start for ESG // URL: <https://www.morningstar.co.uk/uk/news/219811/rules-of-engagement-rejecting-russia-is-just-the-start-for-esg.aspx> (дата обращения: 28.05.2022).

²¹ См.: Hale J. Op. cit.

номических кризисов: правилами устойчивого инвестирования, обеспечения прав инвесторов (имущественных, интеллектуальных); финансовыми, валютными гарантиями. Идея устойчивого развития, цели устойчивого развития могут и должны служить основой антикризисного управления, наиболее эффективным базисом санкционного права, основная цель которого должна сводиться к урегулированию конфликтов, а не их развитию. Регулирование различных

общественных отношений в условиях санкционных ограничений необходимо выстраивать с максимальным учетом действия инструментов устойчивого экономического развития (оценка соответствия ESG-стандартам, раскрытие финансовой и нефинансовой информации, внедрение антикризисных практик корпоративной социальной ответственности, обеспечение баланса прав и свобод граждан при принятии и осуществлении санкционных ограничений и т.д.).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Четвериков В. ESG против санкций: как устойчивое развитие поможет справиться с кризисом // URL: <https://amr.ru/press/news/detail/esg-protiv-sanktsiy-kak-ustoychivoe-razvitie-pomozhet-spravitsya-s-krizisom/> (дата обращения: 27.05.2022).
2. Ebru Saygili, Serafettin Arslan, Ayse Ozden Birkan. ESG practices and corporate financial performance: Evidence from Borsa Istanbul // *Borsa Istanbul Review* (IF3.348). — 15.07.2021. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.bir.2021.07.001> (дата обращения: 18.12.2021).
3. Garcia A. S., Mendes-Da-Silva W., Orsato R. J. Sensitive industries produce better ESG performance: Evidence from emerging markets // *Journal of Cleaner Production*. — 150 (2017). — P. 135–147.
4. Hale J. Rules of Engagement: Rejecting Russia is Just The Start For ESG // URL: <https://www.morningstar.co.uk/uk/news/219811/rules-of-engagement-rejecting-russia-is-just-the-start-for-esg.aspx> (дата обращения: 28.05.2022).
5. Merz T. A Conceptual Framework to Test the ESG Portfolio-Level Performance Hypothesis (March 23, 2019) // URL: <https://ssrn.com/abstract=3358927>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3358927> (дата обращения: 18.12.2021).
6. Moats M. C., DeNicola P. The Corporate Director's Guide to ESG. Harvard Law School Forum on Corporate Governance // URL: <https://corpgov.law.harvard.edu/2021/12/15/the-corporate-directors-guide-to-esg/> (дата обращения: 05.11.2021).
7. Muhammad Umar Abdul Razak, Wan Zulhafiz Wan Zahari, Abdul Mu'iz Abdul Razak, Azlan Roni, Nurul Ula Ulya. The Legal Framework of Shareholders Activism in Malaysia in Promoting Environmental, Sustainability and Governance (ESG) // *Environment-Behaviour Proceedings Journal*. — 2021. — 6(16). — P. 203–208. — URL: <https://doi.org/10.21834/ebpj.v6i16.2663> (дата обращения: 05.11.2021).
8. Wan Masliza Wan Mohammada, Shaista Wasiuzzamanb. Environmental, Social and Governance (ESG) disclosure, competitive advantage and performance of firms in Malaysia // *Cleaner Environmental Systems*. — Vol. 2. — June 2021. — 100015. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.cesys.2021.100015> (дата обращения: 18.12.2021).
9. Weighel R. Article: Sanctions from an ESG Perspective — Are social responsibility considerations overtaking sanctions compliance over the Russian invasion of Ukraine? // URL: <https://www.bdo.co.uk/en-gb/insights/industries/financial-services/sanctions-from-an-esg-perspective> (дата обращения: 26.05.2022).
10. Xueying Yuang, Zhongfei Li, Jinhua Xu, Lixia Shang. ESG disclosure and corporate financial irregularities — Evidence from Chinese listed firms // *Journal of Cleaner Production*. — Vol. 332. 15 January 2022. — 129992. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.129992> (дата обращения: 18.12.2021).

Материал поступил в редакцию 8 июня 2022 г.

REFERENCES

1. Chetverikov V. ESG protiv sanktsiy: kak ustoychivoe razvitie pomozhet spravitsya s krizisom [ESG against sanctions: how sustainable development will help to cope with the crisis]. Available at: <https://amr.ru/press/news/detail/esg-protiv-sanktsiy-kak-ustoychivoe-razvitie-pomozhet-spravitsya-s-krizisom/> (Accessed: 27.05.2022). (In Russ.).
2. Ebru Saygili, Serafettin Arslan, Ayse Ozden Birkan. ESG practices and corporate financial performance: Evidence from Borsa Istanbul. *Borsa Istanbul Review* (IF3.348). Available at: <https://doi.org/10.1016/j.bir.2021.07.001> (Accessed: 18.12.2021). (In Russ.).
3. Garcia AS, Mendes-Da-Silva W, Orsato RJ. Sensitive industries produce better ESG performance: Evidence from emerging markets. *Journal of Cleaner Production*. 150(2017):135-147. (In Russ.).
4. Hale J. Rules of Engagement: Rejecting Russia is Just The Start For ESG. Available at: <https://www.morningstar.co.uk/uk/news/219811/rules-of-engagement-rejecting-russia-is-just-the-start-for-esg.aspx> (Accessed: 28.05.2022). (In Russ.).
5. Merz T. A Conceptual Framework to Test the ESG Portfolio-Level Performance Hypothesis (March 23, 2019). Available at: <https://ssrn.com/abstract=3358927> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3358927> (Accessed: 18.12.2021).
6. Moats MC, DeNicola P. The Corporate Director's Guide to ESG. Harvard Law School Forum on Corporate Governance. Available at: <https://corpgov.law.harvard.edu/2021/12/15/the-corporate-directors-guide-to-esg/> (Accessed: 05.11.2021).
7. Muhammad Umar Abdul Razak, Wan Zulhafiz Wan Zahari, Abdul Mu'iz Abdul Razak, Azlan Roni, Nurul Ula Ulya. The Legal Framework of Shareholder Activism in Malaysia in Promoting Environmental, Sustainability and Governance (ESG). *Environment-Behavior Proceedings Journal*. 2022;6(16):203-208. Available at: <https://doi.org/10.21834/ebpj.v6i16.2663> (Accessed: 05.11.2021).
8. Wan Masliza Wan Mohammada, Shaista Wasiuzzamanb. Environmental, Social and Governance (ESG) disclosure, competitive advantage and performance of firms in Malaysia. *Cleaner Environmental Systems*. 2021;2:100015. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.cesys.2021.100015> (Accessed: 18.12.2021).
9. Weighel R. Article: Sanctions from an ESG Perspective — Are social responsibility considerations overtaking sanctions compliance over the Russian invasion of Ukraine? Available at: <https://www.bdo.co.uk/en-gb/insights/industries/financial-services/sanctions-from-an-esg-perspective> (Accessed: 26.05.2022).
10. Xueying Yuang, Zhongfei Li, Jinhua Xu, Lixia Shang. ESG disclosure and corporate financial irregularities — Evidence from Chinese listed firms. *Journal of Cleaner Production*. 2022;332:129992. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.129992> (Accessed: 18.12.2021).

Методологический потенциал истории политических и правовых учений¹

Аннотация. Статья посвящена не проблемам методологического инструментария в традиционном смысле этого слова. Трудно, а может быть, даже невозможно найти в интеллектуальной истории человечества мыслителя, который в той или иной степени не касался бы права и государства, других политико-правовых институтов. Каждый из них руководствовался своей собственной методологией. Допускаем, что это могло происходить на уровне подсознания. Акцент в данной статье сделан не на том, какие методы использовались при изучении сущности политических и правовых институтов, а на совершенно других аспектах. Конкретно — на методологической составляющей (потенциале) истории политических и правовых учений. Особенность данной науки и учебной дисциплины заключается в том, что она накопила колоссальный опыт осмысления государственного и правового строительства в мировом масштабе, а не только применительно к отдельной стране или континенту. Основа любой цивилизации, страны и государства — экономика и идеология.

Цель статьи — обратить внимание именно на методологический потенциал (возможности) истории политических и правовых учений. В этой отрасли научного знания мы можем найти не только теоретические модели, представляющие интерес для науки. Самое главное состоит в том, что история государственного строительства наглядно показывает результаты внедрения теоретических конструкций в реальные социальные практики. Иными словами, методология интерпретируется в статье не под когнитивным углом зрения, а несколько шире, в тесной связке «доктрина — практика».

Ключевые слова: государство; доктрина; история; метод; методология; политика; право; потенциал; учения.

Для цитирования: Корнев А. В. Методологический потенциал истории политических и правовых учений // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 7. — С. 64–73. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.064-073.

Methodological Potential of the History of Political and Legal Doctrines²

Arkadiy V. Kornev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
kornev_av@rambler.ru

Abstract. The paper is not devoted to the problems of methodological framework in the traditional sense of the word. It is difficult, and perhaps even impossible, to find in the intellectual history of mankind a thinker

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00779.

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-011-00779.

© Корнев А. В., 2022

* *Корнев Аркадий Владимирович*, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
kornev_av@rambler.ru

who would not dwell on law and the state, other political and legal institutions. They all were guided by their own methodology. We assume that this could happen even at the subconscious level. The emphasis in this paper is not on what methods were used in the study of the essence of political and legal institutions, but on completely different aspects. Specifically, the focus is made on the methodological component (potential) of the history of political and legal doctrines. The peculiarity of this science and academic discipline is that it has accumulated enormous experience in understanding the state and legal construction on a global scale, and not only in relation to a particular country or continent. Economy and ideology constitute the basis of any civilization, country and state.

The aim is to draw attention to the methodological potential (possibilities) of the history of political and legal doctrines. In this branch of scientific knowledge, we can find not only theoretical models of interest for research. The most important thing is that the history of state construction illustrates to us the experience of introducing theoretical constructions into real social practices. In other words, the methodology is interpreted in the article not from a cognitive point of view, but somewhat more broadly, in a close «doctrine — practice» combination.

Keywords: state; doctrine; history; method; methodology; politics; law; potential; teachings.

Cite as: Kornev AV. Metodologicheskiy potentsial istorii politicheskikh i pravovykh ucheniy [Methodological Potential of the History of Political and Legal Doctrines]. *Lex russica*. 2022;75(7):64-73. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.064-073. (In Russ., abstract in Eng.).

Наука представляет собой одну из разновидностей общественного сознания наряду с искусством, религией, правовым сознанием. Во всяком случае, так было принято считать ранее. Особых изменений в подходах не наблюдается. Другое дело, что в настоящее время существенно пересмотрены взгляды на соотношение науки и религии. Сегодня почти не слышны голоса тех, кто резко противопоставляет эти два института. Однако изменения, касающиеся мировоззренческих основ бытия, не затронули главного, а именно: религия черпает доводы в пользу своих постулатов внутри самой себя, то есть не выходя из своей во многом уникальной системы аргументации. Справедливости ради стоит отметить огромную роль религии в становлении и развитии культуры как таковой. Кроме того, система религиозных взглядов являлась главным элементом в механизме социализации человека на протяжении многих веков, пока ей на смену не пришла рациональная, а затем и научная картина мира. Только один пример. Галилео Галилей, современник Шекспира, профессор математики в Университете Падуи, усовершенствовал телескоп, который впервые появился в Гааге в 1608 г. Это позволило ему найти эмпирические аргументы в пользу теории Коперника. В своем «Диалоге о двух главнейших системах мира» (1632) он сравнил системы Птолемея и Коперника, отдав предпочтение взглядам последнего. Убеденный рационалист, Г. Галилей не считал Библию авторитетным научным источником. Разумеется, профессор предстал перед судом инквизи-

ции, и только «нестыковка» между церковной и секулярной юрисдикцией спасла его от костра.

Парадоксально, но в литературе науку и инквизицию как особый религиозно-правовой процесс довольно часто сравнивают — и находят что-то общее. Даже родилась своеобразная метафора: «наука есть допрос природы под пыткой»³. Конечно, придавать этому серьезное значение не стоит. Религиозный взгляд на мир предполагает некую данность, которую необходимо воспринимать некритически.

Иное дело научные знания. Наряду с интерпретацией науки в качестве формы общественного сознания, науку квалифицируют как сферу исследовательской деятельности, которая направлена на производство новых знаний о природе, обществе и мышлении.

К величайшему сожалению, история политических и правовых учений в настоящее время все более перемещается в сферу науки. В программе бакалавриата такой дисциплины нет. В программе магистратуры количество часов, отводимых на изучение данного предмета, настолько скромное, что говорить серьезно даже о поверхностном освоении курса просто не приходится. И это притом, что во многих документах стратегического планирования говорится о сохранении традиционных ценностей российского социума и даже о духовно-нравственном лидерстве нашей страны-цивилизации. А как этого добиться, если молодые люди мало что или совсем ничего не знают о ведущих политических теориях и их влиянии на жизнь государственно-организованного общества?

³ Блэк Дж. Краткая история Италии. М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. С. 118.

Причем как отечественные мыслители, так и зарубежные авторы современным молодым людям, как правило, неизвестны.

В западном обществе отчетливо заметны процессы разложения социальных институтов, размывания культурных ценностей, расчеловечивания человека. И все это, разумеется, ради торжества демократии. Да и в нашем российском социуме появились тревожные симптомы. Все большее количество российской молодежи воспринимает откровенно дегенеративную гедонистическую «формулу» жизни.

Отчетливо просматривается тенденция к хаотизации процессов не только на международном уровне, но и на национальном. Обозначились центры, кровно заинтересованные в разжигании смуты как в умах, так и в социальных практиках. Важно посеять хаос в стране, которая противостоит господству, и не допустить его у себя. Или допустить лишь в той мере, которая позволит оправдать силовое вмешательство, направленное на минимизацию протестных отношений. Даже если для них имеются веские основания. В этих условиях роль права становится все менее значительной. Конкретно для нашей страны это губительно, ибо есть некая историческая наследственность. Граф Л. Н. Толстой видел силу русского народа в простоте и упрямстве. Во время Крымской войны, участником которой он являлся, Л. Н. Толстой, по его словам, испытывал двойственное чувство: гордость за русских людей и стыд за извечный российский непорядок. Но также в сердце его жила надежда: «Россия или должна пасть, или совершенно преобразиться»⁴.

Юридические науки принято делить на историко-теоретические, отраслевые и специальные (прикладные). Особое место занимает международное право. Данная классификация не является единственной и общепризнанной. Соотношение юридических наук и учебных дисциплин находится в постоянном развитии. Не стóит об этом забывать. Это если говорить об учебных дисциплинах.

Что касается собственно юридической науки, то здесь произошли кардинальные изменения. Область науки теперь именуется «Социальные и гуманитарные науки», группа научных специальностей — «Право», наименование отрасли науки, по которой присуждаются ученые степени, — «Юридические науки». Утверждены следующие шифры научных специальностей:

теоретико-исторические правовые науки; публично-правовые (государственно-правовые) науки; частноправовые (цивилистические) науки; уголовно-правовые науки; международно-правовые науки.

Произошло значительное сокращение научных специальностей. Акцент сделан не на конкретизацию отдельных вопросов, требующих научного осмысления, а на направления исследований.

История политических и правовых учений относится к числу теоретико-исторических правовых наук. Если рассматривать четыре составные части этих наук: теорию государства и права; историю государства и права России; историю государства и права зарубежных стран; историю учений о государстве и праве, — то несомненным методологическим статусом обладает теория государства и права. Или обладала. Во всяком случае, под влиянием западной, особенно англосаксонской, системы юридического образования некоторые современные отечественные авторы не только отрицают методологический характер общей теории права и государства (первенство права или государства чаще всего зависит от идеологических пристрастий), но и саму необходимость в такой науке и дисциплине.

Тому есть некоторые причины, которые сто́ит рассмотреть подробнее. В советской системе юридического образования имела место своеобразная иерархия, если угодно, объективно необходимый порядок. Кафедры научного коммунизма, истории КПСС, марксистско-ленинской философии находились на вершине пирамиды образования. Они играли особую, привилегированную роль. Состав персонала этих кафедр тщательно подбирался. Было желательно, чтобы преподаватели являлись членами коммунистической партии. Особое место этих кафедр объяснялось тем, что они отвечали за идеологию. И такая позиция была правильной, поскольку в основе любого социально-экономического проекта лежит неразрывное единство идеологии и экономики.

А вот среди собственно юридических кафедр лидирующие позиции занимала кафедра теории государства и права. Во-первых, потому что отраслевые дисциплины в конечном счете также изучали государство и право, но под своим, как принято говорить, углом. Во-вторых, воспринимая государство и право как надстроеч-

⁴ Цит. по: Жуков Д. Заветное. М. : Современник, 1981. С. 125.

ные явления, производные от экономического базиса, данная теоретическая дисциплина обобщала разрозненные правовые знания и формулировала юридические понятия, которыми пользовались отраслевые юридические дисциплины. Никакого отрыва теории от отраслевых дисциплин, тесно связанных с практикой, как правило, не наблюдалось. Теоретики права советского периода во многом продолжали традиции дореволюционных ученых, таких как С. А. Муромцев, Л. И. Петражицкий и др. О. С. Иоффе был признанным авторитетом как в цивилистике, так и в общей теории права. С. С. Алексеев пришел в теорию права из гражданского права, а в конце своей научной биографии плодотворно занимался проблемами конституционного права, а также философией права. Н. Г. Александров проявлял интерес к общей теории права, хотя считается выдающимся ученым в области трудового права. Есть и другие примеры.

Среди функций теории государства и права особую роль играют онтологическая, эвристическая и методологическая. Онтология (наука о сущем) применительно к теории государства и права выражается в объяснении сущности государственно-правовых явлений.

Эвристическая функция объективируется в отыскании способов и методов решения проблем, имеющих государственно-правовой характер. И не только. В этом состоит одна из функций науки вообще. К примеру, Франклин Делано Рузвельт, возглавив США в период величайших испытаний, так называемой Великой депрессии, в своей практической деятельности опирался на группу профессоров Колумбийского университета, которую называли «мозговым трестом»⁵. Этот университет некоторое время имел репутацию «инкубатора» президентуры. Попутно заметим, что и другие президенты обращались за экспертно-научной помощью. Гарвард, Йельский и Принстонский университеты, Массачусетский технологический институт давали власти в высшей степени полезные рекомендации. Ну и, конечно же, нельзя не вспомнить выдающегося экономиста Дж. М. Кейнса, который выступал за активное вмешательство государства в экономику, вплоть до планирования экономического развития. Потом, правда, у данной экономической политики появился авторитетный критик, а именно Фридрих фон

Хайек. Его знаменитая «Дорога к рабству» стала цитатником для отечественных экономистов «либерального» толка, практически приведших страну к пропасти.

Собственно методологическая функция теории государства и права заключается в том, что она предлагает отраслевым наукам продуктивные методы исследования государственно-правовых явлений, проводит своего рода селекцию этих методов на предмет научной пригодности, а также формулирует базовые понятия юридической науки. И здесь мы имеем возможность наблюдать некоторую двойственность. С одной стороны, теория государства и права использует научные категории, присущие науке вообще. В качестве таковых выступают время, пространство, бытие, причина, следствие и т.д. Теория не может придавать им иной смысл, чем тот, в котором они употребляются. Иногда говорят, что научные категории представляют собой очки, через которые исследователь смотрит на мир. Образно, но очень убедительно. С другой стороны, теория государства и права формирует новые и шлифует устоявшиеся правовые категории под влиянием времени и обстоятельств.

Задача этой статьи — раскрыть методологический потенциал истории политических и правовых учений. В том, что он есть у теории государства и права, никто особенно не сомневается. А вот есть ли он у истории политических и правовых учений? Данную учебную дисциплину и науку нередко называют историей теории государства и права.

Коль скоро она является исторической дисциплиной, как и юридической, политической и теоретической, есть основания обратиться к исторической науке. Выдающейся фигурой конца XVII — первой половины XVIII в. был Джамбаттиста Вико, профессор риторики Неаполитанского университета, который в своем труде «Новая наука» (*Scienza Nuova*, 1725) описал историческую эволюцию человеческого обществ. Он до сих пор считается *основоположником современного понимания истории как научной дисциплины*⁶.

В отношении статуса истории много споров. К. Поппер, к примеру, отрицает существование неких исторических законов. Некоторые авторы не считают историю наукой. Полагаю, что это явно ошибочное мнение. История — наука, вне всякого сомнения. Здесь не надо спорить,

⁵ Римини Р. Краткая история США. М. : Колибри, Азбука-Аттикус, 2021. С. 295.

⁶ Блэк Дж. Указ. соч. С. 146.

точная она или нет. Больше импонирует точка зрения Платона, выделившего особый класс наук, которые он назвал науками о бытии. Они объясняют явление через закон. В силу этого данные науки квалифицируют в качестве номологических. «Было, есть и будет» — вот универсальная формула данных наук. Его ученик Аристотель обосновал науки о становлении и развитии, или каузальные. В этих науках явление интерпретируется через причину. Применительно к государству и праву в данном контексте можно сказать, что они постоянно находятся в движении, развитии. И мы сможем верно судить о состоянии государственно-правовых явлений тогда, когда вскроем причины и факторы, задающие тон этому развитию.

Нам довольно редко приходит в голову, что деятельность отдельного человека, общества и его институтов, да и государства зависит от природных циклов, таких, например, как «день — ночь», «зима — лето». Ночью принято отдыхать, а днем проявлять активность. Хотя бывают и исключения. Точно так же мы можем наблюдать зависимость от цикличности времен года, или сезонов. Стало быть, имеет место повторяемость. А если есть повторяемость, то мы вправе говорить о некоторых закономерностях. Методология помогает изучать явления, постигать их сущность, открывать законы и закономерности. А это и есть повторяемость.

Интересные суждения на этот счет находим у А. Дж. Тойнби: «Думается, напрашивается вывод, что история человечества действительно временами повторялась, в значительной мере даже в тех сферах человеческой деятельности, где желание и воля человека были ближе всего к овладению ситуацией и менее всего зависели от влияния природных циклов. Должны ли мы теперь заключить, что детерминисты в конце концов правы и то, что выглядит как свобода воли, есть лишь иллюзия?»⁷

Тойнби пытается дать ответ на этот вопрос. В типично западной манере, руководствуясь, как мне представляется, парадигмой рациональных инноваций. Он говорит, что мы (речь идет о западной цивилизации) не должны перекладывать ответственность на плечи Господа или природы. Надо всё взять на себя. Историк признает присутствие закономерностей, в силу которых гибли цивилизации прошлых эпох. Он констатирует наличие опасности и для запад-

ной цивилизации. Для того чтобы и она не стала просто страницей человеческой истории, он предлагает рецепт в чисто западном ключе. Тойнби задает прямой вопрос: «Что делать, чтобы спастись?» И дает такой ответ: «В политике — установить конституционную кооперативную систему мирового правительства. В области экономики — найти работающие компромиссы (которые могут варьироваться в зависимости от условий и требований места и времени) между свободным предпринимательством и социализмом. В области духовной — вернуть светские суперструктуры на религиозное основание. Сегодня у нас, в западном мире, предпринимаются усилия, чтобы найти пути к достижению всех трех целей»⁸.

Данная позиция, по сути, дает своеобразный методологический ключ к пониманию процессов, происходящих сегодня в мире. И между прочим, той консолидированной политики, которую проводит в отношении России «коллективный Запад». Для него решение «проблемы» России и Китая практически сводится к тому, чтобы любыми усилиями сохранить доминирование в мире.

В первом случае они решают проблему потенциального источника военного сопротивления их планам, а во втором — экономического. Пока военная мощь Китая уступает его экономическому потенциалу. В России все наоборот. Если бы наша власть в прежние времена не уничтожала промышленный и научный потенциал страны, не стремилась бы так втиснуться в мировую экономику в качестве поставщика невосполнимых ресурсов, положение дел было бы несколько другим. Не нужно прятаться за откровенно глуповатой фразой «история не знает сослагательных наклонений». Всегда есть выбор.

В русле проблематики статьи рассуждения едва ли не самого авторитетного историка XX в. (А. Тойнби) имеют важнейшее значение. История политических и правовых учений — дисциплина прежде всего историческая. Мыслители прошлого, да и настоящего в своих трудах размышляли о природе государственно-правовых явлений. Институту государства отдавалось предпочтение. Понятно почему. Власть — вот что характеризует государство. Только обладая властью, можно претендовать на роль демипурга истории. Как национальной, так и миро-

⁷ Тойнби А. Дж. Цивилизация под судом истории. М. : Айрис-Пресс, 2003. С. 289.

⁸ Тойнби А. Дж. Указ. соч. С. 290–291.

вой. Очень важно искать в истории преемственность, почву власти, которая легитимизирует политику власти действующей. Пожалуй, никто из руководителей Италии не тратил столько средств и не уделял столько внимания истории древнего Рима, сколько Б. Муссолини. Трибун, оратор, он и в этом своем качестве видел продолжение римской традиции. Но не это было главным. Дуче хотел прочертить прямую линию от Рима к современной Италии. С одной стороны, это должно было, с его точки зрения, разбудить национальное самосознание итальянцев, а с другой — каким-то образом обосновать претензии Италии на особую роль в европейской и мировой политике. Чем все закончилось, хорошо известно. Но если быть откровенным, то многое ему удалось.

История политических и правовых учений в лице своих многочисленных представителей дает представление о том, чем на самом деле являются государство и право. Какими они должны быть, чтобы лучше выполнять стоящие перед ними задачи. Но не надо думать, что все мыслители исходили из чисто альтруистических побуждений. Вовсе нет. Некоторые больше думали не столько о том, что есть право и государство, сколько о том, как прийти к власти и использовать ее в своих интересах. Таких работ очень много. Одни написаны действующими властителями. Кто-то из них тяготился властью, тот же Марк Аврелий. Как тут не вспомнить его «Размышления. Наедине с собой». А другие просто упивались своим господством. И здесь также довольно много примеров. Не все они были способны создавать концепции, однако каждый из них обладал качествами, которые не свойственны большинству людей. *В политике главную роль играют не знания, а интуиция.*

Было создано очень много теорий государства и права, других политико-правовых институтов. В той или иной степени в них предпринимались попытки прогнозирования их развития. Методологическая составляющая теоретического знания неразрывно связана с прогнозированием. Трудно спорить с тем, что «различные парадигмы также позволяют сделать прогнозы, точность которых и является ключевой проверкой работоспособности и пригодности теории»⁹.

Как хорошо известно, конечным продуктом всякой теоретической деятельности в сфере

политических и правовых учений являются различные уровни теоретического знания: взгляды, концепции, теории, доктрины, а более широко — школы и направления. У любой теории есть практическая составляющая. Мыслители прошлых эпох, как и современные авторы, не просто создавали в тиши кабинетов произведения только для того, чтобы реализовать свои научные амбиции. В хорошем смысле этого слова. Ибо исследователь без здоровых амбиций — не совсем исследователь. Любой автор, создавая работы в области политических и правовых учений, хотел бы, чтобы его теоретические изыскания находили практическое воплощение. Будем исходить из того, что, исследуя государство и право, ученые руководствовались преимущественно позитивными целями, а именно: стремились полнее раскрыть их потенциал и сделать максимально полезными для общества. Правда, эти мотивы не всегда были главными. Политики, увы, не особенно заинтересованы в том, чтобы массы людей проникали в тайны власти, знали о ней слишком много того, что им знать «не совсем положено». По этой причине власть, как и ее право творить закон, окутывали тайнами, придавали ей чуть ли не сакральный характер. И конечно же, политико-правовая сфера всегда была предельно политизированной. А как насчет влияния политики на исследования в сфере власти, государства, права и вообще социальной истории? В данном случае прав, несомненно, Джереми Блэк, полагающий, что «историческая наука всегда была политизированной»¹⁰.

Если же говорить о перспективах внедрения теоретических разработок в политико-правовую сферу, то здесь как раз и обнаруживается методологическая состоятельность любой доктрины. Можно писать все, что угодно. Предлагать самые нелепые проекты. Сегодня, когда рационализм и некоторые другие постулаты эпохи Просвещения если не забыты вовсе, то повсеместно игнорируются, свобода «творчества» не знает никаких границ. Даже обыкновенный здравый смысл — и тот уже не всегда востребован.

Любая отраслевая юридическая наука имеет свою специфику. Да, мы исходим из принципа единства юридических наук, но только лишь в том смысле, что они изучают право и государство под своим, отраслевым углом зрения.

⁹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2005. С. 41.

¹⁰ Блэк Дж. Указ. соч. С. 302.

В чем они точно не едины, так это в методологических возможностях и методологическом потенциале. Если говорить совсем откровенно, то в абсолютном большинстве юридических наук он просто отсутствует. Да, при проведении исследований применительно к конкретной отрасли права используются различные методы. Сегодня методологический инструментарий значительно расширился. Под флагом борьбы против методологического монополизма, который, скажем честно, имел место, порой предлагаются такие «методы», что задаешься вопросом: как с их помощью установить истину, дойти до сути явления? Совсем не просто. Ни для кого не является секретом, что современные исследователи пишут текст, а уже потом указывают на методы, которые они якобы использовали при подготовке своих диссертационных исследований. В отраслевых юридических науках преобладают эмпирические и прикладные работы. Первые, как принято считать, ориентированы на изучение реальных процессов и явлений, которые можно и нужно регулировать при помощи различных правовых средств. Вторые тесно связаны с первыми. Эта взаимосвязь проявляется в том, что на основе изучения «эмпирики» предлагаются правовые формы решения конкретных проблем.

Социальная жизнь, как и сама социальная история, очень динамична. Одни явления сменяют другие. Словом, сплошной калейдоскоп. По этой причине научная «живучесть» отраслевых исследований, прямо скажем, довольно короткая. Изменилась ситуация, изменились и правовые механизмы влияния на нее.

Иная научная судьба у теоретических исследований. Теории, если это действительно теоретический (концептуальный) уровень научного обобщения, как правило, имеют свойство научной долговечности. Одна теория уступает место другой, если расходится с действительностью в своих базовых положениях. Теорий не может быть много. Конечно, в юридической науке имеют место частные научные теории, и конкретно — в основных отраслях права. Квалификация их в качестве основных в некоторой степени условна, но широко распространена.

А вот разработкой проблем методологии юридической науки занимаются очень немногие исследователи. Во-первых, это очень сложная сфера науковедения. Нужно обладать известной смелостью, чтобы браться за подобные темы. Во-вторых, методология сама по себе не пользуется популярностью. Это же самый вы-

сокий уровень исследования — метатеоретический, а соискателей ученых степеней более всего волнует «диссертательность», то есть перспектива успешной защиты.

Выше указывалось на методологический статус общей теории права и государства. Однако в юридической науке фактически не уделялось должного внимания методологическому потенциалу истории политических и правовых учений. И в этом факте проявляется некоторая странность. Отраслевые исследования, как уже подчеркивалось, научно недолговечны. Они ориентированы на решение конкретных проблем, которые объективно возникают, и примерно по такой же схеме утрачивают свою актуальность. Они нацелены на изменения в законодательстве и, соответственно, научное осмысление и подготовку решений. «Кадровый состав» отраслевых юридических наук не может идти ни в какое сравнение с теми мыслителями, которые оставили заметный след в истории политической мысли. Исследователь в области истории политических и правовых учений имеет дело с гениями, талантливыми людьми и просто одаренными, неординарными личностями, которые своими произведениями обеспечили себе место в истории. Не только науки, но и государственного строительства. Понятно, что всякое деление на гениев и прочих условно. Но все-таки мы вынуждены признать, что люди значительно отличаются друг от друга по своей интеллектуальной мощи. Особенность объекта и предмета истории политической и правовой мысли состоит в том, что практически ни один заметный мыслитель в истории человечества не обошел своим вниманием вопросов права и государства, демократии, законности, частной собственности, тем более целей и задач государства, наилучшей формы правления. Если таковые и имеются, то нужно потратить много усилий, чтобы их обнаружить.

Значение концепций, которые они разрабатывали, проявлялось в явлении «граду и миру» новой парадигмы дальнейшего развития общественных и политических институтов. Только один пример. 31 октября 1517 г. монах-августинец и профессор Виттенбергского университета Мартин Лютер прибил к дверям университетской церкви «95 тезисов» («Диспут о прояснении действительности индульгенций»). Он хотел всего лишь освободить католическую церковь от пороков. И только. Но это рядовое событие возымело последствия. Кэтрин Грэй обос-

нованно заключает: «Историческое значение выступления Лютера трудно переоценить, оно стало началом новой религии, новой морали и нового мировоззрения, тем идеологическим базисом, в котором так нуждалось зарождающееся капиталистическое общество»¹¹.

Курфюрст Саксонии Фридрих Мудрый приютил Мартина Лютера в своих владениях, спасая его от преследований Ватикана. За это время Лютер перевел на немецкий язык Новый завет. В XVI в. это была идеологическая бомба. Если ранее священные тексты писались только на греческом и латыни, а следовательно, основная масса населения не могла их читать и прибегала к услугам священников, то отныне такая необходимость отпала. Более не было нужды в посреднике между человеком и Богом в лице священника, который толковал тексты так, как это было принято в Ватикане. Лютеранство на основании договора, подписанного Карлом V, официально признавалось, наряду с католицизмом. На основе положений договора в 1576 г. юристом Иоахимом Стефани был сформулирован принцип «чья власть, того и вера». В конечном счете «впервые в истории христианской Европы был найден правовой механизм, регулировавший сосуществование нескольких конфессий в структурах одного территориального организма»¹².

Казалось бы, появление протестантизма не должно было выходить за рамки религиозной жизни. Тем не менее это произошло — и во многом изменило экономическую основу многих стран. Там, где протестантизм получил свое распространение, наблюдался очевидный экономический рост. Исследователи стали изучать этот феномен, и многие пришли к выводу, что причина столь быстрого экономического подъема — религия. Макс Вебер, юрист и философ, не нуждающийся в представлении, обращает внимание на один примечательный факт, замеченный им на католических съездах и собраниях: «Мы имеем в виду несомненное преобладание протестантов среди владельцев капитала и предпринимателей, а равно среди высших квалифицированных слоев рабочих, и прежде всего среди высшего технического и

коммерческого персонала современных предприятий»¹³.

Макс Вебер указывает на то, что научные знания имели место в различных регионах: Индии, Египте, Китае, — но нигде они не были облечены в рационалистические формы. В том числе это касается и права. М. Вебер предельно ясно выражает свою мысль: «Несмотря на все то, что сделано в области права в Индии (школа Миманса), несмотря на ряд обширных кодификаций, созданных преимущественно в передней Азии, и на появившиеся в Индии и других странах сборники права, здесь нет того, что позволило бы *говорить о рациональной теории права* (выделено мной. — А. К.), нет строго юридических схем и форм юридического мышления, присущих римскому и сложившемуся на его основе западному праву. Феномен, подобный каноническому праву, — также порождение Запада»¹⁴.

От себя добавлю, что каноническое право, несмотря на специфическую сферу правового регулирования, также формировалось на основе римского права. И здесь нет никакой тайны. Первоначально римляне воспринимали право как нечто богоданное — *fas*, и только потом появились такие категории, как *jus* и *lex*. Фома Аквинский реабилитировал римское право, доказав, что оно выражает рациональное начало человеческой природы. В христианстве нет ни одной догмы, которая бы отвергала разум, определяющий поведение человека. Эта точка зрения стала распространяться довольно быстро, и римское право перестало восприниматься как нечто чуждое, порожденное античной, языческой цивилизацией, не знавшей Иисуса Христа.

Другой пример — Просвещение, в лице своих выдающихся представителей предложившее совершенно новое видение мира, в котором наука, разум являются критериями всего «хорошего» и всего «плохого». В правовой сфере был явлен Кодекс Наполеона (1804), которым он очень гордился. Находясь на острове Святой Елены, император высказался следующим образом: «Моя истинная слава состоит не в том, что я выиграл сорок сражений; Ватерлоо сотрет

¹¹ Грэй К. Германия. Полная история страны. М. : АСТ, 2021. С. 217.

¹² Грэй К. Указ. соч. С. 224.

¹³ Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 19.

¹⁴ Вебер М. Указ. соч. С. 8.

воспоминания о стольких победах. Но что никогда не забудется и будет жить вечно, так это мой Гражданский кодекс»¹⁵. Скромностью, как известно, император Франции не отличался. К этой мысли он неоднократно возвращался и воспроизводил ее немногочисленному окружению, из которого кто-то с завидной регулярностью скармливал великому полководцу мышьяк. Результат — рак желудка и довольно ранняя смерть.

Воздавая должное Наполеону, не сто́ит все-таки преувеличивать его роль в создании этого выдающегося правового регулятора, который и сегодня действует во Франции. Правда, с многочисленными поправками. Первый проект Гражданского кодекса был предложен Конвенту еще в августе 1793 г. профессиональным юристом Жаном-Жаком Режи де Камбасересом, который был в то время председателем комитета по законодательству. В августе 1800 г. Наполеоном была учреждена подготовительная комиссия, которой предписывалось реализовать проект Гражданского кодекса. Данная комиссия разработала проект за четыре месяца. В его основе остались предложения Камбасереса.

В юридической литературе, особенно российской, Наполеона нередко представляли человеком, который в знании и владении юридической техникой не уступал профессиональным юристам. И он даже якобы владел всеми методологическими приемами, необходимыми для правоведа. Его нередко сравнивали с Цезарем. Но есть и другая точка зрения: «Бонапарту было далеко до Цезаря; он не блистал ученостью, образование получил посредственное, наполовину чужестранец, он не имел понятия об основных правилах нашего языка»¹⁶.

И тем не менее философия Просвещения как особая методологическая парадигма получила свое выражение в этом выдающемся

одновременно и памятнике права, и действующем нормативном акте. Романо-германская правовая система справедливо квалифицируется как семья, основу которой составляет гражданское право. Французский Гражданский кодекс 1804 г. послужил юридическим оформлением перехода к новой общественно-экономической формации — капитализму и, разумеется, буржуазному обществу. Это была очередная ступенька прогрессивного развития.

Доминирующие последние 200–300 лет политико-правовые доктрины в виде социализма, либерализма и консерватизма содержат колоссальный методологический потенциал в части конструирования той социальной реальности, которую они создают в форме теоретических моделей.

Однако в истории политической и правовой мысли есть и отдельные мыслители, предложившие собственную методологическую парадигму, такие как Дж. Вико, Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс. Можно назвать и иных. Но это касается, собственно говоря, чисто научной сферы. И это тема для отдельного, более обстоятельного разговора.

Таким образом, история политических и правовых учений, как никакая другая дисциплина, обладает колоссальным методологическим потенциалом. Без нее невозможно представить интеллектуальную историю человечества. Проблемы, которые обсуждались и продолжают обсуждаться в ее рамках, чаще всего выходят за пределы отдельной страны и даже какой-либо цивилизации. А вот как мы используем этот потенциал, это уже совсем другой вопрос. И поводов для оптимизма, увы, почти нет. Духовная культура должна определять векторы развития, а машина власти — всего лишь способ достижения целей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Боботов С. В. Наполеон Бонапарт — реформатор и законодатель. — М., 1998. — 208 с.
2. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. — М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. — 656 с.
3. Блэк Дж. Краткая история Италии. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. — 368 с.
4. Грэй К. Германия. Полная история страны. — М. : АСТ, 2021. — 336 с.
5. Жуков Д. Заветное. — М. : Современник, 1981. — 335 с.
6. Нонтэ С. Франция. Полная история страны. — М. : АСТ, 2020. — 448 с.

¹⁵ Цит. по: Боботов С. В. Наполеон Бонапарт — реформатор и законодатель. М., 1998. С. 123.

¹⁶ Нонтэ С. Франция. Полная история страны. М. : АСТ, 2020. С. 283.

7. Римини Р. Краткая история США. — М. : Колибри, Азбука-Аттикус, 2021. — 480 с.
8. Тойнби А. Дж. Цивилизация под судом истории. — М. : Айрис-Пресс, 2003. — 592 с.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М. : АСТ, 2005. — 603 с.

Материал поступил в редакцию 4 апреля 2022 г.

REFERENCES

1. Bobotov SV. napoleon bonapart — reformator i zakonodatel [Napoleon Bonaparte is a reformer and legislator]. Moscow; 1998. (In Russ.).
2. Weber M. Izbrannoe: Protestantskaya etika i dukh kapitalizma [Favorites: Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]. Moscow, St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives Publ.; 2017. (In Russ.).
3. Black J. Kratkaya istoriya Italii [A brief history of Italy]. Moscow: KoLibri, ABC-Atticus Publ.; 2021(In Russ.).
4. Gray K. Germaniya. Polnaya istoriya strany. [Germany. The full history of the country]. Moscow: AST Publ.; 2021. (In Russ.).
5. Zhukov D. Zavetnoe [The Cherished]. Moscow: Sovremennik Publ.; 1981. (In Russ.).
6. Nonte S. Frantsiya. Polnaya istoriya strany [France. The full history of the country]. Moscow: AST Publ.; 2020. (In Russ.).
7. Rimini R. Kratkaya istoriya SShA [A brief history of the USA]. Moscow: Hummingbird, ABC-Atticus publ.; 2021. (In Russ.).
8. Toynbee AJ. Tsvilizatsiya pod sudom istorii [Civilization is under the judgment of history]. Moscow: Iris-Press Publ.; 2003. (In Russ.).
9. Huntington S. Stolknovenie tsvilizatsiy [Clash of civilizations]. Moscow: AST Publ.; 2005. (In Russ.).

Постклассическая рациональность права в эпоху постсовременности

Аннотация. В статье излагаются дискуссионные вопросы рациональности как общефилософской категории и как юридического понятия. Автор аргументирует происходящий в философии и науке переход от классической рациональности к постклассической. Классическая рациональность основывается на презумпции познаваемости мира и возможности его преобразования в соответствии с разумными целями прогрессивного развития человечества. Однако XX век продемонстрировал ограниченность возможностей человеческого разума, непредсказуемость последствий применения научной рациональности. Отсюда вытекает парадокс классической рациональности: ее рост, связанный с развитием техники и технологий (или проявляющийся в нем), оборачивается повышением риска во всех сферах жизни.

Постклассическая (постнеклассическая, по терминологии В. С. Стёпина) рациональность не только постулирует ограниченность наших знаний о непрозрачном, стохастическом мире, в котором царит неопределенность, но и предполагает включенность человека, социализированного в соответствующей культуре, в процесс познания (шире — восприятия, номинации, классификации и категоризации мира, его освоения), его контекстуальность, как историческую, так и ценностную, социокультурную. Наиболее развитым и проработанным на сегодняшний день вариантом постклассической рациональности является коммуникативная, не лишенная, впрочем, проблемных вопросов.

Постклассическая рациональность права является, по мысли автора, диалогической и включает трансцендентный аспект — обеспечение нормального воспроизводства человечества и имманентный — легитимность принимаемых норм права, в том числе в процессе их воспроизводства. Постклассическая рациональность конструирования норм права выражается в борьбе основных социальных групп за право определять значимость (юридическую в том числе) тех или иных социальных проблем. Рациональность реализации норм права проблематизируется парадоксом «следования правилу» Л. Витгенштейна, которое никогда не содержит всей полноты предписаний его (правила) реализации. Решение этих и других проблем рациональности права видится не в отказе от данной категории и принципа права, а в переосмыслении классической рациональности права в постклассическую.

Ключевые слова: рациональность; классическая рациональность; постклассическая рациональность; постклассическая рациональность права; диалогичность права; конструирование права; реализация права.

Для цитирования: Честнов И. Л. Постклассическая рациональность права в эпоху постсовременности // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 7. — С. 74–86. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.074-086.

© Честнов И. Л., 2022

* Честнов Илья Львович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации
Литейный просп., д. 44, г. Санкт-Петербург, Россия, 191104
ichestnov@gmail.com

Postclassical Rationality of Law in the Era of Postmodernity

Ilya L. Chestnov, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Theory and History of the State and Law, St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation
prosp. Liteyny, d. 44, St. Petersburg, Russia, 191104
ichestnov@gmail.com

Abstract. The paper provides for debatable issues of rationality as a general philosophical category and as a legal concept. The author argues for the transition in philosophy and science from classical rationality to postclassical. Classical rationality is based on the presumption of the knowability of the world and the possibility of its transformation in accordance with the reasonable goals of the progressive development of mankind. However, the 20th century demonstrated the limitations of the human mind, unpredictability of the consequences of applying scientific rationality. Hence, the paradox of classical rationality follows: its growth, associated (or manifested) with the development of technology and technology, turns into an increased risk in all spheres of life. Post-classical rationality (post-non-classical, according to V. S. Stepin's terminology) not only postulates the limitations of our knowledge about an opaque and stochastic world where uncertainty reigns, but also it assumes the involvement of a person socialized in the corresponding culture in the process of cognition (more broadly, perception, nomination, classification and categorization of the world and its development), its historical, value-based and socio-cultural contextuality. The most developed and elaborated variant of postclassical rationality is the communicative contextuality which, however, is not devoid of problematic issues.

According to the author, postclassical rationality of law is dialogical and it includes a transcendent aspect — ensuring the normal reproduction of humanity — and an immanent one — the legitimacy of the accepted norms of law also in the process of their reproduction. Postclassical rationality of the law norms construction is expressed in the struggle of the main social groups for the right to determine the significance (including legal) of various social problems. The rationality of the implementation of the norms of law is problematized by the paradox of «following the rule» elaborated by L. Wittgenstein that never contains the entirety of the prescriptions of its — rule — implementation. The author believes that in order to resolve the problems of rationality of law it is necessary to reconsider classical rationality of law as a postclassical rationality, rather than to reject this category and principle of law.

Keywords: rationality; classical rationality; postclassical rationality; postclassical rationality of law; dialogicity of law; construction of law; implementation of law.

Cite as: Chestnov I.L. Postklassicheskaya ratsionalnost prava v epokhu postsovremennosti [Postclassical Rationality of Law in the Era of Postmodernity]. *Lex russica*. 2022;75(7):74-86. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.074-086. (In Russ., abstract in Eng.).

16 апреля 2021 г. кафедра истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) провела 3-й Международный научно-методологический семинар на тему «Мифологемы закона: иррациональное в праве», в котором приняли участие известные российские и иностранные историки и теоретики права. Как следует из названия семинара, основным вопросом стала проблема рациональности/иррациональности права как в историко-правовом, так и в теоретико-правовом и даже философско-правовом смыслах. В основном докладе И. А. Исаев продемонстрировал на богатом историческом материале имманентность иррациональных моментов в праве и в учениях о праве. Эту точку зрения поддержал С. Н. Бабурин, заявивший об иррациональности

современного права. Компромиссную позицию по данному вопросу занял Г. Г. Бернацкий, по мнению которого право (законодательство) само по себе рационально, но правоприменение всегда содержит иррациональный аспект. Ниже излагается позиция автора относительно дискуссионного вопроса рациональности права, озвученная на семинаре.

Ответ на вопрос, является право (правовая реальность) рациональным или иррациональным феноменом, зависит от исходных посылок: что считать рациональным и иррациональным или как трактовать рациональность и иррациональность. При этом такие философские послышки в конкретных исследованиях могут быть как эксплицитно выраженными, так и (зачастую) имплицитными. От этого их роль не изменяется: именно от них зависят конкретные рассу-

дения о рациональности или иррациональности права. В связи с этим важно разобраться в этом фундаментальном философском вопросе, который В. Н. Порус обозначил как «скандал в философии»: без его обсуждения не обходится ни одно современное философское исследование, однако «споры вокруг проблемы рациональности не утихают и становятся все более острыми»¹.

Классическая рациональность ориентирована на объективность как безличность (или бессубъектность, когда субъективное объявляется ненаучным, а значит, нерациональным), разумность, целесообразность и универсальность. Ее, как полагает В. Н. Порус, можно назвать «абсолютистской». Она предполагает наличие «единой и единственной системы критериев рациональности, применение которых не ограничено никакими конкретными условиями»². Так, классик социологии М. Вебер связывал рациональность исключительно с действием (как индивидуальным, так и социальным) и, в соответствии с типологией социального действия, выделял традиционный, аффективный, ценностно-рациональный и целерациональный типы рациональности. При этом он подчеркивал, что всемирно-исторический процесс рационализации состоит в движении от традиционного типа к рациональному, от материальной (содержательной) рациональности к формальной³. Сама же рациональность в общем и целом понималась им как мера расчета, как сознательное овладение ситуацией в свете собственных интересов. Иррациональность же рассматривается им как «отклонения от ожидаемого при чистом рациональном поведении»⁴. При этом следует отметить, что М. Вебер в духе

разработанной им методологии «идеального типа» (или «типологизирующего научного наблюдения») указывал, что «конструкция строго целерационального действия... служит социологии как тип (“идеальный тип”), позволяющий понять реальное действие, подвергающееся влиянию всякого рода иррациональных факторов (аффектов, заблуждений), как отклонение от ожидаемого при чисто рациональном поведении»⁵. Такой метод, продолжает М. Вебер, следует отличать от «рационалистического предрассудка», свойственного социологии, и «не толковать в смысле веры в действительное превосходство рационального в жизни»⁶.

По большому счету эти же посылки используются таким авторитетным, чрезвычайно популярным во второй половине XX в. подходом к исследованию экономики, распространившимся на анализ практически любого вида человеческой деятельности, как теория рационального выбора, которая лежит в основании экономического анализа права, или направления, именуемого «Право и экономика». Адепты этого подхода исходят из необходимости анализа человеческих предпочтений, их соизмерения при выборе оптимального поведения. При этом предполагается, что расчет выгод и издержек мотивирует человека на совершение действия в любой сфере и может быть количественно измерен (хотя бы в ограниченных пределах)⁷.

Однако события в истории человечества XX в., а также изменения в эпистемологии привели к критике и сомнению в адекватности и реализуемости идеалов рациональности. О социально-политических основаниях критики сциентизма написаны тома фундаментальных работ в середине — второй половине XX в.

¹ Порус В. Н. Рациональность. Наука. Культура. М., 2002. С. 7.

² Порус В. Н. Рациональная коммуникация как проблема эпистемологии // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред.: И. Т. Касавин, В. Н. Порус. М. : ИФРАН, 2009. С. 13.

³ Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. Т. 1 : Социология. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. С. 384, 393.

⁴ Вебер М. Указ. соч. С. 384. «Рациональное хозяйствование, — писал М. Вебер, — то, которое ориентировано в основном целерационально, т.е. согласно плану» (Там же. С. 113).

⁵ Вебер М. Указ. соч. С. 70.

⁶ Вебер М. Указ. соч. С. 70.

⁷ Теория рационального выбора, претендующая на роль «волшебного средства, способного поставить социальные науки в один ряд с науками естественными и физическими», опирается на следующий тезис: «Люди пытаются максимизировать полезность, и пути этой максимизации могут быть выявлены с помощью формальных методов». См.: Шапиро Й. Бегство от реальности в гуманитарных науках / пер. с англ. Д. Узланера. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. С. 104.

Обратим внимание на эпистемологическую ограниченность, может быть даже несостоятельность, классических принципов рациональности. Замечательный экономист, мыслитель и философ Ф. Хайек утверждал, что рационалистический подход — это «возврат к примитивным антропоморфным способам мышления», которому свойственна «склонность приписывать происхождение всех институтов культуры изобретению или замыслу»⁸, т.е. выводить их из человеческого разума. Однако допущение, что господство над окружающим миром достигнуто благодаря «способности логического вывода из явно сформулированных посылок», — это вера, а не факты. С его точки зрения, ошибочно убеждение в том, что эффективность наших действий обусловлена знанием. Многие общественные институты — результат обычаев, привычек или устоявшихся практик, которые не были изобретены сознательно, а потому уничтожительно объявляются иррациональными. Успешность человеческих действий связана не только с расчетом средств и целей, но и с правилами, происхождение которых нам неизвестно⁹. Это вытекает из того несомненного постулата, что «отдельный человек не в состоянии усвоить все то количество фактов, от которых зависит успех деятельности в обществе»¹⁰. Не разум как таковой (или рациональность, понимаемая в классической философии как «сознательность» или «обдуманность»)¹¹, а практики приспособления (адаптации) производят порядок в обществе¹².

Более того, классическая рациональность (целерациональность М. Вебера) является глубоко инструментальной версией соотношения цели и результата. Она не принимает во внимание ценностное измерение как познания, так и поведения и потому приводит (или может привести) к «пагубной самонадеянности» (по Ф. Хайеку), к социальным катаклизмам и разрушению хрупкого баланса культуры и природы,

когда вторжение человека в био- и ноосферу забыло (точнее, и не знало) границ допустимого. Рациональность как разумность — это инструментальный сциентизм. Однако использование науки может быть чрезвычайно разрушительным, о чем свидетельствует история XX в.

Отсюда вытекает важнейший парадокс классической рациональности: ее рост, связанный с развитием техники и технологий (или проявляющийся в нем) оборачивается безмерным увеличением риска как социального феномена, определяющего (по крайней мере, частично) содержание общества «высокого модерна», именуемого с легкой руки У. Бека «обществом риска». Э. Гидденс в 1990 г. сформулировал принципиальное положение: «увеличение знаний о социальной жизни (даже если эти знания настолько основательно подкреплены опытом, насколько это вообще возможно)» не равносильно «усилению контроля над нашей судьбой»¹³. В другом месте этой фундаментальной работы он показывает различия угроз и рисков в «досовременных» и «современных» культурах. Риски, исходящие от природы, заменяются угрозами, проистекающими от рефлексивности современности; угрозы и опасности человеческого насилия от мародерствующих армий и бандитов превращаются в угрозы человеческого насилия, исходящие от индустриализации войны; риск лишения религиозной благодати вытесняется угрозой, проистекающей от рефлексивности современности, приводящей к расколотости самости¹⁴. Поэтому, с прискорбием заявляет английский социолог, мы «живем в вышедшем из-под контроля мире, так отличающемся от того, которого ожидали мыслители Просвещения»¹⁵.

Э. Морен постулирует принципы «сложности», свойственные постсовременности. Среди них он выделяет «избегание намерений» действием человека. «Как только индивид со-

⁸ Хайек Ф. Право. Законодательство и свобода : Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева ; под ред. А. Кураева. М. : ИРИСЭН, 2006. С. 29.

⁹ Хайек Ф. Указ. соч. С. 30.

¹⁰ Хайек Ф. Указ. соч. С. 31.

¹¹ Хайек Ф. Указ. соч. С. 30.

¹² Хайек Ф. Указ. соч. С. 32.

¹³ Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича ; вступ. статья Т. А. Дмитриева. М. : Праксис, 2011. С. 162.

¹⁴ Гидденс Э. Последствия современности. С. 237.

¹⁵ Гидденс Э. Последствия современности. С. 294.

вершает действие, — пишет французский мыслитель, — каким бы оно ни было, начинается отклонение от его намерений. Действие входит во вселенную взаимодействий и, в конце концов, это та среда, которая захватывает его в том смысле, что она может стать противоположностью первоначальным намерениям. <...> Действие предполагает сложность, то есть риск, опасность, инициативу, решение, осознание неудач и преобразований»¹⁶.

Неклассическая или постклассическая (постнеклассическая, в терминологии В. С. Стёпина) **рациональность** не только постулирует ограниченность наших знаний о непрозрачном, стохастическом мире, в котором царит неопределенность, но и предполагает включенность человека, социализированного в соответствующей культуре, в процесс познания (шире — восприятия, номинации, классификации и категоризации мира, его освоения) и контекстуальность, как историческую, так и ценностную, социокультурную¹⁷. Поэтому постклассическая рациональность включает в свое измерение интенции, цели и ценности акторов, «насевающих мир». В то же время постклассическая рациональность заявляет релятивизм как онтологический и одновременно гносеологический принцип — относительность контекста, включающего позицию наблюдателя в бытии и его восприятие. Важнейшей характеристикой постклассической рациональности является ее антиэссенциализм: рациональность — это не объективная или объектная данность, а свойство, приписываемое актором и/или наблюдателем действиям человека или социальным

явлениям, процессам. В этом смысле не существует рациональных институтов как онтических феноменов, но процедуре их конструирования и их функционированию может быть атрибутировано свойство рациональности. Более того, такого рода рациональность не может быть содержательно определена. Как указывал В. С. Швырев, идея открытой (неклассической и постклассической рациональности) не может быть выражена «в виде какого-то нормативного, объективированного в жесткой логико-методологической форме критерия»¹⁸.

Так как сегодня основой общества или социальности как таковой считается (и является) коммуникация, то наиболее популярной концепцией постклассической рациональности выступает коммуникативная. В таком ракурсе **коммуникативная рациональность**, развиваемая, например, Ю. Хабермасом, предстает наиболее развитым вариантом **постклассической рациональности**. Для нее как «идеальной модели коммуникации» характерны диалогичность, ориентированная на взаимопонимание участников предельно широкой аудитории, рефлексивность, процедурная делиберативность в принятии совместного решения¹⁹. Важно, что так понимаемое рациональное решение не предзадано, не предопределено «объективным ходом вещей», а вырабатывается в процессе обсуждения (делиберации). Однако уже в таком представлении очевидна не только идеалистичность данной модели²⁰, не только то, что «свободная от принуждения» коммуникация — это утопия, на что обратил внимание М. Фуко в 1984 г.²¹, но и то, что диалог как взаимопони-

¹⁶ Морен Э. О сложности. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2019. С. 170.

¹⁷ При этом В. С. Стёпин не призывает «отбросить» классическую рациональность. Напротив, он заявляет, что в современной науке три типа рациональности — классическая, неклассическая и постнеклассическая — сосуществуют. Некоторые задачи вполне успешно решаются на основе положений классической рациональности, тогда как для других требуется неклассический или постнеклассический подход. Последний необходим для описания и объяснения человекоразмерных систем, «наделенных синергетическими характеристиками» и основанных на «кооперативных эффектах» (Стёпин В. С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Рациональность и ее границы : материалы Международной научной конференции в рамках заседания Международного института философии (Москва, 15–18 сентября 2011 г.) / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский. М. : ИФРАН, 2012. С. 18, 19).

¹⁸ Швырев В. С. Рациональность в спектре ее возможностей // Исторические типы рациональности / отв. ред. В. А. Лекторский. М., 1995. Т. 1. С. 20.

¹⁹ Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 2. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1981.

²⁰ Сам Ю. Хабермас не скрывает, что формулирует социальный проект, регулятивный идеал, а не описывает реальное положение вещей.

²¹ Известно, что планировавшаяся дискуссия М. Фуко и Ю. Хабермаса так и не состоялась по причине смерти французского мыслителя. Однако в одном из своих интервью он заметил: «Идея, будто может

мание всегда включает как рациональные, так и суггестивные и аффективные аспекты.

Таким образом, с позиций постклассической методологии (шире — картины мира) можно констатировать парадоксальность рациональности — она основана на нерациональных предпосылках: в основе рациональности лежат ценностные установки, которые сами по себе рациональными (по крайней мере, с точки зрения классической философии) не являются²². Если рациональность познавательной деятельности основана на рациональных нормах, то последние, в свою очередь, базируются на культурных константах, ценностях, которые в классической философии выводятся за рамки рациональных процедур обоснования (о ценностях, как и о вкусах, как известно, не спорят) и относятся к верованиям или убеждениям.

Коммуникация является (признается) рациональной, если имеет место следование нормам, которые, с точки зрения коммуникативной парадигмы Ю. Хабермаса, вырабатываются как «взаимные ожидания» адекватного поведения участников интеракции²³. В то же время сами нормы коммуникации (основание и критерий рациональности) вырабатываются или по крайней мере уточняются, наполняясь конкретным содержанием, в процессе самой коммуникации. Получается своего рода круг: нормы должны предшествовать коммуникации и быть условием ее рациональности, но они сами по себе не существуют как конкретные правила поведения до самой коммуникации. Разорвать такой круг в состоянии, например, генетический

структурализм П. Бурдьё, вписывающий «структурное принуждение» в процесс порождения и трансформации норм. Анализ «первичного произвола» порождения нормы и последующей ее «социальной амнезии» позволяет показать, как именно нормы рациональности воспроизводятся в коммуникативных практиках.

В то же время рациональность коммуникации предполагает взаимное знание акторами мотивов друг друга, т.е. обладание «общим горизонтом» знаний и значений, разделяемых акторами (по терминологии А. Щюца). Рациональна та коммуникация, в которой оба актора приписывают друг другу, своим и чужим действиям и их последствиям адекватное значение. Однако в связи с этим возникают вопросы: что такое «адекватное значение»? Адекватное с точки зрения кого? Кто и как определяет его адекватность? Если исходить из социологической концепции П. Бурдьё, то значение (и значимость) норм и ожиданий определяется конкурентной борьбой представителей основных социальных групп в данном поле (например, в поле права) за право «официальной номинации социального мира». В результате такой борьбы и возникает право как наивысшая форма «символической власти номинации, создающей именованные вещи и, в частности, группы. <...> Право является наивысшей формой активного дискурса, обладающего властью вызывать реальные последствия. Не будет преувеличением сказать, что оно создает социальный мир, но при этом не следует забывать, что само оно является его порождением»²⁴.

существовать состояние коммуникации, которая будет такова, что игры истины смогут циркулировать в ней без препятствий, без давления и последствий принуждения, на мой взгляд, принадлежат к порядку утопии» (Фуко М. Этика заботы о себе как практика свободы // Интеллектуалы и власть : Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. Б. М. Скуратова ; под общ. ред. В. П. Большакова. М. : Праксис, 2006. Ч. 3. С. 266).

²² Лидер популярного направления «Право и экономика» Г. Калабрези пишет: «Стандартный для экономики подход — заявлять, что экономистам просто нечего сказать о вкусах и ценностях. Чего именно хотят люди и что они любят — икру или бананы, это их дело, и всё, что может экономика, так это начать с уже данного набора вкусов и ценностей, а затем проанализировать последствия этих желаний, какими бы пустыми или вредными ни считали их экономисты. О вкусах не спорят — в экономике это едва ли не символ веры» (Калабрези Г. Будущее права и экономики. Очерки о реформе и размышления / пер. с англ. И. В. Кушнаревой ; под науч. ред. М. И. Одинцовой. М. : Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 232). Сам же Г. Калабрези считает, что реформа права и экономики должна двигаться в сторону учета ценностей во взаимодействии с законами и правовыми структурами, хотя сами по себе ценностные предпочтения (к которым он относит и вкусы) никак не связаны с рациональным выбором (там же. С. 287–292).

²³ Habermas J. Technik und Wissenschaft als «Ideologie». Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1968. S. 62.

²⁴ Бурдьё П. Власть права: основы социологии юридического поля // Социальное пространство: поля и практики : пер. с фр. / отв. ред. пер., сост. и послесл. Н. А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2005. С. 104.

Стоит ли в связи с радикальной критикой классической теории и практики рациональности отказываться от нее вовсе, «переписывая словарь картины мира», как это предлагал Р. Рорти? Полагаю, что такой радикализм в ситуации «новой серьезности» эпохи пост-постмодерна явно неуместен. Без рациональности, например «открытой», в терминологии В. С. Швырева, значительно отличающейся от классических ее канонов рефлексивностью сознания, преобразующего мир, невозможно существование человечества. Поэтому необходимо новое прочтение рациональности как абстрактного феномена — идеала и регулятива, наполняемого конкретным содержанием в соответствующем историческом и социокультурном контексте. Такой идеал всегда будет отличаться от реальности, поэтому многие исследователи отказывают правовой системе в том, чтобы именоваться рациональной.

Новым прочтением открытой, коммуникативной и рефлексивной рациональности может стать диалогическое ее измерение: действие взаимодополняется мыслью, проект и взаимность ожиданий — результатом, позиция актора — точкой зрения «внешнего наблюдателя», действие — структурными ограничениями и возможностями²⁵. При этом диалогизм отличается от «монологической диалектики» Гегеля, которая, по заверению Г. С. Батищева, а отказать ему в знании диалектики невозможно, является «панлогической». Для нее — гегелевской диалектики — характерна исходно принятая «философски-некритическая вера во всеохватывающий и всемогущий субстанциональный Миропорядок — порядок Вещей... надо всем возможным многообразием бытия тяготеет покоряющее его себе *снятие*, а через логику снятия надо всем воцаряется порядок абсолютной унификации. Многообразие низводится до некой эфемерной видимости и игры самопроявления монотонного в себе единства»²⁶.

Рациональность права, как и рациональность вообще, издревле считалась и продолжает считаться его — права — основополагающим

началом. Это даже не принцип (как, например, принцип формального равенства или справедливости), а «метаоснование», «принцип принципов» для существования всей правовой реальности.

Классическая рациональность права, например, в трудах М. Вебера, вытекающая из его идеи формальной рациональности как меры расчета, о чем уже упоминалось выше, — это рациональность, основанная на теоретическом мышлении, используемая при принятии норм права, их систематизации, а также беспристрастность в правоприменении (подведении единичного под всеобщее)²⁷.

Диалогичность коммуникативной рациональности права предполагает взаимодополнительность процесса и результата (производства норм права и их реализации), правовой нормы и правоотношения, правовой практики и правосознания и других аспектов двух основных оппозиций: действия и структуры (включая производство структуры), материального (практики) и ментального, психического. При этом происходит взаимосотнесение позиций акторов — субъектов правовой коммуникации при осознании того, что действия одного актора не могут быть реализованы без соответствующих действий другого. Ожидания взаимной согласованности действий другого как каждого (любого в позиции другого в типизированной ситуации) составляет содержание правового диалога. Одновременно тем самым (согласимся с позицией сторонников юридического либертариизма по данному вопросу, в частности В. А. Четвернина) налагается запрет на «агрессивное насилие».

Принципы, на которых организовано современное общество, включая принципы права, или «конституцию свободы» («свободу в рамках закона»), по утверждению Ф. Хайека, не могут быть рационально обоснованы, но именно они составляют идеал для большинства людей и «направляют наши политические действия»²⁸. Это так называемая **трансцендентная рациональность** — обеспечение самосохранения как минимум и/или процве-

²⁵ О том, что структура не только ограничивает, но и создает возможности, см.: Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003. С. 29.

²⁶ Батищев Г. С. Диалогизм или полифинизм? (Антитетика в идейном наследии М. М. Бахтина) // М. М. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992. С. 124–125.

²⁷ См. подробнее: Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. Т. 3: Право. С. 143–145, 151, 158–163.

²⁸ Хайек Ф. Указ. соч. С. 80.

тания²⁹ как максимум человечества. Почему это трансцендентная рациональность? Потому что люди не могут знать те теоретические положения и практические нормы, которые бы необходимо (с необходимостью) способствовали самосохранению человечества. В этом смысле прав был Д. Деннет, утверждавший, что естественный отбор наделен «вектором рациональности». При этом результат такого отбора (метод проб и ошибок) не может быть заранее предопределен. Поэтому такая рациональность, по Д. Деннету, является «свободно плавающей»³⁰. Так понимаемая трансцендентная рациональность права задает объективные границы права и правовой политики.

Однако с практической точки зрения важны прежде всего рассуждения не о рациональности права вообще (как таковой), а о рациональности отдельных аспектов правовой реальности, позволяющие конкретизировать трансцендентное на уровень имманентного. В этой связи уместно рассмотреть дискуссионные вопросы рациональности конструирования права, а затем воспроизводства правовой системы.

Рациональность конструирования правовой реальности предполагает экспликацию факторов, обуславливающих процесс производства новых норм права. Таковой определяется внешними обстоятельствами и их интериоризацией в правовую культуру (прежде всего элиты). Этот процесс опосредован процедурами нормотворчества. Сегодня очевидно, что предусмотреть то, как внешние факторы (экономика, политика, демография, экология и т.д.) скажутся на состоянии человечества, на общечеловеческом развитии, практически невозможно (кроме вероятностных представлений, основанных на принципе экстраполяции). «Законотворчество по необходимости представляет собой непрерывный процесс, в котором каждый шаг порождает непредвиденные последствия...»³¹.

Ограниченность когнитивных способностей людей (включая человечество как «коллективный разум») в познании мира и себя в мире говорит об отсутствии объективной заданности именно такой правовой политики, а не другой. Поэтому правовая система конструируется властью в борьбе основных социальных

групп за право определять значимость (в том числе юридическую) тех или иных социальных проблем. Конечно, власть исходит из того, что наука считает «объективным положением дел» (особенно в физических, природных явлениях и процессах, хотя знания о них всегда относительны и приблизительны), но всегда есть альтернативность в принятии решения, последствия которого никогда не предопределены и не гарантированы.

Проблема рациональности реализации права, в том числе правоприменения, связана с неустранимостью человеческого фактора. Это ограничивает классическое представление о рациональности. Для постклассической, человекомерной юриспруденции *антропологическое ее измерение* является необходимым и неизбежным. В этой связи возникает сложнейшая проблема: каковы критерии такой практической рациональности, как деятельность человека по реализации права? Эти критерии, как отмечалось выше, отличаются в зависимости от позиции наблюдателя. С точки зрения законодателя и правоприменителя такие критерии представляют собой всего лишь следование установленным стандартам. Рационально в этом смысле то, что соответствует рациональным — как презюмируется — нормам права. Для актора же правовой коммуникации рационально то, что соответствует его интересам и ожиданиям, которые не всегда совпадают с требованиями норм права. Однако для «метазаконодателя» (в том числе актора, рефлексирующего по поводу существующих норм и самих критериев рациональности), или политика с большой буквы, рационально подвергать сомнению рациональность норм и критериев рациональности. Диалог позволяет примирить эти позиции: если нормы права конструируются с учетом интенций потенциально каждого (в теории рационального действия Ю. Хабермаса у каждого должно быть право принять участие в обсуждении принимаемых норм права), то личностные интересы, по идее, должны совпадать с содержанием норм права (или соответствовать им). Само же содержание норм права должно постоянно рефлексироваться не только с точки зрения соответствия процедурам и критериям рацио-

²⁹ Если можно эксплицировать критерии процветания.

³⁰ *Dennet D. C. Brainstorms. Philosophical Essays on Mind and Psychology. Montgomery Vt. : Bradford Books, 1978. P. 17–18.*

³¹ *Хайек Ф. Указ. соч. С. 83.*

нальности, но и с позиций «трансцендентной рациональности».

Сложность экспликации рациональности реализации права, даже если достигнуто диалогическое сочетание личностных интенций и интересов с социальными, с другой стороны, связана с тем, что нормы права никогда не содержат полного и исчерпывающего перечня информации по их соблюдению, исполнению, использованию и применению. Это парадокс «следования правилу», сформулированный Л. Витгенштейном. Философ излагает его следующим образом: «Наш парадокс был таким: ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом. Ответом служило: если все можно привести в соответствие с данным правилом, то все может быть приведено и в противоречие с этим правилом. Поэтому тут нет ни соответствия, ни противоречия. Мы здесь сталкиваемся с серьезным непониманием»³². Очевидно, что такого рода парадокс порождает серьезные вопросы не только в логике, аналитической философии, но и в юриспруденции. В частности, авторитетный логик С. Крипке интерпретирует его как «скептический парадокс», «как новую форму философского скептицизма»³³. «С одной стороны, — пишут Г. П. Бейкер и П. М. С. Хакер, — кажется, что правило должно содержать образ того, что согласуется с ним (так же как кажется, что пропозиция должна содержать образ состояния дел, которое делает ее истинной). Ибо если кто-то понимает правило, он знает, что согласуется с ним, а что его нарушает (оставим в стороне пограничные случаи). С другой стороны, это кажется невозможным. Ибо, по-видимому, то, чему дана только голая формулировка, нуждается в интерпретации и может быть проинтерпретировано неопределенно многими способами! Любое действие можно привести в соответствие с любым правилом посредством той или иной интерпретации»³⁴.

Вместе с тем, как указывает Е. Н. Лисанюк, «Витгенштейн формулирует два сценария для

ответа на вопрос о следовании правилу, практический и теоретический. Практический сценарий намечает совокупность направлений понимания того, что означает следовать правилу, как следование правилу реализуется в той или иной сфере деятельности, каким образом надлежит оценивать результат применения правила и т.п. Этот сценарий предлагает трактовать следование правилу в духе игры как регулируемого правилами взаимодействия между людьми, которое конституируется посредством определенного корпуса правил и регулируется отличным от него корпусом правил. Он состоит в том, чтобы похожие, но явно не одинаковые случаи применения тех или иных правил похожих, во все же не в идентичных условиях считать неким «семейным сходством». <...> Теоретический сценарий заключается в том, чтобы считать парадоксальной саму идею следования правилу, и именно этот сценарий представляет ее как проблему следования правилу. Теоретический сценарий вылился в обсуждение этой проблемы после того, как У. Куайн указал на лингвистический релятивизм, вытекающий из идеи следования правилу, а С. Крипке диагностировал в ней скептический парадокс»³⁵.

По мнению авторитетного петербургского логика, несостоятельным оказывается только «теоретический сценарий следования правилу, трактующий правило в духе идеала как необходимое и достаточное условие получения определенного результата. Этот сценарий терпит крах из-за стремления связать правило с единственным идеалом строгости рассуждений и по умолчанию, базирующемуся на согласии в отношении идеала, распространить действие правила без ограничений, отвлекаясь от агентивных аспектов, сферы и условий применения»³⁶. Деятельностный, или практический (инструментальный), сценарий «разводит психологическую и социологическую трактовку идеи следования правилу при помощи акционального, или целерационального, понимания действий людей. В рациональной деятельности людей следова-

³² Витгенштейн Л. Философские исследования. § 201.

³³ Крипке С. А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / пер. В. Л. Ладова, Б. А. Суровцева; под общ. ред. В. А. Суровцева. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. С. 20.

³⁴ Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Скептицизм, правила и язык: научное издание. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008. С. 103.

³⁵ Лисанюк Е. Н. Аргументация и следование правилу // Л. Витгенштейн: pro et contra: антология / сост., вступ. ст., примеч., науч. ред. С. В. Никоненко. 2-е изд. СПб.: РХГА, 2019. С. 538–539.

³⁶ Лисанюк Е. Н. Указ. соч. С. 541.

ние правилу носит внутренний инструментальный характер, в отличие от внешнего характера публичных утверждений о том, что данный результат получен путем следования тому или иному правилу. Подобные публичные утверждения хотя и могут достоверно свидетельствовать о роли конкретного правила в получении конкретного результата, однако главной своей целью имеют информирование аудитории об этой связи правила и результата, т.е. отчет о деятельности агента, специально предназначенный для других агентов. <...> Чтобы считать следование правилу рациональным действием, по умолчанию принимается, что агент действует рационально, если нет возражений или весомых свидетельств обратного. При таком понимании идеи парадокса следования правилу не возникает. Однако она не позволяет сформулировать достаточного основания для того, чтобы считать следование правилу рациональным действием: результат действия, которое может казаться рациональным следованием правилу, сам по себе и вне специального рассмотрения не является сигналом о том, что агент следовал данному правилу»³⁷.

С моей точки зрения, соотношение внутренней и внешней позиции несколько иное: актер всегда соотносит свои ожидания и действия с тем, какова, с его точки зрения, общепринятая оценка соответствующего действия. В этом состоит диалогичность любого действия, в том числе юридически значимого. Юридическое значение приписывается людьми на основе разделяемых ими идеализаций и типизаций, фреймов и скриптов типизируемых ситуаций. Поэтому уместно предположить, что парадокс следования правилу в практическом плане нивелируется **согласием сообщества с тем, что некто следует правилу**. Тут возникает проблема соотношения нормативности и фактичности, или действительности и действенности нормы

права³⁸. Эти понятия не тождественны, однако юридическая действительность невозможна без социальной действенности. Поэтому согласие общества — это не просто представление референтной группы, выражающей и формирующей интересы большинства сообщества, о должном, но и практики, основанные на таком согласии. Конечно, «общий консенсус совместим с неверным применением», но «несмотря на то что сообщество (большинство говорящих на данном языке) может случайным образом неверно применять правило, ошибаясь в вынесении такого-то и такого-то вердикта в качестве корректного применения, сообщество не может в целом ошибаться в том, что представляют собой его правила, и не может вообще ошибаться в том, что есть корректное применение его правил, поскольку правила и применение внутренне соотносены. <...> *За пределами правил нет истины, которая делает именно эти правила “корректными”*. Мы разрабатываем наши правила. Они могут быть интересны или скучны, полезны или никчемны, искусны или бестолковы, но они не могут быть истинными или корректными. <...> Только сообразность с тем, что делают другие члены сообщества, придает смысл “следованию правилу”»³⁹.

В принципе, об этом же пишет С. Н. Касаткин: «Согласно Витгенштейну, правило, по аналогии со знаком, также не имеет самодостаточного предзаданного значения и само по себе не может детерминировать способ своего применения. Его идентификация невозможна и через потенциально бесчисленные и ведущие к регрессу толкования, трактуемые как предоставление одних не обладающих определенностью формулировок и знаков взамен других. Важны не сами по себе толкования, а сложившаяся и действующая в обществе практика, в рамках которой формируется, воспроизводится, определяется и переопределяется фактическая

³⁷ Лисанюк Е. Н. Указ. соч. С. 543, 551.

³⁸ Как указывают Г. П. Бейкер и П. М. С. Хакер, «ложно, что “следовать правилу корректно” значит “делать, как делают или предрасположены делать большинство людей, когда они стараются ему следовать”. Диспозиционный тезис сообщества ошибочно уподобляет нормативное понятие корректного следования правилу статистическому понятию действовать тем же самым способом, как предрасположено действовать большинство. Статистическая концепция преобразует высказывание, что такое-то и такое-то действие согласуется с таким-то и таким-то правилом, в эмпирическое высказывание. Но оно не только не является эмпирическим, будучи взамен “грамматической” истиной, оно также не является статистическим. <...> Корректное следование правилу состоит в таком действии, как действует большинство компетентных людей, следующих этому правилу» (Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Указ. соч. С. 117).

³⁹ Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Указ. соч. С. 120, 121, 123.

система критериев дифференциации соблюдения и нарушения тех или иных стандартов, транслируются и закрепляются соответствующие им образцы или навыки суждения и поведения, а равно соответствующий им перечень оснований уместности речевых высказываний или квалификаций»⁴⁰.

Таким образом, вышеизложенное дает основание заключить, что правоприменение — это не механический процесс юридической квалификации деяния в соотношении с нормой права и принятия решения в форме индивидуального правового акта, а сложная деятельность, обусловленная внешними институциональными ограничениями и личностной мотивацией. В результате такой деятельности соответствующая форма нормативности права (например, статья нормативного правового акта) наполняется конкретным содержанием и, по большому счету, становится нормой права, воплощаемой в правовом порядке.

Позволяет ли решить эти и другие проблемы реализации права теория рационального выбора, которую сторонники экономического анализа права провозглашают как панацею от тлетворного и разлагающего воздействия релятивизма постсовременности? Как справедливо заявляет А. Г. Карапетов, теория рационального выбора есть «хотя и полезное, но сильное упрощение реальности»⁴¹. Сбои рациональности свойственны человеческой психике, для которой характерны когнитивные ошибки при принятии решений⁴². К ним относятся: сверхоптимизм, неадекватная оценка малой вероятности, неприятие потерь, эффект рамки, игнорирование альтернативных издержек, предпочтение бездействия, эффект обладания, ошибка ретроспективного взгляда, игнорирование априорной вероятности, способность учитывать лишь ограниченное число переменных, ограниченные математические способности, а также проблема самоконтроля⁴³. Впрочем, это не основание для отказа от анализа практик рациональности и рационализации правоприменения, а свидетельство их сложности и противоречивости.

менения, а свидетельство их сложности и противоречивости.

Вышеизложенное позволяет сделать следующий общий вывод: нерационально отказываться от понятия рациональности права, включая его конструирование и реализацию. В то же время классическая рациональность, в том числе рациональность права, себя исчерпала. Ей на смену должна прийти и уже приходит новая концепция и практика постклассической рациональности. Постклассическая диалогическая рациональность права, с моей точки зрения, включает трансцендентный аспект — самосохранение человечества как условие бытия и права и рациональности, который сложным образом реализуется в имманентном измерении рациональности права, содержание которого состоит в воспроизводстве правовой реальности (и тем самым человечества). Рациональна та правовая коммуникация, которая протекает «нормально»: в которой реализуются (возможно, эффективно, в соответствии с ожиданиями субъектов, их интересами) субъективные права и обязанности и которая когерентно вписывается в правовую систему данного общества, а тем самым обеспечивает его — общества — нормальное функционирование (хотя критерии оценки такой «нормальности» функционирования постсовременного общества определить достаточно проблематично, можно сказать, что как минимум они — критерии — должны обеспечивать его самосохранение). В то же время диалогическая, постклассическая рациональность предполагает не просто следование выработанным нормам права (их реализацию), но постоянную рефлексию, мониторинг в отношении этих норм и процедур их конструирования. Рационально постоянное сомнение в рациональности — таков парадоксальный вывод из идей постклассической методологии права. Это необходимо для того, чтобы вовремя выявлять несовершенные нормы и процедуры их принятия, а также предлагать пути их улучшения.

⁴⁰ Касаткин С. Н. Проблема следования правилу: Харт и Витгенштейн // Л. Витгенштейн: pro et contra : антология. С. 1014.

⁴¹ Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М. : Статут, 2016. С. 65.

⁴² Карапетов А. Г. Указ. соч. С. 67.

⁴³ Карапетов А. Г. Указ. соч. С. 70–87.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Батищев Г. С.* Диалогизм или полифинизм? (Антитетика в идейном наследии М. М. Бахтина) // М. М. Бахтин как философ. — М. : Наука, 1992. — С. 123–142.
2. *Бейкер Г. П., Хакер П. М. С.* Скептицизм, правила и язык : научное издание. — М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008. — 240 с.
3. *Бурдые П.* Власть права: основы социологии юридического поля // Социальное пространство: поля и практики : пер. с фр. / отв. ред. пер., сост. и послесл. Н. А. Шматко. — М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2005. — С. 75–129.
4. *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. — Т. 1 : Социология. — М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. — 448 с.
5. *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. — Т. 3 : Право. — М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. — 331 с.
6. *Гидденс Э.* Последствия современности / пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича ; вступ. статья Т. А. Дмитриева. — М. : Праксис, 2011. — 352 с.
7. *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуризации. — М. : Академический проект, 2003. — 528 с.
8. *Калабреззи Г.* Будущее права и экономики. Очерки о реформе и размышления / пер. с англ. И. В. Кушнарева ; под науч. ред. М. И. Одинцовой. — М. : Изд-во Института Гайдара, 2016. — 304 с.
9. *Карапетов А. Г.* Экономический анализ права. — М. : Статут, 2016. — 528 с.
10. *Касаткин С. Н.* Проблема следования правилу: Харт и Витгенштейн // Л. Витгенштейн: pro et contra : антология / сост., вступ. ст., примеч., науч. ред. С. В. Никоненко. — 2-е изд. — СПб. : РХГА, 2019.
11. *Крипке С. А.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / пер. В. Л. Лядова, Б. А. Суровцева ; под общ. ред. В. А. Суровцева. — М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. — 256 с.
12. *Лисанюк Е. Н.* Аргументация и следование правилу // Л. Витгенштейн: pro et contra : антология / сост., вступ. ст., примеч., науч. ред. С. В. Никоненко. — 2-е изд. — СПб. : РХГА, 2019.
13. *Морен Э.* О сложности. — М. : Институт общегуманитарных исследований, 2019. — 272 с.
14. *Порус В. Н.* Рациональная коммуникация как проблема эпистемологии // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. И. Т. Касавин, В. Н. Порус. — М. : ИФРАН, 2009. — С. 11–25.
15. *Порус В. Н.* Рациональность. Наука. Культура. — М., 2002. — 352 с.
16. *Стёпин В. С.* Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Рациональность и ее границы : материалы Международной научной конференции в рамках заседания Международного института философии (Москва, 15–18 сентября 2011 г.) / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский. — М. : ИФРАН, 2012. — С. 7–21.
17. *Фуко М.* Этика заботы о себе как практика свободы // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. Б. М. Скуратова ; под общ. ред. В. П. Большакова. — М. : Праксис, 2006. — Ч. 3. — С. 241–271.
18. *Хайек Ф.* Право. Законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева ; под ред. А. Кураева. — М. : ИРИСЭН, 2006. — 644 с.
19. *Шапиро Й.* Бегство от реальности в гуманитарных науках / пер. с англ. Д. Узланера. — М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. — 368 с.
20. *Швырев В. С.* Рациональность в спектре ее возможностей // Исторические типы рациональности / отв. ред. В. А. Лекторский. — Т. 1. — М., 1995. — С. 7–30.
21. *Dennet D. C.* Brainstorms. Philosophical Essays on Mind and Psychology. — Montgomery Vt. : Bradford Books, 1978. — 418 p.
22. *Habermas J.* Technik und Wissenschaft als «Ideologie». — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1968. — 184 S.
23. *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. — Bd. 2. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1981. — 651 S.

Материал поступил в редакцию 28 марта 2022 г.

REFERENCES

1. Batishchev GS. Dialogizm ili polifinizm? (Antitetika v ideynom nasledii M. M. Bakhtina) [Dialogism or polyphinitism? (Antithetics in the ideological heritage of M.M. Bakhtin)]. In: M.M. Bakhtin as a philosopher. Moscow: Nauka Publ.; 1992. (In Russ.).
2. Baker GP, Hacker PMS. Skeptitsizm, pravila i yazyk: nauchnoe izdanie [Skepticism, Rules and Language: a scientific publication]. Moscow: Canon+: ROOI «Rehabilitation» Publ.; 2008. (In Russ.).
3. Bourdieu P. Vlast prava: osnovy sotsiologii yuridicheskogo polya [The power of law: fundamentals of the sociology of the legal field]. In: Smatko NA, editor. Bourdieu P. Social Environ: fields and practices. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya, 2005. (In Russ.).
4. Weber M. Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii [Economy and society: essays of understanding sociology]. Vol. 1: Sociology. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2016. (In Russ.).
5. Weber M. Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii [Economy and society: essays of understanding sociology]. Vol. 3: Law. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2018. (In Russ.).
6. Giddens E. Posledstviya sovremennosti [Consequences of modernity]. Moscow: Praxis Publ.; 2011. (In Russ.).
7. Giddens E. Ustroenie obshchestva: Ocherki teorii strukturatsii [Organization of society: Essays on the theory of structuration]. Moscow: Academic project Publ.; 2003 (Russ.).
8. Calabresi G. Budushchee prava i ekonomiki. Ocherki o reforme i razmyshleniya [The future of law and economics. Essays on reform and reflections]. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute; 2016. (In Russ.).
9. Karapetov AG. Ekonomicheskiy analiz prava [Economic analysis of law]. Moscow: Statute Publ.; 2016. (In Russ.).
10. Kasatkin SN. Problema sledovaniya pravilu: Khart i Vitgenshteyn [The problem of following the rule: Hart and Wittgenstein]. In: L. Wittgenstein: pro et contra, anthology. 2nd ed. St. Petersburg: RHGA Publ.; 2019. (In Russ.).
11. Kripke SA. Vitgenshteyn o pravilakh i individualnom yazyke [Wittgenstein on rules and individual language]. Moscow: Canon +: ROOI «Rehabilitation» Publ.; 2010. (In Russ.).
12. Lisanyuk EN. Argumentatsiya i sledovanie pravilu [Argumentation and following the rule]. In: L. Wittgenstein: pro et contra, anthology. 2nd ed. St. Petersburg: RHGA Publ.; 2019. (In Russ.).
13. Moren E. O slozhnosti [About complexity]. Moscow: IOI Publ.; 2019. (In Russ.).
14. Porus VN. Ratsionalnaya kommunikatsiya kak problema epistemologii [Rational communication as a problem of epistemology]. Kommunikativnaya ratsionalnost: epistemologicheskii podkhod [Communicative rationality: an epistemological approach]. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy; 2009. (In Russ.).
15. Porus VN. Ratsionalnost. Nauka. Kultura [Rationality. Science. Culture]. Moscow; 2002. (In Russ.).
16. Stepin VS. Nauchim ratsionalnost v tekhnogennoy kulture: tipy i istoricheskaya evolyutsiya [Let's teach rationality in technogenic culture: types and historical evolution]. In: Guseynov AA, Lektorskiy VA, editors. Rationality and its boundaries: Proceedings of the international scientific conference «Rationality and its boundaries.» International Institute of Philosophy in Moscow (September 15–18, 2011). Moscow: Russian Academy of Sciences; 2012. (In Russ.).
17. Foucault M. Etika zaboty o sebe kak praktika svobody [Ethics of self-care as a practice of freedom]. In: Bolshakov VP, editor. Foucault M. Intellectuals and Power: Selected political articles, speeches and interviews. Part 3. Moscow: Praxis Publ.; 2006. (In Russ.).
18. Hayek F. Pravo. Zakonodatelstvo i svoboda: Sovremennoe ponimanie liberalnykh principov spravedlivosti i politiki [Law. Legislation and Freedom: A Modern Understanding of the liberal principles of Justice and Politics]. Moscow: IRISEN Publ.; 2006. (In Russ.).
19. Shapiro Y. Begstvo ot realnosti v gumanitarnykh naukah [Escape from reality in the humanities]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2011. (In Russ.).
20. Shvyrev VS. Ratsionalnost v spektre ee vozmozhnostey [Rationality in the spectrum of its possibilities]. In: Lektorskiy, editor. Istoricheskie tipy racionalnosti [Historical types of rationality]. Vol. 1. Moscow; 1995. (In Russ.).
21. Dennet DC. Brainstorms. Philosophical Essays on Mind and Psychology. Montgomery Vt.: Bradford Books; 1978.
22. Habermas J. Technik und Wissenschaft als «Ideologie». Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1968.
23. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. 2nd Bd. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1981.

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.087-099

С. А. Васильев*

О новых субъектах конституционного права в цифровую эпоху

Аннотация. Развитие современных общественных отношений приводит к возникновению новых субъектов конституционного права, так как содержание взаимных связей между ними все больше и больше переходит в цифровое пространство, где формируются обновленные конституционные ценности. Действующее правовое регулирование гораздо более консервативно и не может своевременно реагировать на стремительно развивающиеся отношения в данной сфере. Косвенным подтверждением этому служит рост популярности программного регулирования, когда государство пытается оказать воздействие или хотя бы предугадать будущее через проекты, планы, комплексы задуманных мероприятий и т.д. В этой связи предлагаются теоретические подходы для оптимизации классического правового регулирования. Основная цель статьи — применение авторской теории соотношений субъектов конституционного права для оценки общественных отношений на предмет констатации появления все новых субъектов и условий для оказания ими друг на друга воздействия. Целесообразность данной деятельности обусловлена стремлением к последующим предложениям теоретического характера с целью развития системы нормативного правового регулирования. Перечень задач работы обусловлен сферами общественных отношений, выборочно рассмотренными в статье, такими как высокотехнологичная медицина, интернет-пространство, система образования и воспитания молодежи, обеспечение и защита прав человека в избирательном процессе и т.д. Безусловно, данный перечень не может быть исчерпывающим. Анализу подверглись явления, урегулированные правом, имеющие место в зарубежных государствах и международной практической деятельности транснациональных корпораций, что свидетельствует об использовании сравнительно-правового метода. Ключевым результатом проделанной работы является предложение пересмотра устоявшихся правил анализа и систематизации общественных отношений, реализуемых в цифровом пространстве или иным образом связанных с ним. На это же должно переориентироваться и нормативное правовое регулирование.

Ключевые слова: цифровое пространство; права человека; электронная среда; правоотношения; современные технологии; новые субъекты; субъекты конституционного права; теория соотношений.

Для цитирования: *Васильев С. А.* О новых субъектах конституционного права в цифровую эпоху // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 7. — С. 87–99. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.087-099.

© Васильев С. А., 2022

* *Васильев Станислав Александрович*, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-экспертного центра «Международное и отечественное право», заведующий кафедрой «Конституционное и административное право» Севастопольского государственного университета
Университетская ул., д. 33, г. Севастополь, Россия, 299051
mnogoslov@mail.ru

New Subjects of Constitutional Law in the Digital Age

Stanislav A. Vasiliev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Leading Researcher, Research and Advisory Centre «International and National Law», Head of the Constitutional and Administrative Law Department, Sevastopol State University
ul. Universitetskaya, d. 33, Sevastopol, Russia, 299051
mnogoslov@mail.ru

Abstract. The development of modern public relations shows the formation of new subjects of constitutional law, since the content of mutual relations between them is increasingly moving into the digital space, where updated constitutional values arise. The current legal regulation is much more conservative and cannot respond to the rapidly developing relations in this area in a timely manner. Indirectly it can be confirmed by the fact that the programmatic regulation is gaining popularity when the state is trying to influence or at least predict the future through projects, plans, complexes of planned activities, etc. In this regard, theoretical approaches are proposed to optimize classical legal regulation. The main purpose of the paper is the application of the author's theory of relations of subjects of constitutional law to assess public relations through establishing the presence of new subjects and conditions for their mutual influence. The expediency of this activity is due to the desire for subsequent proposals of a theoretical nature in order to develop a system of legal and regulatory framework. The list of tasks of the work is determined by those spheres of public relations that are selectively considered in the paper, namely high-tech medicine, the Internet space, the system of education and upbringing of youth, ensuring and protecting human rights in the electoral process, etc. Of course, this list is not exhaustive. The author analyzes phenomena regulated by law and that take place in foreign countries and the international practice of transnational corporations. This indicates the use of a comparative legal method. The key result of the conducted research is the proposal to revise the established rules for the analysis and systematization of public relations implemented in the digital space or otherwise related to it. Regulatory legal regulation should also be reoriented to this.

Keywords: digital space; human rights; electronic environment; legal relations; modern technologies; new subjects; subjects of constitutional law; theory of relations.

Cite as: Vasiliev SA. O novykh subektakh konstitutsionnogo prava v tsifrovuyu epokhu [New Subjects of Constitutional Law in the Digital Age]. *Lex russica*. 2022;75(7):87-99. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.087-099. (In Russ., abstract in Eng.).

Постановка проблемы

С развитием общества и отношений внутри него происходит формирование новых субъектов, как абсолютно новых, так и тех, что аналогичны уже имеющимся. Так, развитие экономических процессов приводит к созданию промышленных комплексов, территория которых постепенно вступает в противоречие с существующим административно-территориальным устройством¹. Например, расширение города Москвы за счет присоединения новых пространств не соответствовало реальным экономическим и

социальным процессам, которые происходят в мегаполисе и прилегающих к нему территориях. Объективно правильным было бы присоединение городов-спутников, окружающих столицу². Несколько иным путем развивается Санкт-Петербург, отвоевывая у моря новые местности за счет использования технологий формирования намывных земель³.

Одним из наиболее важных и всеобщих признанных стремлений человека является его развитие как ключевая составляющая конституционно-правового статуса⁴. Современные технологии в настоящее время оказывают серъ-

¹ Гранберг А. Г., Кистанов В. В., Адамеску А. А. Государственно-территориальное устройство России. М. : ДеКА, 2003. С. 27.

² Дедков А. Г. Проблемы территориального планирования городов (на примере Москвы) // Инновации и инвестиции. 2020. № 5. С. 217–220.

³ Территория в публичном праве / И. А. Алебастрова, И. А. Исаев, С. В. Нарутто [и др.] М. : Норма, Инфра-М, 2013.

⁴ Михеева Т. Н. Ожидаемое и неожиданное: о некоторых конституционных изменениях 2020 г. // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 10–14. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-2-10-14.

езное влияние на общественные отношения, которые постепенно переходят в цифровую среду с точки зрения их реализации. Если несколько лет назад для совершения различных юридически значимых действий приходилось отстаивать большие очереди, то сегодня сделать это можно используя не просто принцип одного окна⁵, а принцип единого цифрового окна, так как уже не только государственные услуги, но и многое другое можно осуществлять при помощи мобильного телефона. Банковские услуги, валютные операции, оплата штрафов и даже электронная валюта⁶ — все это данность настоящего времени. Перспективами в указанном направлении можно считать лечение с использованием VR-технологий⁷ или вживление в организм человека устройства, которое будет выполнять самые разные функции, от обеспечения коммуникации до диагностики физического состояния⁸.

При этом изменяется не только форма реализации общественных отношений, но и субъектный состав. Так, в соответствии со ст. 5 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁹ появился такой субъект — оператор информационной системы; ст. 2 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 31.07.2020)¹⁰ определила такого субъекта, как оператор инвестиционной платформы; ст. 20.1 Федерального закона от 28.12.2009

№ 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (ред. от 30.12.2020)¹¹ установила правовой статус оператора информационной системы мониторинга. Закрепление в законодательстве статуса определенных лиц с наделением их правами и обязанностями предполагает, что в процессе реализации данных нормативных правовых актов они станут полноправными субъектами конституционно-правовых отношений, участвуя в реализации конституционных прав граждан, закрепленных в ст. 24, 34, 35 и др. Конституции Российской Федерации. Очевидно, данные субъекты имеют все возможности вступать в общественные отношения с гражданами, оказывать на них воздействие, создавая определенные условия для такого взаимодействия, в частности содействовать распоряжению ими своими денежными средствами, обеспечивать безопасность их персональных данных и т.д.

Сам факт наличия любого нового субъекта предопределяет трансформацию правового статуса лица, вступающего с ним в отношения или имеющего такую возможность. Допустим, описанной возможностью обладают только физические лица — резиденты Российской Федерации или ее отдельной части — особой экономической зоны. В таком случае правовой статус россиянина или гражданина, уплачивающего налоги в определенной местности, будет отличным от статуса иностранного гражданина еще и по обозначенному параметру.

К операторам онлайн-платформ устанавливаются определенные требования¹², связанные с выполнением ими функционала, в том

⁵ Институт государственных и муниципальных услуг в современном праве Российской Федерации : монография / под ред. В. И. Фадеева. М. : Норма, 2016.

⁶ Багач И. С. Специфика цифровых прав как объектов гражданских прав // Сборник научных статей по итогам II Севастопольского юридического форума, прошедшего 27–28 сентября 2019 г. на базе Юридического института Севастопольского государственного университета / отв. ред. С. А. Васильев. М. : Центркаталог, 2020. С. 140–147.

⁷ Naef A. C., Jeitziner M.-M., Gerber S. M. Virtual reality stimulation to reduce the incidence of delirium in critically ill patients: study protocol for a randomized clinical trial // *Trials*. 2021. № 22 (1). P. 174. DOI: 10.1186/s13063-021-05090-2.

⁸ Малинецкий Г. Г. Выступление в рамках секции Кутафинских чтений «Правовые проблемы защиты генетической информации», проходившей 5 апреля 2019 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

⁹ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ СПС «КонсультантПлюс».

¹² Богданов Д. Е. Влияние аддитивных технологий на определение модели деликтной ответственности оператора онлайн-платформы // *Lex russica* (Русский закон). 2020. № 7 (164). С. 76–85. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.164.7.076-085.

числе связанного с обеспечением защиты прав и свобод человека и гражданина. Поскольку важнейшим ресурсом в цифровую эпоху становится информация, то именно за ее незаконное распространение и несут ответственность указанные субъекты, не исключая наказаний за иное нарушение действующего нормативного правового регулирования.

В интернет-среде заключается всё больший и больший социализирующий эффект¹³. Так, дети проводят много времени, используя ресурсы глобальной сети, потребляя и формируя собственный контент. В Законе РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (ред. от 30.12.2020)¹⁴ законодатель осуществил попытку правовой регламентации данного процесса, однако говорить о четком понимании субъектного состава в этой сфере пока еще рано¹⁵.

Большое количество ценностей сформировано в виртуальном пространстве, а сами объекты представляют собой цифровой предмет. Так, объем финансов, обращающихся в сете-

вых видеоиграх¹⁶ или интернет-магазинах¹⁷, сравним с бюджетом крупных компаний. Оборот интернет-магазина AliExpress за период с 1 апреля 2020 г. по 31 марта 2021 г. составил 229,3 млрд руб., не включая услуги (российский сегмент — 56 млрд руб.)¹⁸. Оборот мясоперерабатывающего комбината «Останкино», продукция которого реализуется в различных населенных пунктах страны, составляет 36,8 млрд руб.¹⁹

При этом люди готовы тратить немалые деньги на объекты, не имеющие никакого отношения к материальному миру²⁰. Расчеты и прочие операции выполняет компьютерная программа²¹, откуда можно сделать вывод, что некоторыми признаками субъекта наделяется искусственный интеллект или электронный код, о чем уже давно дискутируют ученые²².

Последние вооруженные конфликты показали проблему, связанную с правосубъектным составом их участников. Напряженная ситуация в Нагорном Карабахе продемонстрировала эффективность беспилотных лета-

¹³ Великородная Т. П., Сыкеева И. Н. Ложные и опасные ценности виртуального мира // Вестник образовательного консорциума «Среднерусский университет». Серия «Гуманитарные науки». 2019. № 14. С. 6–7.

¹⁴ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Максимова Е. А. Оценка информационной безопасности субъекта критической информационной инфраструктуры при деструктивных воздействиях : монография. Волгоград : Волгоградский государственный университет, 2020.

¹⁶ Васильев Д. Н., Николаев П. Д. Обзор проблем регулирования виртуальных ценностей // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. № 14. С. 20–22.

¹⁷ Mikheev A. A., Krasnov A., Griffith R. The interaction model within phygital environment as an implementation of the open innovation concept // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. 2021. № 7 (2). P. 114. DOI: 10.3390/joitmc7020114.

¹⁸ AliExpress Россия впервые раскрывает годовые финансовые результаты // Сайт «AliExpress Россия». URL: <https://press.aliexpress.ru/page18635284.html> (дата обращения: 28.12.2021).

¹⁹ Останкинский МПК // Сайт журнала Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/profile/ostankinskii-mpk> (дата обращения: 28.12.2021).

²⁰ Tubadji A., Angelis V., Nijkamp P. Endogenous intangible resources and their place in the institutional hierarchy // Review of Regional Research. 2016. № 36 (1). P. 1–28. DOI: 10.1007/s10037-015-0097-5 ; Londar S., Lytvynchuk A., Versal N. Investment in human capital within the creative economy formation: Case of the Eastern and central Europe countries (Inwestycje w kapitał ludzki jako element kształtowania gospodarki kreatywnej: Przypadek Europy Środkowo-Wschodniej) // Comparative Economic Research. 2020. № 23 (4). P. 129–148. DOI: 10.18778/1508-2008.23.31.

²¹ Sorokin A., Malkovsky S., Tsoy G. Comparing the performance of general matrix multiplication routine on heterogeneous computing systems // Journal of Parallel and Distributed Computing. 2022. № 160. P. 39–48. DOI: 10.1016/j.jpdc.2021.10.002.

²² Demidov V., Dolzhenkova E., Mokhorov D. Legal Aspects of Artificial Intelligence Application in Artistic Activity // Lecture Notes in Networks and Systems. 2022. № 345. P. 192–202. DOI: 10.1007/978-3-030-89708-6_17 ; Shirokova E. S., Fedulin A. M. On the Issue of Liability for Harm Caused by the Actions of Drones Using Artificial Intelligence // Lecture Notes in Networks and Systems. 2022. № 330. P. 664–671. DOI: 10.1007/978-3-030-87178-9_66.

тельных аппаратов, которые успешно решали поставленные боевые задачи²³. В этой связи ученые задаются вопросом: кем считать таких роботов — объектами или всё же субъектами правоотношений?²⁴

Зарубежный опыт внедрения современных технологий и их влияния на правовое регулирование

Многие современные разработки существенным образом влияют на повседневную жизнь, внося свои коррективы в субъектный состав привычных устоявшихся отношений. Так, существует концепция создания навигационной системы для координации пожилых людей, страдающих расстройствами, связанными с ориентацией в пространстве²⁵. Такие системы фактически вносят свои коррективы в поведение ключевого субъекта конституционных правоотношений, действия которого в данных условиях сложно обозначить как самостоятельные и обусловленные собственным волеизъявлением.

Продолжая медицинскую тематику, следует отметить стремительное развитие геномных технологий, в связи с чем возникает огромное количество споров, касающихся проблем определения отдельных правовых статусов и самого субъектного состава лиц, прошедших соответствующие процедуры, использовавших геном реципиента, не являющегося их родственником

или иным близким лицом. Современные технологии в данной сфере позволяют оказывать воздействие на формирование будущего ребенка с наделением его качествами другого человека. В данном случае говорить о том, что в результате появится полностью самостоятельный человек с собственной уникальной волей, в полной мере нельзя. Кроме того, геном человека содержит в себе огромное количество информации о нем, которая может быть использована самым различным образом. В этой части актуализируется вопрос сохранности таких сведений в базах данных, особенно в базах биобанков²⁶. Однако самый главный вопрос связан с самостоятельностью высшей конституционной ценности Российской Федерации по ст. 2 Конституции в качестве полностью самостоятельного субъекта.

С применением различных мер противодействия и профилактики новой коронавирусной инфекции многие сферы общественной жизни также перешли в виртуальное пространство. Наиболее близкая автору этих строк (и наверняка читателям) сфера высшего образования также претерпевает соответствующие изменения. В этом контексте стоит отметить, что такая ситуация дала толчок к переходу не просто к дистанционному формату коммуникации между студентом и преподавателем, но и к цифровизации процесса управления образованием. Те вузы, которые готовили заявки для участия в программе «Приоритет-2030»²⁷, среди прочего разрабатывали обоснование виртуализа-

²³ *Афонин И. Е., Макаренко С. И., Петров С. В., Привалов А. А.* Анализ опыта боевого применения групп беспилотных летательных аппаратов для поражения зенитно-ракетных комплексов системы противовоздушной обороны в военных конфликтах в Сирии, в Ливии и в Нагорном Карабахе // Системы управления, связи и безопасности. 2020. № 4. С. 163–191. DOI: 10.24411/2410-9916-2020-10406 ; *Верещагин С. Г.* История трансформации роботов: от первых механических устройств до боевых роботов с искусственным интеллектом, правовое регулирование их применения в вооруженных конфликтах // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2020. Т. 12. № 4. С. 68–78. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/068-078 ; *Фролов А. Л., Тынянкина А. А.* Война новой эпохи // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 2 (108). С. 147–158.

²⁴ *Мальгинов Е. А.* Правовое регулирование отношений в сфере создания и эксплуатации (использования) робототехники: контуры новой отрасли права // Сборник научных статей по итогам II Севастопольского юридического форума, прошедшего 27–28 сентября 2019 г. на базе Юридического института Севастопольского государственного университета / отв. ред. С. А. Васильев. М. : Центркаталог, 2020. С. 69–72 ; *Богданов Д. Е.* Влияние биопринтных технологий на развитие гражданско-правовой ответственности // Lex russica (Русский закон). 2020. № 9 (166). С. 88–99. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.166.9.088-099.

²⁵ *Zhang J.-X., Wang L., Hou H.-Y.* Age-related impairment of navigation and strategy in virtual star maze // BMC Geriatrics. 2021. № 21 (1). P. 108. DOI: 10.1186/s12877-021-02034-y.

²⁶ Формирование концептуальных основ механизма правового регулирования диагностики генома и геномного редактирования : монография / А. К. Бурцев, А. М. Осавелюк, С. Х. Сарманов [и др.]. М. : Юрист, 2020.

²⁷ Программа стратегического академического лидерства // URL: <https://psal.ru/> (дата обращения: 19.05.2021).

ции всей системы организации. Использование современных технологий в процессе подготовки специалистов разных профилей — далеко не самое последнее новшество, однако когда речь идет о подготовке медиков²⁸, необходимо четко понимать, какие требования²⁹ к таким методикам³⁰ предъявляют лица, ответственные за квалификацию выпускников. Трансформируется и вся парадигма реализации конституционного права на образование.

Отсюда вытекает еще одна проблема — необходимость защиты прав человека от негативного воздействия цифровой среды³¹ на общественные отношения. Выше уже упоминалось о неблагоприятном влиянии интернет-контента на детей, однако известны случаи, когда это приводило к смерти. В данном случае, безусловно, вина лежит на конкретных физических лицах, имевших прямой умысел³², однако влияние электронной среды играет весьма важную роль. Она обеспечила злоумышленнику львиную долю подготовки преступления в силу неурегулированности некоторых действий пользователей.

Здесь же следует заметить: современные технологии устроены таким образом, что

выбор большинства формирует тот контент, который наиболее доступен и активно предлагается пользователю. При этом учитываются его общие интересы согласно существовавшим ранее запросам, однако подбор идет в пользу того, который до этого момента в определенный промежуток времени выбрало максимальное число других потребителей информации³³. Таким образом, можно констатировать несомнительное фактическое стремление воли человека не в сторону собственного выбора, а в сторону выбора большинства, причем неизвестного ему.

Вместе с тем эти же технологии помогают позитивным образом использовать многообразие мнений для выработки единого решения по определенным направлениям деятельности. Так, всё большее распространение получают различные электронные площадки для определения приоритета благоустройства общественных пространств в городах³⁴. При этом решения принимаются по совершенно другим правилам, нежели это происходит в классических демократических процедурах³⁵, где вся систематика обоснована и в своей массе формально определена. Здесь же формируются фокус-группы,

²⁸ *Issleib M., Kromer A., Pinnschmidt H. O. Virtual reality as a teaching method for resuscitation training in undergraduate first year medical students: a randomized controlled trial // Scandinavian Journal of Trauma, Resuscitation and Emergency Medicine. 2021. № 29 (1). P. 27. DOI: 10.1186/s13049-021-00836-y; Salvetti F., Gardner R., Minehart R., Bertagni B. Digital Learning: Healthcare Training by Tele-Simulation and Online Cooperation // Lecture Notes in Networks and Systems. 2022. № 349. P. 304–311. DOI: 10.1007/978-3-030-90677-1_29.*

²⁹ *Miquel M., Puig J., Montoliu S. Joint position statement of the Societat Catalana de Digestologia and the Societat Catalana de Radiologia on gastroenterologist-led ultrasound in Catalonia (Documento de posicionamiento de la Societat Catalana de Digestologia y la Societat Catalana de Radiologia: ecografía para especialistas en enfermedad digestiva en Catalunya: Documento de posicionamiento de la Societat Catalana Digestologia y la Societat) // Gastroenterologia y Hepatologia. 2022. № 45 (1). P. 77–81. DOI: 10.1016/j.gastrohep.2021.04.003.*

³⁰ *Alifu X., Wusuyin N., Yasen M. Construction and Application of Virtual Simulation Platform for Medical Education Based on Big Data // Lecture Notes on Data Engineering and Communications Technologies. 2022. № 84. P. 480–485.*

³¹ *Кулешова Л. В. Выступление в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Подготовка юридических кадров в традиции ведомственного российского образования: история и современность», состоявшейся 11 июня 2021 г. в г. Санкт-Петербурге.*

³² *Кирюхин В. В. О формировании административно-правовых мер, направленных на противодействие деятельности в сети Интернет, побуждающей несовершеннолетних к суицидальному поведению // Административное право и процесс. 2020. № 6. С. 53–56; Толмачева М. С. Рассмотрение судами административных дел о принудительной госпитализации в психиатрический стационар // Судья. 2019. № 3. С. 32–34. DOI: 10.18572/2071-1166-2020-6-53-56.*

³³ *Ozuem W., Willis M., Howell K. Effects of online brand communities on millennials' brand loyalty in the fashion industry // Psychology and Marketing. 2021. № 38 (5). P. 774–793. DOI: 10.1002/mar.21466.*

³⁴ *Сделаем город комфортнее // Сайт «Формирование комфортной городской среды». URL: <https://92.gorodsreda.ru/> (дата обращения: 19.05.2021).*

³⁵ *Vidiasov E., Vidiasova L. The digitalization of citizen participation in city governance: A study of citizen communication channels in St. Petersburg // Zhurnal Issledovaniy Sotsial'noi Politiki. 2021. № 19 (1). P. 115–128.*

чье мнение сопоставляется с мнением местного руководства, оценками специалистов, нанятых исполнителей и возможностями бюджета отдельного проекта³⁶. Такое решение является совместным. Но какие субъекты принимают в нем участие и можно ли их идентифицировать? В самом общем виде — граждане. Но каково место стихийно образованных формирований, наиболее активных представителей населения и PR-технологов?³⁷

Многие ученые продолжают относиться со скепсисом к использованию цифровых технологий в различных демократических процессах³⁸. Французские исследователи подтверждают указанные опасения, констатируя, что данные методы хотя и приносят постепенно положительный эффект, но все же искажают волеизъявление народа³⁹, что приводит к нарушению прав коллективного субъекта. Специалисты в данной сфере отмечают уязвимость волеизъявления граждан именно на этапе выражения самим пользователем ввиду многочисленности и невозможности проследить за каждым из них⁴⁰. Кроме того, отдельные исследователи отмечают, что в таких странах, как, например, Индия, массовое внедрение цифровых технологий может негативным образом сказаться на явке⁴¹, поскольку многие граждане в силу разных причин просто не владеют ими.

Вывод

Обобщая вышеперечисленные проблемы определения субъектного состава правоотношений

в связи с использованием современных технологий, приходится сделать вывод, что трансформация в этой сфере осуществляется все быстрее. Устоявшиеся правила реализации права все меньше и меньше соответствуют тому, что происходит в жизни. Цифровые технологии не просто создают фактически новых субъектов отношений, формируют среду для появления более привычных лиц и образований, они обеспечивают как дополнительные условия для позитивного развития, так и простор для деятельности злоумышленников в силу своей слабой подконтрольности⁴². В этой связи очевидна необходимость трансформации концептуальных подходов к анализу и оценке правоотношений, большего внимания к условиям их реализации. Во главу угла необходимо ставить не правила поведения субъектов права, а справедливость, правопорядок, а также обеспечение и защиту прав человека как высшей конституционной ценности.

С учетом изложенного предлагается применение авторской теории соотношения субъектов права, суть которой сводится к изучению абсолютно всех взаимных влияний между теми субъектами, отношения которых планируется урегулировать. При этом необходимо учитывать риски и иные вариации, как, например, технологический прорыв или появление новых субъектов. В настоящее время развитие правового регулирования в большей степени основывается на особенностях государственной политики и воле тех лиц, которые могут на нее влиять. В то же время мировые тренды, технологии, а также воля других субъ-

³⁶ Бакушин И. А. Комфортный и аргументированный диалог с жителями как инструмент градостроительной политики (на примере создания нового центрального парка в г. Владимире) // Выступление в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Правовые проблемы урбанистики и градостроительной деятельности: национальное и региональное измерение», прошедшей в Законодательном Собрании г. Севастополя 8 апреля 2021 г.

³⁷ Гавра Д. П. PR-тексты в формировании имиджа российского города : монография. Ухта : УГТУ, 2019.

³⁸ Кобзева С. В. Демократизация государственного управления и электронное правительство // Информационное право. 2018. № 2. С. 4–9.

³⁹ Collard S., Fabre E. Electronic voting in the French legislative elections of 2012 // Design, Development, and Use of Secure Electronic Voting Systems. 2014. P. 176–198. DOI: 10.4018/978-1-4666-5820-2.ch009.

⁴⁰ Farzaliyev V., Krips K., Willemsen J. Developing a personal voting machine for the estonian internet voting system // Proceedings of the ACM Symposium on Applied Computing. 2021. P. 1607–1616. DOI: 10.1145/3412841.3442034.

⁴¹ Desai Z., Lee A. Technology and protest: The political effects of electronic voting in India // Political Science Research and Methods. 2021. № 9 (2). P. 398–413. DOI: 10.1017/psrm.2019.51.

⁴² Namasudra S., Deka G. C., Johri P. The Revolution of Blockchain: State-of-the-Art and Research Challenges // Archives of Computational Methods in Engineering. 2021. № 28 (3). P. 1497–1515. DOI: 10.1007/s11831-020-09426-0.

ектов создают несколько иную парадигму, на которую далеко не всегда легко влиять при помощи программного правового регулирования. Таким образом, в основу правопроектной деятельности должны быть положены объективная реальность, имеющийся опыт, передовые методики прогнозирования при сохранении приоритета соблюдения конституционных принципов. В таком случае нормативное правовое регулирование обещает быть более стабильным и эффективным, а правовой статус российских граждан будет обеспечен (и гарантирован) действенными механизмами применения права.

Исходя из анализа рассмотренных выше конкретных сфер общественных отношений можно выделить несколько относительно новых субъектов:

1) субъекты, определяемые новым конституционно-правовым регулированием (операторы цифровых платформ, операторы цифрового мониторинга и т.д.);

- 2) лица, осуществляющие трудовую деятельность с использованием средств дистанционной коммуникации;
- 3) лица, формирующие виртуальную электронную среду;
- 4) лица, деятельность которых скорректирована современными технологиями и лекарственными препаратами;
- 5) лица, родившиеся с использованием геномного редактирования, влияющего на характер, волю и другие моральные качества, которые могут быть переданы донору. Такие процедуры должны быть законодательно запрещены, однако исключать появление таких людей полностью нельзя.

Использование данного теоретического конструкта в процессе правотворческой и правоприменительной деятельности способно более четко разграничить субъектов конституционного права для детальной регламентации общественных отношений с их участием, гарантирования их прав и определения обязанностей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Конституционное право России : учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. — Т. 1. — М. : Норма, 2010. — 864 с.
2. Афонин И. Е., Макаренко С. И., Петров С. В., Привалов А. А. Анализ опыта боевого применения групп беспилотных летательных аппаратов для поражения зенитно-ракетных комплексов системы противовоздушной обороны в военных конфликтах в Сирии, в Ливии и в Нагорном Карабахе // Системы управления, связи и безопасности. — 2020. — № 4. — С. 163–191. — DOI: 10.24411/2410-9916-2020-10406.
3. Багач И. С. Специфика цифровых прав как объектов гражданских прав // Сборник научных статей по итогам II Севастопольского юридического форума, прошедшего 27–28 сентября 2019 г. на базе Юридического института Севастопольского государственного университета / отв. ред. С. А. Васильев. — М. : Центркаталог, 2020. — С. 140–147.
4. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник для вузов. — 3-е изд., изм. и доп. — М. : Норма, 2002. — 784 с.
5. Богданов Д. Е. Влияние аддитивных технологий на определение модели деликтной ответственности оператора онлайн-платформы // Lex russica (Русский закон). — 2020. — № 7 (164). — С. 76–85. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.164.7.076-085.
6. Богданов Д. Е. Влияние биопринтных технологий на развитие гражданско-правовой ответственности // Lex russica (Русский закон). — 2020. — № 9 (166). — С. 88–99.
7. Васильев Д. Н., Николаев П. Д. Обзор проблем регулирования виртуальных ценностей // Законность и правопорядок в современном обществе. — 2013. — № 14. — С. 20–22.
8. Васильев С. А. Взаимодействие субъектов конституционно-правовых отношений // Конституционное и муниципальное право. — 2017. — № 1. — С. 20–23.
9. Великородная Т. П., Сыкеева И. Н. Ложные и опасные ценности виртуального мира // Вестник образовательного консорциума «Среднерусский университет». Серия «Гуманитарные науки». — 2019. — № 14. — С. 6–7.
10. Верещагин С. Г. История трансформации роботов: от первых механических устройств до боевых роботов с искусственным интеллектом. Правовое регулирование их применения в вооруженных конфликтах // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета

- экономики и сервиса. — 2020. — Т. 12. — № 4. — С. 68–78. — DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/068-078.
11. *Гавра Д. П.* PR-тексты в формировании имиджа российского города : монография. — Ухта : УГТУ, 2019. — 148 с.
  12. *Гранберг А. Г., Кистанов В. В., Адамеску А. А.* Государственно-территориальное устройство России. — М. : ДеКА, 2003. — 446 с.
  13. *Дедков А. Г.* Проблемы территориального планирования городов (на примере Москвы) // Инновации и инвестиции. — 2020. — № 5. — С. 217–220.
  14. Институт государственных и муниципальных услуг в современном праве Российской Федерации : монография / под ред. В. И. Фадеева. — М. : Норма, 2016. — 208 с.
  15. *Исаенко В. Н.* Оценка и использование прокурором заключений экспертов в уголовном судопроизводстве : научно-практическое пособие. — М. : Юрлитинформ, 2017. — 165 с.
  16. *Кирюхин В. В.* О формировании административно-правовых мер, направленных на противодействие деятельности в сети Интернет, побуждающей несовершеннолетних к суицидальному поведению // Административное право и процесс. — 2020. — № 6. — С. 53–56.
  17. *Кобзева С. В.* Демократизация государственного управления и электронное правительство // Информационное право. — 2018. — № 2. — С. 4–9.
  18. Конституционное право : учебник для бакалавров / отв. ред. В. И. Фадеев. — М. : Проспект, 2012. — 584 с.
  19. *Кутафин О. Е.* Субъекты конституционного права Российской Федерации как юридические и приравненные к ним лица : монография. — М. : Проспект, 2007. — 335 с.
  20. *Максимова Е. А.* Оценка информационной безопасности субъекта критической информационной инфраструктуры при деструктивных воздействиях : монография. — Волгоград : Волгоградский государственный университет, 2020. — 93 с.
  21. *Мальгинов Е. А.* Правовое регулирование отношений в сфере создания и эксплуатации (использования) робототехники: контуры новой отрасли права // Сборник научных статей по итогам II Севастопольского юридического форума, прошедшего 27–28 сентября 2019 г. на базе Юридического института Севастопольского государственного университета / отв. ред. С. А. Васильев. — М. : Центркаталог, 2020. — С. 69–72.
  22. *Михеева Т. Н.* Ожидаемое и неожиданное: о некоторых конституционных изменениях 2020 г. // Конституционное и муниципальное право. — 2021. — № 2. — С. 10–14. — DOI: 10.18572/1812-3767-2021-2-10-14.
  23. *Осавелюк А. М.* Конституционное право зарубежных стран : учебник. — М. : Юнити-Дана, 2010. — 511 с.
  24. *Смирнова С. А.* Судебно-экспертная деятельность в правоприменении: введение в магистерскую программу : учебник. — М. : Российский университет дружбы народов, 2017. — 523 с.
  25. *Страшун Б. А.* Социализм и демократия (социалистическое народное представительство). — М. : Проспект, 2015. — 216 с.
  26. *Стрекозов В. Г.* Конституционное право России : учебник для бакалавров. — М. : Юрайт, 2015. — 316 с.
  27. Территория в публичном праве / И. А. Алебастрова, И. А. Исаев, С. В. Нарутто [и др.]. — М. : Норма, Инфра-М, 2013. — 320 с.
  28. *Толмачева М. С.* Рассмотрение судами административных дел о принудительной госпитализации в психиатрический стационар // Судья. — 2019. — № 3. — С. 32–34. — DOI: 10.18572/2071-1166-2020-6-53-56.
  29. Формирование концептуальных основ механизма правового регулирования диагностики генома и геномного редактирования : монография / А. К. Бурцев, А. М. Осавелюк, С. Х. Сарманаев [и др.]. — М. : Юрист, 2020. — 250 с.
  30. *Фролов А. Л., Тынянкина А. А.* Война новой эпохи // Россия в глобальной политике. — 2021. — Т. 19. — № 2 (108). — С. 147–158.
  31. *Червонюк В. И.* Конституционное право России : учебное пособие. — М. : Термика, Инфра-М, 2004. — 432 с.
  32. *Alifu X., Wusuyin N., Yasen M.* Construction and Application of Virtual Simulation Platform for Medical Education Based on Big Data // Lecture Notes on Data Engineering and Communications Technologies. — 2022. — № 84. — P. 480–485.
  33. *Collard S., Fabre E.* Electronic voting in the French legislative elections of 2012 // Design, Development, and Use of Secure Electronic Voting Systems. — 2014. — P. 176–198. — DOI: 10.4018/978-1-4666-5820-2.ch009.

34. *Demidov V., Dolzhenkova E., Mokhorov D.* Legal Aspects of Artificial Intelligence Application in Artistic Activity // *Lecture Notes in Networks and Systems*. — 2022. — № 345. — P. 192–202. — DOI: 10.1007/978-3-030-89708-6_17.
35. *Desai Z., Lee A.* Technology and protest: The political effects of electronic voting in India // *Political Science Research and Methods*. — 2021. — № 9 (2). — P. 398–413. — DOI: 10.1017/psrm.2019.51.
36. *Farzaliyev V., Krips K., Willemson J.* Developing a personal voting machine for the Estonian internet voting system // *Proceedings of the ACM Symposium on Applied Computing*. — 2021. — P. 1607–1616. — DOI: 10.1145/3412841.3442034.
37. *Gascho D., Zoelch N., Sommer S.* 7-T MRI for brain virtual autopsy: a proof of concept in comparison to 3-T MRI and CT // *European Radiology Experimental*. — 2021. — № 5 (1). — P. 3. — DOI: 10.1186/s41747-020-00198-7.
38. *Issleib M., Kromer A., Pinnschmidt H. O.* Virtual reality as a teaching method for resuscitation training in undergraduate first year medical students: a randomized controlled trial // *Scandinavian Journal of Trauma, Resuscitation and Emergency Medicine*. — 2021. — № 29 (1). — P. 27. — DOI: 10.1186/s13049-021-00836-y.
39. *Londar S., Lytvynchuk A., Versal N.* Investment in human capital within the creative economy formation: Case of the Eastern and Central Europe countries [Inwestycje w kapitał ludzki jako element kształtowania gospodarki kreatywnej: Przypadek Europy Środkowo-Wschodniej] // *Comparative Economic Research*. — 2020. — № 23 (4). — P. 129–148. — DOI: 10.18778/1508-2008.23.31.
40. *Mikheev A. A., Krasnov A., Griffith R.* The interaction model within phygital environment as an implementation of the open innovation concept // *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. — 2021. — № 7 (2). — P. 114. — DOI: 10.3390/joitmc7020114.
41. *Miquel M., Puig J., Montoliu S.* Joint position statement of the Societat Catalana de Digestologia and the Societat Catalana de Radiologia on gastroenterologist-led ultrasound in Catalonia [Documento de posicionamiento de la Societat Catalana de Digestologia y la Societat Catalana de Radiologia: ecografía para especialistas en enfermedad digestiva en Catalunya: Documento de posicionamiento de la Societat Catalana Digestologia y la Societat] // *Gastroenterologia y Hepatologia*. — 2022. — № 45 (1). — P. 77–81. — DOI: 10.1016/j.gastrohep.2021.04.003.
42. *Naef A. C., Jeitziner M.-M., Gerber S. M.* Virtual reality stimulation to reduce the incidence of delirium in critically ill patients: study protocol for a randomized clinical trial // *Trials*. — 2021. — № 22 (1). — P. 174. — DOI: 10.1186/s13063-021-05090-2.
43. *Namasudra S., Deka G. C., Johri P.* The Revolution of Blockchain: State-of-the-Art and Research Challenges // *Archives of Computational Methods in Engineering*. — 2021. — № 28 (3). — P. 1497–1515. — DOI: 10.1007/s11831-020-09426-0.
44. *Ozdemir W., Willis M., Howell K.* Effects of online brand communities on millennials' brand loyalty in the fashion industry // *Psychology and Marketing*. — 2021. — № 38 (5). — P. 774–793. — DOI: 10.1002/mar.21466.
45. *Salvetti F., Gardner R., Minehart R., Bertagni B.* Digital Learning: Healthcare Training by Tele-Simulation and Online Cooperation // *Lecture Notes in Networks and Systems*. — 2022. — № 349. — P. 304–311. — DOI: 10.1007/978-3-030-90677-1_29.
46. *Shirokova E. S., Fedulin A. M.* On the Issue of Liability for Harm Caused by the Actions of Drones Using Artificial Intelligence // *Lecture Notes in Networks and Systems*. — 2022. — № 330. — P. 664–671. — DOI: 10.1007/978-3-030-87178-9_66.
47. *Sorokin A., Malkovsky S., Tsoy G.* Comparing the performance of general matrix multiplication routine on heterogeneous computing systems // *Journal of Parallel and Distributed Computing*. — 2022. — № 160. — P. 39–48. — DOI: 10.1016/j.jpdc.2021.10.002.
48. *Tubadji A., Angelis V., Nijkamp P.* Endogenous intangible resources and their place in the institutional hierarchy // *Review of Regional Research*. — 2016. — № 36 (1). — P. 1–28. — DOI: 10.1007/s10037-015-0097-5.
49. *Vidiasov E., Vidiasova L.* The digitalization of citizen participation in city governance: A study of citizen communication channels in St. Petersburg // *Zhurnal Issledovaniy Sotsial'noi Politiki*. — 2021. — № 19 (1). — P. 115–128.
50. *Zhang J.-X., Wang L., Hou H.-Y.* Age-related impairment of navigation and strategy in virtual star maze // *BMC Geriatrics*. — 2021. — № 21 (1). — P. 108. — DOI: 10.1186/s12877-021-02034-y.

Материал поступил в редакцию 8 апреля 2022 г.

REFERENCES

1. Avakyan SA. Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnyy kurs: ucheb. posobie: v 2 t. [Constitutional law of Russia: A coursebook. In 2 vols.]. Vol. 1. Moscow: Norma Publ.; 2010. (In Russ.).
2. Afonin IE, Makarenko SI, Petrov SV, Privalov AA. Analiz opyta boevogo primeneniya grupp bespilotnykh letatelnykh apparatov dlya porazheniya zenitno-raketnykh kompleksov sistemy protivovozdushnoy oborony v voennykh konfliktakh v Sirii, v Livii i v Nagornom Karabakhe [Analysis of combat experience as groups of unmanned aerial vehicles are used to defeat anti-aircraft missile means of the air defense system in Syria, Libya and Nagorno-Karabakh wars]. *Sistemy upravleniya, svyazi i bezopasnosti [Systems of Control, Communication and Security]*. 2020;4:163-191. DOI: 10.24411/2410-9916-2020-10406. (In Russ.).
3. Bagach IS. Spetsifika tsifrovyykh prav kak obektov grazhdanskikh prav [The specifics of digital rights as objects of civil rights]. In: Vasiliev SA, editor. *Sbornik nauchnykh statey po itogam II Sevastopolskogo yuridicheskogo foruma, proshedshego 27–28 sentyabrya 2019 goda na baze Yuridicheskogo instituta Sevastopolskogo gosudarstvennogo universiteta* [Collection of papers following the 2nd Sevastopol Legal Forum housed by the Law Institute, Sevastopol State University and held on September 27–28, 2019]. Moscow: Tsentrkatalog Publ.; 2020. Pp. 140–147. (In Russ.).
4. Baglay MV. Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnyy dlya vuzov [Constitutional law of the Russian Federation: A textbook for universities]. 3rd ed., rev. and suppl. Moscow: Norma Publ.; 2002. (In Russ.).
5. Bogdanov DV. Vliyaniye additivnykh tekhnologiy na opredeleniye modeli deliktnoy otvetstvennosti operatora onlayn-platfomy [The impact of additive technologies on determining the tort liability model of an online platform operator]. *Lex russica*. 2020;7(164):76-85. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.164.7.076-085. (In Russ.).
6. Bogdanov DV. Vliyaniye bioprintnykh tekhnologiy na razvitiye grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti [The impact of bioprinting technologies on the development of civil liability]. *Lex russica*. 2020;9(166):88-99. (In Russ.).
7. Burtsev AK, Osavelyuk AM, Sarmanaev SH, et al. Formirovaniye kontseptualnykh osnov mekhanizma pravovogo regulirovaniya diagnostiki genoma i genomnogo redaktirovaniya: monografiya [Formation of the conceptual foundations of the mechanism of legal regulation of genome diagnostics and genomic editing: A monograph]. Moscow: Yursit Publ.; 2020. (In Russ.).
8. Vasiliev DN, Nikolaev PD. Obzor problem regulirovaniya virtualnykh tsennostey [Overview of the Problems of Regulation of Virtual Values]. *Zakonnost i pravoporyadok v sovremennom obshchestve*. 2013;14:20-22. (In Russ.).
9. Vasiliev SA. Vzaimodeystvie subektov konstitutsionno-pravovykh otnosheniy [Interaction of subjects of constitutional and legal relations]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2017;1:20-23. (In Russ.).
10. Velikorodnaya TP, Sykeeva IN. Lozhnye i opasnye tsennosti virtualnogo mira [False and Dangerous Values of the Virtual World]. *Vestnik obrazovatel'nogo konsortsiuma Srednerusskiy universitet. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. 2019;14:6-7. (In Russ.).
11. Vereshchagin SG. Istoriya transformatsii robotov: ot pervykh mekhanicheskikh ustroystv do boevykh robotov s iskusstvennym intellektom. Pravovoe regulirovaniye ikh primeneniya v vooruzhennykh konfliktakh [The history of robot transformation: from the first mechanical devices to combat robots with artificial intelligence. Legal regulation of their use in armed conflicts]. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*. 2020;12(4):68-78. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/068-078. (In Russ.).
12. Gavra DP. PR-teksty v formirovanii imidzha rossiyskogo goroda: monografiya. [PR texts in the formation of the image of the Russian city: A monograph]. Ukhta: UGTU Publ.; 2019. (In Russ.).
13. Granberg AG, Kistanov VV, Adamescu AA. Gosudarstvenno-territorialnoe ustroystvo Rossii [The State Territorial Structure of Russia]. Moscow: DeKA Publ., 2003. (In Russ.).
14. Dedkov AG. Problemy territorial'nogo planirovaniya gorodov (na primere Moskvy) [Problems of Territorial Planning of Cities (Moscow Case Study)]. *Innovatsii i investitsii [Innovation & investment]*. 2020;5:217-220. (In Russ.).
15. Fadeev VI, editor. Institut gosudarstvennykh i munitsipalnykh uslug v sovremennom prave Rossiyskoy Federatsii: monografiya [Institute of state and municipal services in the modern law of the Russian Federation: A monograph]. Moscow: Norma Publ.; 2016. (In Russ.).

16. Isaenko VN. Otsenka i ispolzovanie prokurorom zaklyucheniy ekspertov v ugovnom sudoproizvodstve: nauchno-prakticheskoe posobie [Prosecutor's Evaluation and Use of Expert Opinions in Criminal Proceedings: A Scientific and Practical Guide]. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2017. (In Russ.).
17. Kiryukhin VV. O formirovaniy administrativno-pravovykh mer, napravlennykh na protivodeystvie deyatel'nosti v seti Internet, pobuzhdayushchey nesovershennoletnikh k suitsidalnomu povedeniyu [On the formation of administrative and legal measures aimed at countering activities on the Internet that encourage minors to suicidal behavior]. *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*. 2020;6:53-56. (In Russ.).
18. Kobzeva SV. Demokratizatsiya gosudarstvennogo upravleniya i elektronnoe pravitel'stvo [Democratization of Public Administration and E-Government]. *Informatsionnoe pravo [Information law]*. 2018;2:4-9. (In Russ.).
19. Fadeev VI. Konstitutsionnoe pravo: uchebnik dlya bakalavrov [Constitutional Law: A textbook for Bachelor degree students]. Moscow: Prospekt Publ.; 2012. (In Russ.).
20. Kutafin OE. Subekty konstitutsionnogo prava Rossiyskoy Federatsii kak yuridicheskie i priravnennyye k nim litsa: monografiya [Subjects of constitutional law of the Russian Federation as legal entities and persons equated to them: A monograph]. Moscow: Prospekt Publ.; 2007. (In Russ.).
21. Maksimova EA. Otsenka informatsionnoy bezopasnosti subekta kriticheskoy informatsionnoy infrastruktury pri destruktivnykh vozdeystviyakh: monografiya [Assessment of information security of the subject of critical information infrastructure under destructive influences: A monograph]. Volgograd: Volgograd State University Publ.; 2020. (In Russ.).
22. Malginov EA. Pravovoe regulirovanie otnosheniy v sfere sozdaniya i ekspluatatsii (ispolzovaniya) robototekhniki: kontury novoy otrasli prava [Legal regulation of relations in the field of creation and operation (use) of robotics: Contours of a new branch of law]. In: Vasiliev SA, editor. Sbornik nauchnykh statey po itogam II Sevastopolskogo yuridicheskogo foruma, proshedshego 27–28 sentyabrya 2019 goda na baze Yuridicheskogo instituta Sevastopolskogo gosudarstvennogo universiteta [Collection of papers following the 2nd Sevastopol Legal Forum housed by the Law Institute, Sevastopol State University and held on September 27–28, 2019]. Moscow: Tsentrkatalog Publ.; 2020. Pp. 69–72. (In Russ.).
23. Mikheeva TN. Ozhidaemoe i neozhidannoe: o nekotorykh konstitutsionnykh izmeneniyakh 2020 goda [Expected and unexpected: Some constitutional changes in 2020]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2021;2:10-14. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-2-10-14. (In Russ.).
24. Osavelyuk AM. Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran: uchebnik [Constitutional law of foreign countries: A textbook]. Moscow: Yunity-Dana Publ.; 2010. (In Russ.).
25. Smirnova SA. Sudebno-ekspertnaya deyatel'nost v pravoprimerenii: vvedenie v masterskuyu programmu: uchebnik [Forensic expert activity in law enforcement: Introduction to the Master's program. A textbook]. Moscow: Russian University of Friendship of Peoples Publ.; 2017. (In Russ.).
26. Strashun BA. Sotsializm i demokratiya (sotsialisticheskoe narodnoe predstavitel'stvo) [Socialism and Democracy (Socialist People's Representation)]. Moscow: Prospekt Publ.; 2015. (In Russ.).
27. Strekozov VG. Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnik dlya bakalavrov [Constitutional Law of Russia: A textbook for bachelors' degree students]. Moscow: Yurayt Publ.; 2015. (In Russ.).
28. Alebastrova IA, Isaev IA, Narutto SC, et al. Territoriya v publichnom prave [Territory in public law]. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2013. (In Russ.).
29. Tolmacheva MS. Rassmotrenie sudami administrativnykh del o prinuditel'noy gospitalizatsii v psikhiatricheskoy statsionar [Consideration by the courts of administrative cases on compulsory hospitalization in a psychiatric hospital]. *Sudya [Judge]*. 2019;3:32-34. DOI: 10.18572/2071-1166-2020-6-53-56. (In Russ.).
30. Frolov AL, Tynyankina AA. Voyna novoy epokhi [The war of the New Era]. *Rossiya v globalnoy politike [Russia in global politics]*. 2021;19(2(108)):147-158. (In Russ.).
31. Chervonyuk VI. Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnoe posobie [Constitutional Law of Russia: A textbook]. Moscow: Termika, Infra-M Publ.; 2004. (In Russ.).
32. Alifu X, Wusuyin N, Yasen M. Construction and Application of Virtual Simulation Platform for Medical Education Based on Big Data. *Lecture Notes on Data Engineering and Communications Technologies*. 2022;84:480-485.
33. Collard S, Fabre E. Electronic voting in the French legislative elections of 2012. *Design, Development, and Use of Secure Electronic Voting Systems*. 2014:176-198. DOI: 10.4018/978-1-4666-5820-2.ch009.
34. Demidov V, Dolzhenkova E, Mokhorov D. Legal Aspects of Artificial Intelligence Application in Artistic Activity. *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2022;345:192-202. DOI: 10.1007/978-3-030-89708-6_17.

35. Desai Z, Lee A. Technology and protest: The political effects of electronic voting in India. *Political Science Research and Methods*. 2021;9(2):398-413. DOI: 10.1017/psrm.2019.51.
36. Farzaliyev V, Krips K, Willemson J. Developing a personal voting machine for the Estonian internet voting system. *Proceedings of the ACM Symposium on Applied Computing*; 2021. Pp. 1607–1616. DOI: 10.1145/3412841.3442034.
37. Gascho D, Zoelch N, Sommer S. 7-T MRI for brain virtual autopsy: a proof of concept in comparison to 3-T MRI and CT. *European Radiology Experimental*. 2021;5(1):3. DOI: 10.1186/s41747-020-00198-7.
38. Issleib M, Kromer A, Pinnschmidt HO. Virtual reality as a teaching method for resuscitation training in undergraduate first year medical students: a randomized controlled trial. *Scandinavian Journal of Trauma, Resuscitation and Emergency Medicine*. 2021;29(1):27. DOI: 10.1186/s13049-021-00836-y.
39. Londar S, Lytvynchuk A, Versal N. Investment in human capital within the creative economy formation: Case of the Eastern and Central Europe countries. *Comparative Economic Research. Central and Eastern Europe*. 2020;23(4):129-148. DOI: 10.18778/1508-2008.23.31.
40. Mikheev AA, Krasnov A, Griffith R. The interaction model within phygital environment as an implementation of the open innovation concept. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2021;7(2):114. DOI: 10.3390/joitmc7020114.
41. Miquel M, Puig J, Montoliu S. Joint position statement of the Societat Catalana de Digestologia and the Societat Catalana de Radiologia on gastroenterologist-led ultrasound in Catalonia [Documento de posicionamiento de la Societat Catalana de Digestologia y la Societat Catalana de Radiologia: ecografía para especialistas en enfermedad digestiva en Catalunya: Documento de posicionamiento de la Societat Catalana Digestologia y la Societat]. *Gastroenterologia y Hepatologia*. 2022;45(1):77-81. DOI: 10.1016/j.gastrohep.2021.04.003. (In Sp.).
42. Naef AC, Jeitziner M-M, Gerber SM. Virtual reality stimulation to reduce the incidence of delirium in critically ill patients: study protocol for a randomized clinical trial. *Trials*. 2021;22(1):174. DOI: 10.1186/s13063-021-05090-2.
43. Namasudra S, Deka GC, Johri P. The Revolution of Blockchain: State-of-the-Art and Research Challenges. *Archives of Computational Methods in Engineering*. 2021;(3):1497-1515. DOI: 10.1007/s11831-020-09426-0.
44. Ozuem W, Willis M, Howell K. Effects of online brand communities on millennials' brand loyalty in the fashion industry. *Psychology and Marketing*. 2021;38(5):774-793. DOI: 10.1002/mar.21466.
45. Salvetti F, Gardner R, Minehart R, Bertagni B. Digital Learning: Healthcare Training by Tele-Simulation and Online Cooperation. *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2022;349:304-311. DOI: 10.1007/978-3-030-90677-1_29.
46. Shirokova ES, Fedulin AM. On the Issue of Liability for Harm Caused by the Actions of Drones Using Artificial Intelligence. *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2022;330:664-671. DOI: 10.1007/978-3-030-87178-9_66.
47. Sorokin A, Malkovsky S, Tsoy G. Comparing the performance of general matrix multiplication routine on heterogeneous computing systems. *Journal of Parallel and Distributed Computing*. 2022;160:39-48. DOI: 10.1016/j.jpdc.2021.10.002.
48. Tubadji A, Angelis V, Nijkamp P. Endogenous intangible resources and their place in the institutional hierarchy. *Review of Regional Research*. 2016;36(1):1-28. DOI: 10.1007/s10037-015-0097-5.
49. Vidiyasov E, Vidiyasova L. The digitalization of citizen participation in city governance: A study of citizen communication channels in St. Petersburg. *Zhurnal Issledovaniy Sotsial'noi Politiki*. 2021;19(1):115-128.
50. Zhang J-X, Wang L, Hou H-Y. Age-related impairment of navigation and strategy in virtual star maze. *BMC Geriatrics*. 2021;21(1):108. DOI: 10.1186/s12877-021-02034-y.

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.100-107

И. В. Малышева*

QR-код как новая правовая реальность

Аннотация. Развитие цифровых технологий привело к активному внедрению в правовую систему новых форм выражения юридических документов. QR-код и штрих-код за несколько десятилетий существования проявили свою уникальность и универсальность, равно как и удобство в отдельных сферах правоприменительной практики.

В условиях пандемии коронавируса государства были вынуждены ограничивать естественные права граждан в целях сдерживания распространения заболевания и ускорили внедрение QR-кодов в повседневную жизнь для контроля соблюдения установленных мер и удостоверения факта вакцинации, реализовав фактически социально-правовой эксперимент. Индуктивный метод исследования с анализом законопроекта о внедрении QR-кодов позволил выявить недостаточную теоретическую разработанность механизма внедрения цифровых новаций в правовую жизнь, что породило социальное напряжение и проявило проблемы обеспечения законности соответствующего механизма правового регулирования. Теоретико-правовой анализ с учетом практики использования в правовой жизни QR-кода в 2021 г. как инновации продемонстрировал необходимость, с одной стороны, укрепления фундаментальных основ правовой теории, а с другой — обеспечения целесообразности, конкретизации и обоснованности внедрения не столько QR-кода как новации в праве, сколько ограничительных мер как способа правового регулирования.

Безусловной остается проблема правовой и цифровой грамотности населения. Непонимание гражданами особенностей процесса использования QR-кодов на практике зачастую порождает и провоцирует повышенную конфликтность, что в современных условиях развивающегося цифрового общества и общедоступного информационного пространства способствует искусственному формированию агрессивного поля, которое в конечном итоге негативно влияет на правопорядок и соблюдение законности.

Ключевые слова: QR-код в правоприменении; ограничения в праве; фундаментальные основания и принципы права; QR-код как форма права; инновации в праве; право в цифровую эпоху; интернет-право; законность; культура восприятия QR-кода в российской правовой системе.

Для цитирования: Малышева И. В. QR-код как новая правовая реальность // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 7. — С. 100–107. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.100-107.

QR Code as a New Legal Reality

Inna V. Malysheva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Colonel of Internal Service, Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Law Faculty, University of the Federal Penitentiary Service of Russia

ul. Sapernaya, d. 34, Pushkin, Saint-Petersburg, Russia, 196602
inna1108@yandex.ru

Abstract. The development of digital technologies has led to the active introduction of new forms of expression of legal documents into the legal system. For several decades of their existence, QR-code and barcode have shown their uniqueness and versatility, as well as convenience in certain areas of law enforcement practice.

In the conditions of the coronavirus pandemic, states had to restrict natural rights in order to curb the spread of the disease and accelerated the introduction of QR codes into the everyday life of citizens to control the established measures and certify the fact of vaccination, having actually implemented a socio-legal experiment.

© Малышева И. В., 2022

* Малышева Инна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, полковник внутренней службы, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Университета ФСИН России Саперная ул., д. 34, г. Пушкин, г. Санкт-Петербург, Россия, 196602
inna1108@yandex.ru

The inductive method of research with the analysis of the draft law on the introduction of QR codes revealed insufficient theoretical elaboration of the mechanism for introducing digital innovations into legal life. This is fact generated social tension and revealed problems of ensuring the legality of the relevant mechanism of legal regulation. Given the application of a QR code as an innovation in legal life in 2021, theoretical and legal analysis demonstrated the need to strengthen the fundamental foundations of legal theory. On the other hand, it showed the necessity to ensure the expediency, concretization and validity of the introduction of not a QR code per se, but rather of restrictive measures as a method of legal regulation.

The problem of legal and digital literacy of the population remains unconditional. Citizens' misunderstanding of the specifics of the process of using QR codes in practice often generates and provokes increased conflicts, which in modern conditions of a developing digital society and a publicly accessible information space contributes to the artificial formation of an aggressive field, which ultimately affects the rule of law and legality.

Keywords: QR code in law enforcement; restrictions in law; fundamental foundations and principles of law; QR code as a form of law; innovations in law; law in the digital age; Internet law; legality; culture of perception of QR code in the Russian legal system.

Cite as: Malysheva IV. QR-kod kak novaya pravovaya realnost [QR Code as a New Legal Reality]. *Lex russica*. 2022;75(7):100-107. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.100-107. (In Russ., abstract in Eng.).

Было бы неверным сказать, что QR-коды, штрих-коды в правовую жизнь вторглись неожиданно. В правоприменительной практике они используются в разных сферах жизни общества уже более десяти лет. Однако стоит заметить, что пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) в 2020 г. активизировала внедрение разнообразных цифровых понятий, явлений, технологий во все сферы жизни. Термины «дистант», «цифра», «QR-код», «штрих-код» и др. стали широко применяться. QR-код приобрел самостоятельное значение с введением сертификатов о вакцинировании. Однако понимание и использование терминов, как и самих цифровых технологий, до сих пор осуществляется ситуативно. Исследовательский интерес к этой актуальной теме очевиден, равно как и сложность изучения этих явлений, поскольку они требуют внимания разных научных направлений.

Цифровое пространство — реальность XXI в. Прежде всего внедрению компьютерных и цифровых технологий подверглась экономическая сфера, что вполне логично. Это позволило ускорить и рационализировать промышленно-производственный сектор, отношения в сфере торговли, экономику в целом. Стоит отметить, что правовые системы поддались влиянию цифровых технологий сравнительно недавно, произошло это под воздействием «глобальной электронной экономики»¹. Хотя справедливости ради следует подчеркнуть, что справочно-

правовые системы, такие как «Консультант-Плюс», «Гарант» и др., успешно существуют уже несколько десятилетий: негосударственные справочно-правовые системы появились в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. в результате реформирования законодательства². Однако то влияние, связанное с внедрением разного рода цифровых технологий, которое оказала на правовую систему пандемия коронавируса, нельзя недооценивать.

Вместе с тем отсутствие в сфере правового регулирования четкости понимания сущности общественных отношений в цифровом пространстве, последовательности, конкретизации субъектов реализации цифровых прав и обязанностей, установленной правовой терминологии «делает отечественное законодательство беззащитным перед стремительно развивающимся интернет-правом»³ и теми новациями, которые вторгаются в правовое пространство. Одной из новаций выступает QR-код. В таких реалиях требуется новое видение существования права, его форм и особенностей его реализации. По нашему убеждению, сегодня именно отсутствие теоретических исследований влияния цифрового пространства на право и новых для права явлений, в том числе QR-кода, не позволяет широко и эффективно использовать их в правовой практике.

Правовая система, как и иные системы, старается в оперативном режиме адаптироваться

¹ Васильев А. А., Ибрагимов Ж. И., Насыров Р. В., Васев И. Н. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах // Юрислингвистика. 2019. № 11. С. 15.

² Шульгина Е. А., Ястребова Е. А. Справочные правовые системы как источник информации о новостях законодательства // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2018. № 6. С. 114.

³ Васильев А. А., Ибрагимов Ж. И., Насыров Р. В., Васев И. Н. Указ. соч. С. 15.

к новым условиям существования общественных отношений. Предвидеть, предполагать развитие событий сегодня достаточно сложно. Именно в этих условиях в правовой жизни явно проявились две значимые тенденции:

1. Фундаментальные основания существования общества, государства и права показали свое постоянство. К слову сказать, быстро меняющееся право в своих принципиальных основаниях осталось неизменным. Основопологающие положения, как и принципы отдельных отраслей права, сохранились, базовые начала не пошатнулись. Можно сказать, что они были проверены на устойчивость, хотя система права в целом и подверглась изменениям. Укрепление научных специальностей в юриспруденции, произошедшее в начале 2021 г.⁴, о необходимости которого высказывались в разное время исследователи⁵, на наш взгляд, подтверждает фундаментальность оснований правовой науки. Тем не менее жизнь вносит свои коррективы. Теоретико-правовой неопределенностью сегодня обладают такие понятия, как «цифровое право», «интернет-право» и др. Ряд исследователей полагают, что цифровое право занимает в системе права особое место, для уяснения которого требуется определить специальные предмет и метод правового регулирования. Другие пытаются изучить систему законодательства и найти в ней соответствующую отрасль⁶. Представляется, что цифровое право можно рассматривать и как исключительную, современную форму права. Очевидно одно: при изучении новаций должны быть выработаны некие новые, обоснованные, объективные закономерности, однако они не должны разрушить существующие фундаментальные принципы, на которых построены право, общество и государство, то

есть цифровое право должно гармонично вписываться в существующую правовую теорию с уже сложившимися принципиальными основами и началами.

2. Правовая система не может игнорировать новые по сути явления. Развитие информационного общества, использование искусственного интеллекта, компьютеризация и цифровизация правового пространства — результат естественного развития общества, который не получится обойти вниманием. Электронный нормативный правовой акт сегодня рассматривается не как дублирующий нормативный правовой акт на бумажном носителе, а как совершенно самостоятельный акт⁷. Цифровое право, правовые нормы в форме технического кода, QR-коды и штрих-коды в правовом пространстве — это уже существующая реальность, которая требует осмысления и, что естественно, законодательного закрепления. Однако для внедрения подобных явлений повсеместно необходимо осознавать разницу в восприятии текстовых и цифровых документов человеком и компьютером; «весьма важно, чтобы описание свойств объектов, связей и процессов, подлежащих цифровизации, было машиночитаемым (machine-readable), а «доцифровой» (аналоговый) образ таковых укладывался в парадигму IT для последующего преобразования этого образа в цифровую форму»⁸, а эта задача не из легких.

В связи с необходимостью оперативного внедрения QR-кодов во второй половине 2021 г., связанной с распространением коронавирусной инфекции, подмечено следующее: — QR-код обладает существенными преимуществами в условиях информационного общества и формирующегося цифрового государства. Фактически это своего рода новая

⁴ Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 24.02.2021 № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10.11.2017 № 1093» (зарегистрирован 06.04.2021 № 62998) // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104060043> (дата обращения: 30.03.2022).

⁵ См., например: *Фатьянов А. А.* Основные отрасли права, комплексные отрасли права и проблемы аттестации научных кадров // Журнал российского права. 2017. № 11. С. 133–144; *Грачёва Е. Ю., Власенко Н. А.* Конкурентное право и Номенклатура специальностей научных работников по юридическим наукам // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 142–148.

⁶ *Васильев А. А., Ибрагимов Ж. И., Насыров Р. В., Васев И. Н.* Указ. соч. С. 16–17.

⁷ *Липень С. В.* Трансформация теории систематизации законодательства в эпоху цифровизации права // Lex russica. 2022. № 2. С. 140.

⁸ *Гаврилов С. Н.* Реализация процессного подхода к качеству квалифицированной юридической помощи в условиях цифровизации // Lex russica. 2022. № 2. С. 110.

форма, аналог юридического документа. QR-код «представляет собой набор черных квадратов, упорядоченных на квадратной сетке на белом фоне, и приспособлен для быстрого считывания и распознавания информации с помощью фотокамер. Им можно зашифровывать в удобном для чтения машиной формате различную информацию. Формат QR-кодов был разработан в 1994 г. японской компанией Denso Wave»⁹. При этом, вероятно, закодировать можно достаточно большой объем информации, и это не слишком затратная по времени процедура. Стоит отметить, что расширение сферы использования электронных сервисов и цифровых технологий меняет качественно жизнь населения. М. В. Васильева и В. А. Будасова высказали предположение, что «в течение 3–5 лет в РФ практически изменятся формы и методы оказания государственных и иных услуг»¹⁰. Сроки достаточно относительные, спорные, очевидно одно: в современном регулировании общественных отношений государство будет использовать все возможные новые технологии, в том числе экспериментально;

- государство не стремится как можно быстрее придать такому новому явлению, как QR-код, правовое содержание с помощью законодательных актов, что представляется вполне оправданным и верным: несмотря на быстро меняющуюся реальность, важными в правотворчестве остаются принципы обоснованности, научного характера, целесообразности. Это еще раз подтверждает высказанное выше положение о фундаментализме и устойчивости принципов права. Следует понимать при этом, что внедрение

новых технологий как элемента механизма правового регулирования порождает разного рода риски, в таких условиях именно государство должно выступать «гарантом роста качества жизни населения»¹¹;

- в правоприменительной практике QR-коды, штрих-коды успешно применяются более 10 лет, что говорит об их действенности и эффективности. Федеральная налоговая служба с 1 июля 2017 г. обязала бизнес использовать онлайн-кассы для защиты прав потребителей и предоставления возможности получать информацию о товаре и его производителе через программу, считывающую QR-код чека покупки¹². С 1 марта 2011 г. действует водительское удостоверение со штрих-кодом, форма которого утверждена приказом МВД РФ от 13.05.2009 № 365 «О введении в действие водительского удостоверения»¹³. Предполагается возможной быстрая проверка сотрудником ГИБДД водителя и транспортного средства на предмет соответствия требованиям законодательства, законности передвижения и иных аспектов с целью обеспечения безопасности дорожного движения, осуществляемая с помощью штрих-кода водительского удостоверения. И такая система, вероятно, будет реализована, но пока это только планируемое будущее. Тем не менее стоит упомянуть о внедрении с 9 сентября 2021 г. тестового режима предъявления свидетельства о праве собственности на транспортное средство в форме QR-кода, сформированного на сайте «Госуслуги», при этом наличие цифрового документа не освобождает водителя от предъявления бумажного оригинала по требованию сотрудника¹⁴.

⁹ История использования QR-кодов во время пандемии коронавируса // URL: <https://tass.ru/info/12909751> (дата обращения: 04.03.2022); *Игнатенко В. А.* QR-коды: барьер для пандемии или механизм контроля (философско-правовой аспект) // *Современные технологии в юриспруденции: применение специальных познаний* : материалы Региональной (межвузовской) научно-практической конференции (Красноярск, 18 ноября 2021 г.). Красноярск, 2021. С. 63.

¹⁰ *Васильева М. В., Будасова В. А.* Перспективные направления оценки качества государственных услуг, реализуемых в электронной форме // *Интеллект. Инновации. Инвестиции.* 2021. № 6. С. 26.

¹¹ *Васильева М. В., Будасова В. А.* Указ. соч. С. 26.

¹² Чек с QR-кодом можно проверить онлайн // Официальный сайт Федеральной налоговой службы. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn60/news/tax_doc_news/7031392/ (дата обращения: 31.01.2022).

¹³ Приказ зарегистрирован в Минюсте РФ 10 июля 2009 г. № 14302 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ *Горовцова М.* СТС можно предъявлять инспектору ГИБДД в электронном виде // URL: <https://www.garant.ru/news/1483741/> (дата обращения: 31.01.2022); *Распопова А. В.* ГИБДД начали проверять QR-коды вместо бумажных документов // *Autonews* : профильный проект РБК («РосБизнесКонсалтинг»). 09.09.2021. URL: <https://www.autonews.ru/news/61399f209a7947bf70f013e9> (дата обращения: 31.01.2022).

Кроме сказанного, важно обратить внимание на то, что разного рода декларации (налоговые, декларации государственных служащих о доходах и иные) сегодня сложно представить в обычном текстовом варианте без штрих-кодов и QR-кодов.

Особую актуальность в правовом пространстве QR-код приобрел в середине 2021 г. в связи с вакцинированием против коронавируса. Вакцинирование в Российской Федерации осуществляется на добровольных началах¹⁵, гражданин самостоятельно принимает решение о вакцинировании. Однако ситуация с COVID-19 несколько изменила отношение к вакцинированию как граждан, так и государств. Многие государства проявили настойчивость при вакцинировании населения, подключив социальную рекламу и введя некие ограничения по доступу в места общего пользования (скопления людей). В России возможность обязательного вакцинирования в условиях действующих законов недопустима. Считаем важным обратить внимание и на то, что подобная ситуация сложилась в мире в целом.

При вакцинировании населения многие государства, включая Российскую Федерацию, использовали возможности цифрового пространства в связи с приобретением гражданами документов о вакцинировании в виде QR-кодов. Первым государством, которое использовало QR-коды в условиях пандемии COVID-19 при посещении общественных мест, был Китай, который применил эту технологию уже в январе 2020 г. для получения информации «о контактах человека с установленными носителями

коронавируса, посещениях очагов заболевания или нарушениях условий карантина». В апреле — мае 2020 г. в качестве пропусков в учреждения и разрешений разного рода, например прогулок на улице, QR-коды стали использовать во Франции и других государствах Евросоюза, позже «паспорта вакцинированных» были применены в Израиле, Австралии и других государствах¹⁶.

В России QR-коды «для контроля за режимом самоизоляции» начали вводить в апреле 2020 года» в качестве своеобразных цифровых пропусков для проезда в транспорте, посещения учреждений и др. Такие режимы применялись в крупных городах, прежде всего в Москве и Санкт-Петербурге, отменены они были в начале лета 2020 г.¹⁷

QR-коды о вакцинации начали действовать в России в конце июня 2021 г. сначала в крупных городах, но осенью того же года, в связи с ухудшившейся эпидемиологической ситуацией, QR-коды были введены повсеместно: «9 ноября глава Роспотребнадзора Анна Попова сообщила, что QR-коды для пользования теми или иными услугами введены в 77 субъектах Российской Федерации»¹⁸. Это вызвало волну протестов среди населения¹⁹, коллективные иски против введения QR-кодов были поданы в суды Томской области, Свердловской и Курганской областей, Алтайского и Забайкальского краев²⁰. Спорной видится прежде всего законность введения ограничительных мер властями субъектов РФ, юристы и сегодня не могут однозначно ответить на вопрос о законности введения ограничительных мер региональными

¹⁵ Ст. 20 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. на 30.12.2021) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

¹⁶ Заключение Общественной палаты Российской Федерации по итогам общественной экспертизы «нулевого чтения» проектов федеральных законов № 17357-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения”», № 17358-8 «О внесении изменений в статью 107 Воздушного кодекса Российской Федерации и Федеральный закон “Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации”» // Официальный сайт Общественной палаты Ульяновской области. URL: <https://cloud.oprf.ru/s/Z2o5Nk3oK5mrEte> (дата обращения: 05.03.2022). С. 6–7. ; История использования QR-кодов во время пандемии коронавируса // URL: <https://tass.ru/info/12909751> (дата обращения: 04.03.2022).

¹⁷ История использования QR-кодов во время пандемии коронавируса.

¹⁸ История использования QR-кодов во время пандемии коронавируса.

¹⁹ Социологи фиксируют рост протестных настроений в стране в связи с QR-кодами // Новые известия. 26.11.2021. URL: <https://newizv.ru/news/society/26-11-2021/sotsiologi-fiksiryuyut-rost-protestnyh-nastroeniy-v-strane-v-svyazi-s-qr-kodami> (дата обращения: 04.03.2022).

²⁰ Шмидт А. «Шансов у заявителей нет». Почему в регионах хотят судиться из-за QR-кодов // Газета.ru. 13.11.2021. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/11/12/14197627.shtml> (дата обращения: 24.03.2022).

властями в особых условиях²¹: ч. 3 ст. 55 Конституции РФ устанавливает, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом...», а на основании пп. «у» и «ф» п. 1 ст. 11 Федерального закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»²² (указанные нормы приняты в апреле 2020 г.) власти субъектов получили «право устанавливать обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации». Тем не менее полагаем, что при буквальном толковании указанной выше нормы Конституции РФ ограничения могут быть введены только федеральным законом. Но если этот факт спорный и в сложившихся условиях может иметь законное обоснование, то правоприменительная практика по наделению частных охранных организаций правом реализации ограничительных мер, как это было реализовано на всей территории Российской Федерации, фактически не позволяет говорить о законных основаниях наделения такого рода полномочиями работников негосударственных охранных организаций. Кроме того, в науке уже высказывается мнение, что введение подобных мер имеет преимущественную цель — контроль населения (А. К. Черненко, В. А. Игнатенко)²³, что тоже небезосновательно.

Стоит также указать на тот факт, что в декабре 2021 г. была предпринята попытка законодательного закрепления федеральным законом возможности использования QR-ко-

дов о прививке²⁴: законопроект № 17357-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения”» предполагал, что начиная с 1 февраля 2022 г. и до 1 июня 2022 г. в регионах, где введены антиковидные меры, совершеннолетние смогут посещать места проведения массовых мероприятий, культурные учреждения, объекты общественного питания и розничной торговли только при предъявлении удостоверения личности и документа о вакцинации в виде QR-кода, медотводе от нее или перенесенном коронавирусе²⁵. Однако данный законопроект, пройдя общественную экспертизу («нулевое чтение») в Общественной палате РФ, 26 декабря 2021 г. был отправлен на доработку. Важнейшие аргументы членов Общественной палаты РФ таковы: «наличие в обществе широких групп, для которых по причинам мировоззренческого характера использование двухмерных штриховых кодов даже в контексте санитарно-противоэпидемических мероприятий является неприемлемым», «спекуляции в информационном поле, попытки манипуляции общественным сознанием»²⁶. Таким образом, основными проблемами являются низкий уровень правовой и информационной грамотности населения и небезопасное информационное пространство. Это вполне реальные проблемы, которые можно решить при помощи развития правового образования населения и постепенного внедрения информационных технологий в сферу правового регулирования. Однако более значимым видится разработка механизма правового регулирова-

²¹ См., например: *Игнатенко В. А.* Указ. соч. С. 62–66; Адвокат объяснил с юридической точки зрения, имеют ли право региональные власти вводить QR-коды // *Lifedd* : федеральный социальный проект поддержки населения. 17.01.2022. URL: <https://lifedd.ru/news/novosti-segodnya/advokat-obyasnil-s-yuridicheskoy-tochki-zreniya-imeyut-li-pravo-regionalnye-vlasti-vvodit-qr-kody/> (дата обращения: 04.03.2022).

²² СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.

²³ *Игнатенко В. А.* Указ. соч.

²⁴ Законопроекты об использовании QR-кодов в общественных местах и на транспорте внесены в Госдуму // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/docs/43789/> (дата обращения: 04.03.2022).

²⁵ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_179580/cf58e7dc659558bb0ab2d08a6ae68e6831ed02c1/ (дата обращения: 04.03.2022).

²⁶ Заключение Общественной палаты РФ по итогам общественной экспертизы «нулевого чтения» проектов федеральных законов № 17357-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения”», № 17358-8 «О внесении изменений в статью 107 Воздушного кодекса Российской Федерации и Федеральный закон “Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации”» // Официальный сайт «Парламентской газеты». 09.12.2021. С. 3, 4. URL: <https://cloud.oprf.ru/s/Z2o5Nk3oK5mrEte> (дата обращения: 05.03.2022).

ния при введении QR-кодов. Видится, что не сами закодированные документы представляются неясными для граждан в правоприменительной практике, а механизм их реализации, о чем говорилось выше: законность вводимых мер и наделение ограничительными полномочиями государственных служащих. При реализации последних двух условий, возможно, и реакция общественности была бы иной. Но сам факт реагирования граждан, обращения с законными требованиями говорит о том, что в России демократические институты достаточно развиты, как и гражданское общество.

В качестве заключительных положений можно отметить следующее:

1. Значение сохранения фундаментальных основ правовой системы становится более

очевидным в современных условиях активного развития цифровых технологий, внедрения новых форм и способов регулирования общественных отношений.

2. В обществе необходимо формировать культуру использования новых форм правовых документов. Очевидно, что QR-коды, штрих-коды как элементы и самостоятельные формы правовых документов получают свое развитие в ближайшее время. Для их эффективного внедрения от правовой теории требуется осмысление и научное обоснование исследуемых новаций, а от государства — создание целесообразного, обоснованного и поэтапно продуманного механизма правового регулирования при установлении ограничительных мер для населения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Васильев А. А., Ибрагимов Ж. И., Насыров Р. В., Васев И. Н. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах // Юрислингвистика. — 2019. — № 11. — С. 15–18.
2. Васильева М. В., Будасова В. А. Перспективные направления оценки качества государственных услуг, реализуемых в электронной форме // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2021. — № 6. — С. 24–36.
3. Гаврилов С. Н. Реализация процессного подхода к качеству квалифицированной юридической помощи в условиях цифровизации // Lex russica. — 2022. — № 2. — С. 108–120.
4. Игнатенко В. А. QR-коды: барьер для пандемии или механизм контроля (философско-правовой аспект) // Современные технологии в юриспруденции: применение специальных познаний : материалы Региональной (межвузовской) научно-практической конференции (Красноярск, 18 ноября 2021 г.). — Красноярск : Красноярский аграрный университет, 2021. — С. 62–69.
5. Липень С. В. Трансформация теории систематизации законодательства в эпоху цифровизации права // Lex russica. — 2022. — № 2. — С. 132–147.
6. Шульгина Е. А., Ястребова Е. А. Справочные правовые системы как источник информации о новостях законодательства // Вестник Московского университета. — Серия 11 «Право». — 2018. — № 6. — С. 113–126.

Материал поступил в редакцию 1 апреля 2022 г.

REFERENCES

1. Vasiliev AA, Ibragimov Zhl, Nasyrov RV, Vasev IN. Termin «tsifrovoe pravo» v doktrine i pravovykh tekstakh [The term «digital law» in doctrine and legal texts]. *Yurislingvistika*. 2019;11:15-18. (In Russ.).
2. Vasilyeva MV, Budasova VA. Perspektivnye napravleniya otsenki kachestva gosudarstvennykh uslug, realizuemykh v elektronnoy forme [Promising areas for assessing the quality of public services implemented in electronic form]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii [Intelligence. Innovations. Investment]*. 2021;6:24-36. (In Russ.).
3. Gavrillov SN. Realizatsiya protsessnogo podkhoda k kachestvu kvalifitsirovannoy yuridicheskoy pomoshchi v usloviyakh tsifrovizatsii [Implementation of a process approach to the quality of expert legal assistance in the face of digitalization]. *Lex Russica*. 2022;(2):108-120. (In Russ.).

4. Ignatenko VA. QR-kody: barer dlya pandemii ili mekhanizm kontrolya (filosofsko-pravovoy aspekt) [QR codes: A barrier to a pandemic or a control mechanism (philosophical and legal aspect)]. *Sovremennye tekhnologii v yurisprudentsii: primenenie spetsialnykh poznaniy: materialy regionalnoy (mezhvuzovskoy) nauchno-prakticheskoy konferentsii, Krasnoyarsk, 18 noyabrya 2021 g.* [Modern technologies in jurisprudence: application of special knowledge: Proceedings of the regional (interuniversity) scientific and practical conference, Krasnoyarsk, November 18, 2021]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Agrarian University Publ.; 2021. Pp. 62–69. (In Russ.).
5. Lipen SV. Transformatsiya teorii sistematizatsii zakonodatelstva v epokhu tsifrovizatsii prava [Transformation of the theory of systematization of legislation in the era of digitalization of law]. *Lex russica*. 2022;2:132-147. (In Russ.).
6. Shulgina EA, Yastrebova EA. Spravochnye pravovye sistemy kak istochnik informatsii o novostyakh zakonodatelstva [Reference legal systems as a source of information about legislative news]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo*. 2018; 6:113-126. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.108-119

Н. В. Панкевич*,
В. В. Руденко**

QR-коды в системе ограничительных мер в период противодействия распространению коронавируса в России: проблемы и перспективы использования¹

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы внедрения технически емких решений в целях регулирования общественных отношений на примере применения технологии QR-кода в период пандемии новой коронавирусной инфекции. Использование данной технологии стало причиной нарастания конфликтного потенциала в российском обществе, протестных акций, повышенной петиционной активности, обращений к судебной процедуре разрешения конфликта, что позволяет вновь открыть для дискуссии вопросы о легитимности принимаемых мер правового характера, их пропорциональности и соразмерности специфике общественной проблемы. В рамках статьи проблема внедрения технологии QR-кодирования как триггер общественной напряженности рассматривается в контексте проблем доверия в рамках коммуникации между регулятором и общественностью; социального неравенства и социального исключения; распределения силовых полномочий в социальной системе; распределения компетенций между органами государственного и общественного управления. Анализ данных аспектов общественных отношений позволил выявить ряд неучтенных дефектов в механизме внедрения наукоемкой технологии. В частности, показано, что в условиях кризиса доверия в коммуникации между государственными органами, социальными институтами и населением внедрение технически емких решений становится фактором дискредитации крупных направлений государственной политики. В рассматриваемом случае компрометируются цели вакцинации как защиты населения от эпидемической угрозы. Использование наукоемких технологий проблематизирует вопрос о локализации принудительной власти и силовых ресурсов, которые нормативно являются государственной монополией, а также вносит вклад в процессы формирования новых социальных расколов и появления дискриминируемых групп. Наконец, применение QR-кодов ставит вопрос о целостности правового пространства государственной системы и требует решений в области разграничения властных полномочий между органами государственной власти. Неучтенные проблемные моменты являются решающими факторами, которые способствуют принятию общественностью новых методов регулирования, что сохраняет актуальность проблемы поиска необходимых правовых регуляторов.

Ключевые слова: QR-коды; наукоемкие технологии; противодействие распространению коронавирусной инфекции; режим повышенной готовности; пропорциональность ограничения прав человека; доверие населения к власти; разграничение полномочий между органами РФ и субъектов РФ.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60337.

© Панкевич Н. В., Руденко В. В., 2022

* *Панкевич Наталья Владимировна*, кандидат политологических наук, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук
ул. С. Ковалевской, д. 16, г. Екатеринбург, Россия, 620108,
n.pankevich@yandex.ru

** *Руденко Валентина Викторовна*, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук
ул. С. Ковалевской, д. 16, г. Екатеринбург, Россия, 620108
emikh.valentina@gmail.com

Для цитирования: Панкевич Н. В., Руденко В. В. QR-коды в системе ограничительных мер в период противодействия распространению коронавируса в России: проблемы и перспективы использования // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 7. — С. 108–119. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.108-119.

QR Codes in the System of Restrictive Measures in the midst of Countering the Coronavirus Spread in Russia: Problems and Prospects of Use²

Natalya V. Pankevich, Cand. Sci. (Politics), Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
ul. S. Kovalevskoy, d. 16, Ekaterinburg, Russia, 620108
n.pankevich@yandex.ru

Valentina V. Rudenko, Cand. Sci. (Law), Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
ul. S. Kovalevskoy, d. 16, Ekaterinburg, Russia, 620108
emikh.valentina@gmail.com

Abstract. The paper discusses the problems of implementing technically capacious solutions in order to regulate public relations based on the case of QR-code technology application during the pandemic of a new coronavirus infection. The use of this technology has caused an increase in conflict potential in Russian society, the cause of protest actions, increased petition activity, appeals to the judicial procedure for resolving the conflict, which also allows us to restart discussions about the legitimacy, proportionality and balance of the legal measures taken to the specifics of the social problem. The paper considers the problem of the introduction of QR-coding technology as a trigger of social tension in the context of trust issues in the framework of communication between the regulator and the public; social inequality and social exclusion; distribution of power powers in the social system; distribution of competencies for regulating the problem between state and public administration bodies. The analysis of these aspects of public relations reveals a number of unaccounted for defects in the introduction of high-tech technology. In particular, the authors show that in the context of a crisis of trust in communication between government agencies, social institutions and the population, the introduction of technically capacious solutions becomes a factor in discrediting major areas of state policy. In this case, the goals of vaccination as protection of the population from the epidemic threat are compromised. The use of high-tech technologies problematizes the issue of localization of coercive power and power resources, which are legally a state monopoly, and contributes to the formation of new social splits and the emergence of discriminated groups. Finally, the use of QR codes raises the question of the integrity of the legal space of the state system and requires solutions in the field of separation of powers between public authorities. The problematic aspects not taken into account during the implementation make a decisive contribution to the adoption of new regulatory methods by the public, which keeps the search for the necessary legal regulators relevant.

Keywords: QR codes; high-tech technologies; countering the spread of coronavirus infection; high-alert mode; proportionality of restrictions on human rights; public confidence in the authorities; separation of powers between the bodies of the Russian Federation and the constituent entities of the Russian Federation.

Cite as: Pankevich NV, Rudenko VV. QR-kody v sisteme ogranichitelnykh mer v period protivodeystviya rasprostraneniyu koronavirusa v Rossii: problemy i perspektivy ispolzovaniya [QR Codes in the System of Restrictive Measures in the midst of Countering the Coronavirus Spread in Russia: Problems and Prospects of Use]. *Lex russica*. 2022;75(7):108-119. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.108-119. (In Russ., abstract in Eng.).

Обеспечение пропорциональности и соразмерности мер регулирования специфике общественной проблемы, которую они призваны решить, является одним из ключевых факторов принятия обществом юридической нормы в качестве социального регулятора.

С точки зрения экономического анализа правовая норма, особенно ограничительного характера, также должна отличаться компактностью и адресностью, чтобы в наименьшей степени травмировать рутинное протекание общественной жизни. Именно эти качества обеспечивают

² The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 20-04-60337.

легитимность нормы и готовность общества к осуществлению кооперативных стратегий, подерживающих ее действенность.

Ситуация пандемии позволяет рассмотреть данную проблему применительно к тем организационным и правовым мерам, которые были призваны обеспечить решение главной задачи этого направления — достижения коллективного иммунитета методами массовой вакцинации.

Следует отметить, что на момент написания статьи Россия по-прежнему демонстрирует достаточно умеренный прогресс в охвате населения вакцинацией от коронавирусной инфекции и находится в средней части мирового рейтинга: по данным ВОЗ, Россия занимает 101-е место с охватом 54,8 % населения; по данным, агрегированным «Яндекс», — 102-е место с показателем охвата в 49,7 % населения страны³, что в обоих случаях ниже среднемирового уровня⁴. Причем по показателю охвата населения вакцинацией Россию опережают как высокоразвитые страны, так и те, которые обычно относят к развивающемуся миру.

Этот факт позволяет снять с обсуждения целый ряд факторов, которые традиционно считаются объясняющими причины неудач бедных стран в достижении крупных социальных целей. Несмотря на дефицит вакцин, неравный доступ к вакцинации, сложности в доставке вакцины населению в отдаленных и труднодоступных районах, недостаточный уровень образования граждан и специфику местных верований, развивающиеся страны демонстрируют успехи в охвате населения⁵. Это позволяет предположить, что отнюдь не экономические и географические условия, не недоступность вакцины или численность населения определяют успех деятельности в данном направлении, но прежде всего качество социальных институтов и правовых механизмов⁶, призванных обеспечить сотру-

дество населения с регулирующими органами в реализации общей публично заявленной цели.

Ситуация пандемии становится, таким образом, показательным эмпирическим объектом, проясняющим проблемные моменты в коммуникации общества и государства по поводу норм, регулирующих поведение людей в стрессовой ситуации. Для России, страны, которая стала первой в мире обладательницей собственной вакцины и в очень скором времени — целой линейки вакцин, где вакцинация не сопровождалась ранжированием населения по приоритетным группам и практически сразу приняла массовый характер, а перебои в поставках вакцины были весьма ситуативными и фиксировались в основном на начальном этапе борьбы с эпидемией, подобные проблемы нехарактерны. Тем не менее охват населения оказывается достаточно умеренным, что дает основание обратиться к анализу эффективности собственно механизмов, регулирующих процессы вакцинации.

На этом пути поле для маневра у регулирующих инстанций не слишком велико, поскольку единственным механизмом контроля над развитием эпидемического процесса является разрыв цепочек передачи возбудителя заболевания, что предполагает комбинацию мер по обеспечению социального дистанцирования, таких как карантин, самоизоляция, формирование режимов дистанционного участия в трудовой, учебной, досуговой деятельности и усилий по иммунизации населения. При этом задача стимулирования населения к участию в программе вакцинации от ранее неизвестной болезни при помощи инновационного препарата без истории успешного применения существенно осложняется проблемой доверия к таким важным общественным институтам, как наука и наукоемкие технологии и продукты⁷, что особенно заметно в области внедрения цифровых

³ URL: <https://yandex.ru/covid19/stat> (дата обращения: 04.04.2022).

⁴ URL: <https://covid19.who.int/table> (дата обращения: 04.04.2022).

⁵ World Bank. COVID-19 Vaccines: From rejection to Shortage. 07.09.2021 // URL: <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2021/09/07/covid-19-vaccines-from-rejection-to-shortage-how-c-te-d-ivoire-became-a-model-for-managing-vaccine-hesitancy> (дата обращения: 05.04.2022) ; *Ellyatt H.* India is the home of the world's biggest producer of COVID vaccines, but it's facing a major internal shortage // CNBC. 05.05.2021. URL: <https://www.cnbc.com/2021/05/05/why-covid-vaccine-producer-india-faces-major-shortage-of-doses.html> (дата обращения: 05.04.2022).

⁶ *Acemoglu D., Robinson J. A.* Why Nations Fail? The Origins of Power, Prosperity and Poverty. New York : Crown Publishing Group, 2012. P. 450–465.

⁷ *Gemenis K., Littvay L.* COVID-19 Conspiracy Beliefs and Government Rule Compliance // European Social Survey, 2021. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/docs/about/COVID-19-Conspiracy-Beliefs.pdf> (дата обращения: 05.04.2022).

технологий и продуктов. Под ударами критики с позиций недоверия оказываются также система здравоохранения, государственное управление, даже при эффективном обеспечении доступности вакцины. Причем в некоторых важных случаях население РФ показывает наименьшую конформность и уверенность в этих институтах по сравнению с гражданами других стран. Так, исследование Credit Suisse зафиксировало наименьший уровень доверия россиян отечественным вакцинам безотносительно к их производителю среди целого ряда других быстро развивающихся стран⁸. Российские исследования фиксируют сопоставимые уровни доверия⁹.

Часть населения и медийных каналов (как российских, так и иностранных) уверенно локализует проблему недоверия в области конфликта между интересами общественного здравоохранения и коммерческими интересами отдельных экономических субъектов¹⁰. В то же время ряд исследователей указывает, что рост недоверия общественным институтам имеет системный характер, связанный с тем, что информация, поступающая из официальных источников, распознается как заведомо ангажированная¹¹.

Одновременно вопрос противодействия эпидемии осложняется быстрым распространением различных версий теории заговора¹², адепты которой предполагают, что под видом вакцинации населения власти решают иные, непрозрачные для общества задачи. Среди них «чипизация» населения, тотальный цифровой контроль, ограничение политических свобод с помощью технических средств¹³, сокраще-

ние социальных гарантий и прав (в частности, широко дискутируемый социальный страх о переводе школьного образования в дистанционный режим). Несмотря на очевидно умозрительный и иллюзорный характер подобных предположений, возникающая на их основе социальная проблема вполне реальна и имеет значимые негативные последствия, поскольку порождает не только специфические индивидуальные формы парадоксальных реакций на пандемию в области гигиены, профилактики и лечения, потребительского поведения¹⁴, но и согласованные массовые негативные реакции. Поляризация общественного мнения в рамках подобных версий в значительной мере дискредитирует многие регулятивные меры, направленные на стимулирование вакцинации, принятые на правовом уровне.

Иными словами, истоки проблемы низкого охвата населения вакцинацией следует искать не в области технического обеспечения и логистики вакцинации, но в проблеме социальной коммуникации, а решения — в области правового регулирования и социальных реакций на введение мер, направленных на снижение заболеваемости.

Контроль над эпидемией: выбор механизмов и социальные реакции

В общем случае решение проблемы моделирования социально желательного поведения населения решается становлением системы по-

⁸ Emerging Consumer Survey 2021: A world beyond the pandemic. March 2021. P. 66 // URL: <https://www.credit-suisse.com/media/assets/corporate/docs/about-us/research/publications/emerging-consumer-survey-2021.pdf> (дата обращения: 05.04.2022).

⁹ Коронавирус: вакцина и происхождение вируса. 01.03.2021 // URL: <https://www.levada.ru/2021/03/01/koronavirus-vaktsina-i-proishozhdenie-virusa/?fromtg=1> (дата обращения: 05.04.2022).

¹⁰ Степанова А. Прибыль на ковиде — производство вакцин отдали олигархам и экс-чиновникам. 29.06.2021 // URL: <https://regnum.ru/news/3307870.html> (дата обращения: 05.04.2022); Yang Z., Luo X., Jia H. Is It All a Conspiracy? Conspiracy Theories and People's Attitude to COVID-19 Vaccination // Vaccines. 2021. No 1051. DOI: 10.3390/vaccines9101051. P. 1051.

¹¹ Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Экспертное знание в условиях эпистемологического недоверия: 5G, COVID-19 и контрнаучный дискурс // Кризисы нашего времени как вызов обществу, культуре. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2021. С. 103–108.

¹² Boguslavsky D. V., Sharova N. P., Sharov K. S. Public Policy Measures to Increase Anti-SARS-CoV-2 Vaccination Rate in Russia // Int. J. Environ. Res. Public Health. 2022. 19(6):3387. DOI: 10.3390/ijerph19063387.

¹³ Комлева Н. А. Геополитические последствия пандемии COVID-19 // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 2. С. 54.

¹⁴ Мягков М. Г., Кубрак Т. А., Латынов В. В., Мундриевская Ю. О. Пандемия COVID-19 и конспирологические убеждения: психологические предпосылки, последствия, возможности коррекции // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 467. С. 156–160.

зитивных и негативных стимулов, способствующих принятию массами населения решения об участии в вакцинации. На этом направлении в условиях пандемии российский регулятор оказал явное предпочтение второму направлению, связанному с введением норм, предписывающих вакцинацию определенным группам населения (военнослужащие, студенты и учащиеся, сотрудники сферы медицины и образования, общественного питания и некоторые другие), а также норм, которые в интересах общественного здоровья ограничивают отдельные индивидуальные права граждан, прежде всего права, связанные с осуществлением конституционно гарантированного права на передвижение (п. 1 ст. 27 Конституции РФ). В этом контексте произошло также сопутствующее ограничение ряда трудовых, образовательных, культурных прав для невакцинированных лиц, которым в те или иные периоды пандемии было временно отказано в доступе в соответствующие организации, включая торговые центры, досуговые и образовательные учреждения, рабочие коллективы и т.д.

Несмотря на то, что установленный режим ограничения индивидуальных прав по своей цели и формам реализации вполне соответствовал главной задаче момента — защите населения от массовой угрозы эпидемического характера — и его компоненты можно интерпретировать в качестве мер общей защиты, а не мер собственно рестриктивного характера, значительная часть населения реагировала на их внедрение достаточно негативно¹⁵. В первую очередь следует отметить, что предложенный в качестве меры контроля над распространением инфекции режим самоизоляции, который выраженно обладает потенциалом кооперации общества и государства¹⁶, не смог выполнить свою задачу, что логично потребовало внедрения более интенсивных ограничительных мер, направленных на пресечение социального контакта в физическом пространстве.

Следует обратить внимание, что подобное ограничение было реализовано при помощи массового использования незнакомых населению ранее технически емких средств, легитимность применения которых оказалась в самом центре жарких общественных дискуссий и по-

родила достаточно массовые протестные практики. Центральным объектом общественной критики стало введение электронных механизмов контроля над населением в виде сертификатов вакцинации и их электронной объективации в виде QR-кода.

С технической точки зрения введение подобной технологии также вполне оправданно. Она позволяет удерживать необходимое количество данных, экономически малозатратна в доставке получателю: необходимый сертификат выдается в беззаявительной форме и практически мгновенно. Сертификат удобен в применении, поскольку может существовать в форме как материального, так и цифрового объекта, а также легко доступен для контроля уполномоченным лицом. Таким образом, с точки зрения экономики регулирования введение контроля посредством сертификации с применением QR-кодирования действительно служит достижению цели обеспечения социальной дистанции, стимулирования вакцинации, отслеживания эпидемиологической ситуации.

В России введение ограничительной меры в виде запрета въезда на территорию субъекта РФ, посещения нормативно определенного перечня организаций, использования общественного транспорта лицами, не имеющими QR-кодов, стало распространенной практикой в рамках режима повышенной готовности на уровне ряда субъектов РФ в 2021 г. (более 50 субъектов РФ включили данную меру в акты, регламентирующие условия режима повышенной готовности, меры по противодействию распространению коронавирусной инфекции). Так, в Республике Татарстан только по предъявлении QR-кода были возможны: вход и нахождение зрителей старше 18 лет в театрах, кинотеатрах (кинозалах), цирках, концертных залах, на проводимых с участием зрителей официальных физкультурных, спортивных, культурных мероприятиях; проезд пассажиров старше 18 лет в транспортных средствах, осуществляющих перевозку пассажиров и багажа автомобильным транспортом (за исключением легкового такси и транспортных средств, осуществляющих перевозку по межрегиональным маршрутам), городском наземном электрическом транспорте, метро, вход и нахождение на станциях

¹⁵ Эпидемиолог назвал причину низких темпов вакцинации от коронавируса в России. 20.05.2021 // URL: <https://tass.ru/obschestvo/11429473> (дата обращения: 15.04.2022).

¹⁶ Панкевич Н. В., Руденко В. В. Самоизоляция как правовой режим: опыт России // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 2. С. 16–23.

метро; продажа на автовокзалах, автостанциях билетов на маршруты регулярных перевозок пригородного и межмуниципального сообщения (исключение составляли межрегиональные перевозки и пассажиры моложе 18 лет)¹⁷.

В Свердловской области подобная ограничительная мера была введена в рамках режима повышенной готовности и распространялась на посещение зданий, строений, сооружений (помещений в них), в которых расположены: государственные органы Свердловской области, органы местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области, государственные учреждения Свердловской области и муниципальные учреждения, осуществляющие материально-техническое и социально-бытовое обеспечение деятельности указанных органов, государственное учреждение Свердловской области, осуществляющее официальное опубликование нормативных правовых актов Свердловской области (в том числе работниками этих учреждений); организации общественного питания; организации, осуществляющие деятельность в сферах культуры, спорта (за исключением профессиональных спортивных клубов, объектов спорта, образовательных организаций), организации досуга и развлечений, в том числе театры, филармонии, концертные организации, музеи, библиотеки, ночные клубы, танцплощадки, дискотеки, развлекательные аттракционы, цирки, зоопарки, океанариумы, дельфинарии, аквапарки; торговые, торгово-развлекательные центры и комплексы, кинотеатры (кинозалы), кинематографические клубы; объекты розничной торговли (за исключением аптек и аптечных пунктов, объектов розничной торговли в части реализации продовольственных товаров и (или) непродовольственных товаров первой необходимости); прачечные, химчистки, парикмахерские, салоны красоты, массажные салоны, общественные бани, сауны, солярии, базы от-

дыха, дома отдыха, санаторно-курортные организации (санатории); детские игровые комнаты, детские развлекательные центры, детские лагеря дневного пребывания¹⁸. В отдельных субъектах РФ заселение в гостиницы, на базы отдыха также осуществлялось при наличии QR-кодов (например, в Краснодарском крае).

Анализ законодательства РФ и правоприменительной практики по использованию QR-кодов в период противодействия распространению COVID-19 в России позволил выявить ряд недостатков использованного механизма правового регулирования.

Научные механизмы, ограничение прав и неравенство

Очевиден разный объем ограничений, установленный на уровне отдельных субъектов РФ, что влечет различия в правовом статусе граждан в зависимости от нахождения на территории разных субъектов РФ. Это обусловлено вариациями в перечне организаций, а также разнообразием способов определения круга субъектов, на который распространяется ограничение. Это, в свою очередь, влияет на круг лиц, чьи права подлежат ограничению, и список прав, которые подлежат ограничению. В списке прав, которые были ограничены, оказались: свобода передвижения, право на труд, право на доступ к медицинской помощи, право на обращение в государственные органы и др. На уровне отдельных вузов также применялась практика использования QR-кодов для допуска в соответствующие здания и помещения, что, по сути, является ограничением права на образование. Согласно официальному заявлению Министерства науки и высшего образования РФ, «в рамках федерального закона об образовании вузы автономны в принятии решений по организации образовательного процесса»¹⁹.

¹⁷ Постановление Кабинета министров Республики Татарстан от 17.11.2021 № 1100 «О внесении изменений в постановление Кабинета министров Республики Татарстан от 19.03.2020 № 208 «О мерах по предотвращению распространения в Республике Татарстан новой коронавирусной инфекции» // URL: https://pravo.tatarstan.ru/npa_kabmin/post/?npa_id=870086 (дата обращения: 20.04.2022).

¹⁸ Указ Губернатора Свердловской области от 27.10.2021 № 616-УГ «О внесении изменений в указ Губернатора Свердловской области от 18.03.2020 № 100-УГ «О введении на территории Свердловской области режима повышенной готовности и принятии дополнительных мер по защите населения от новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV)» // Официальный интернет-портал правовой информации Свердловской области. URL: pravo.gov66.ru. 27.10.2021.

¹⁹ Минобрнауки: Вузы имеют право вводить QR-коды для очных занятий // URL: <https://rg.ru/2021/11/09/minobrnauki-vuzy-imejut-pravo-vvodit-qr-kody-dlia-ochnyh-zaniatij.html>? (дата обращения: 20.04.2022).

В дальнейшем данная практика не получила распространения.

Ключевой проблемой в вопросе о правомерности ограничения прав человека при использовании QR-кодов для допуска в отдельные организации является пропорциональность такого ограничения. Конституционная цель ограничения прав человека в данном случае налицо: данные ограничения необходимы в целях защиты здоровья (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Использованный механизм правового регулирования применения QR-кодов имеет ряд существенных дефектов, которые не позволяют обеспечить соразмерность ограничения. Соразмерными в данном случае можно считать лишь такие ограничения, которые основаны на достоверных данных об эффективности вакцин, степени защиты лиц, перенесших коронавирусную инфекцию. Однако данные вопросы остаются дискуссионными на сегодняшний день, равно как и вопрос о выборе тестов для определения антител²⁰, что подрывает доверие граждан к принимаемым властью решениям.

Задачей регулирующих органов является определение круга лиц, риск распространения которыми инфекции является минимальным. На сегодняшний день учитываются следующие факторы: достижение возраста 18 лет, вакцинация одним или двумя компонентами вакцины (в зависимости от вида вакцины), положительный тест на антитела, перенесенное заболевание, вызванное коронавирусной инфекцией, медотвод от прививки. Причем условия получения QR-кодов менялись в ходе правоприменительной практики: изначально был принят приказ Министерства здравоохранения РФ от 22.10.2021 № 1006н²¹, затем приказ от 12.11.2021 № 1053н, в который в последующем вносились изменения. С 21 февраля 2022 г. QR-коды могут получать дополнительно две группы лиц: те, у кого был дополнительный ПЦР-тест, а теперь есть антитела, однако в период болезни человек не обращался в поли-

клинику (на год), и те, кто не делал ПЦР-тест, но у кого есть антитела (на полгода)²².

Возникает также проблема с наложением сроков действия QR-кодов и их сокращением для лиц, которые были ранее вакцинированы и в последующем перенесли заболевание, вызванное коронавирусной инфекцией. Выдача QR-кодов несовершеннолетним гражданам не предусмотрена, но в сопровождении законного представителя, имеющего QR-код, они вправе посещать организации, посещение которых ограничено, в то же время данные лица также могут оказаться переносчиками инфекции.

Не учтена и специфика использования QR-кодов в отношении отдельных категорий граждан, в частности верующих и военнослужащих. Подобная нестабильность и неполнота правового регулирования, а также нерешенность ряда значимых проблем привели к неприятию технологии использования QR-кодов населением и усилением недоверия действиям регулирующих органов.

Введение технически емких средств контроля заставляет вспомнить о проблеме цифрового неравенства и сопутствующей проблеме исключения тех или иных групп населения из нормального общественного процесса. Использование QR-кодов изначально имеет ограниченный характер, так как требует специального оборудования. С одной стороны, эта проблема не нова и не специфична только для России. В мировом опыте фиксируется множество ситуаций, когда один дефицит, который испытывает человек, напрямую ведет к нарастанию дефицитов и суммированию их эффектов, невозможности в полной мере реализовать свои права, социальному исключению и фиксации в неблагоприятной социальной позиции. Как жизнь в неблагополучном квартале ведет к невозможности получить образование, достаточное для того, чтобы впоследствии выбраться из бедности.

Подобное накопление рисков и их последствий характерно и для ситуации контроля

²⁰ *Damsa C., Damsa T. COVID-19 IGG better than PCR for the green pass // Journal of Vaccines and Immunology. 2021. P. 33. DOI: 10.17352/jvi.000043.*

²¹ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 22.10.2021 № 1006н «Об утверждении формы медицинской документации “Сертификат о профилактических прививках против новой коронавирусной инфекции (COVID-19) или медицинских противопоказаниях к вакцинации и (или) перенесенном заболевании, вызванном новой коронавирусной инфекцией (COVID-19)” и порядка ее ведения» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru. 25.10.2022.

²² Приказ Министерства здравоохранения РФ от 04.02.2022 № 58н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru. 08.02.2022.

над пандемией при помощи сложных технологических решений, к которым, оказывается, не готова значительная часть населения, и для ситуации принятия государственных решений в логике регулирования постиндустриального общества в условиях, когда многие сегменты общества до этой ступени еще не дотянулись. Задача по устранению цифрового неравенства, поставленная еще в 2014 г. и обозначенная как гарантированное оказание универсальных услуг связи на всей территории страны²³, до сих пор не решена, а программа соответствующего проекта Министерства цифрового развития РФ (проект «Информационная инфраструктура» национальной программы «Цифровая экономика») рассчитана до 2030 г.²⁴ Де-факто это означает, что вопрос доступности получения сертификата о вакцинации через систему «Госуслуги» жителями небольших населенных пунктов не решен в полной мере.

Отчасти острота данной проблемы смягчается закреплением полномочий по определению мер, необходимых для контроля над развитием эпидемического процесса, за субъектами РФ, а также компенсаторными механизмами в виде необязательности регистрации в Единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА) и возможности получения документации на бумажных носителях, которая может быть использована наряду с QR-кодами²⁵. Тем не менее это не решает вопрос по существу, поскольку опробованная в период пандемии технология предсказуемо будет использоваться и для регулирования других видов общественных отношений.

Проблема цифрового неравенства также отражает и усиливает проблему поколенческого неравенства в РФ, где старшая группа населения оказывается в заведомо неблагоприятном положении независимо от места жительства²⁶. Ввиду культурных, образовательных, чисто экономических дефицитов использование технически сложных решений становится для этих граждан затруднительным, а следовательно,

можно говорить о существенном дефекте регулирования, заключающемся в дискриминационных, по сути, действиях в отношении большей части населения, людей, которые могут выполнить необходимый объем действий по вакцинации, но из-за отсутствия возможности документировать их лишаются доступа ко участию в социальной жизни.

Представляется, что подобные проявления недопустимы с позиций конституционного равенства граждан страны. Правовое регулирование должно учитывать вероятность технической отсталости и необеспеченности части своих граждан и не игнорировать их потребности даже в случае статистической незначимости подобных случаев. Так, до сих пор нотариус обязан следовать особой процедуре работы с лицами, которые в силу обстоятельств не могут читать и писать, в том числе и в связи с их неграмотностью²⁷. По той же логике личные дефициты знаний, навыков, оборудования у отдельных граждан должны быть компенсированы на различных уровнях организационной структуры, созданной для реагирования на эпидемическую опасность. Например, через предоставление сертификата о вакцинации в материальной форме в беззаявительном порядке непосредственно в пункте вакцинации. Подобные меры будут способствовать возвращению старшего поколения (и иных граждан) в общее социальное пространство в постпандемийный период.

Наукоемкие технологии и проблема контроля

Важной причиной делегитимации стимулирования вакцинации за счет введения сертификатов и их цифрового аналога в виде QR-кода стала, во-первых, проблема определения контролирующей инстанции, которая достаточно долго дестабилизировала регулятивное поле вокруг сертификата вакцинации, во-вторых, проблема ее цифровой объективации в виде QR-кода.

²³ Федеральный закон от 03.02.2014 № 9-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи»» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru. 04.02.2014.

²⁴ В России начался второй этап устранения цифрового неравенства. 14.04.2021 // URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/40814/?ysclid=1uh86sstp> (дата обращения: 07.04.2022).

²⁵ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 12.11.2021 № 1052н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru. 15.11.2021.

²⁶ Тарусина Н. Н. Несколько тезисов об ограничениях прав и свобод граждан в чрезвычайных обстоятельствах пандемии // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 8. С. 99–109. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.099-109.

²⁷ Правила нотариального делопроизводства (утв. приказом Министерства юстиции РФ от 16.04.2014 № 78) // *Российская газета*. 2014. 25 апр.

Введение данного института с высокой частотой применения (в заведениях общепита, общественном транспорте, зрелищных организациях и др.²⁸) обнаруживает отсутствие легитимной инстанции, уполномоченной на проверку документа. В стандартной ситуации проверка документов является полномочием полиции²⁹. Однако федеральное законодательство в принципе не закрепляет полномочие по проверке QR-кодов за какой-либо государственной структурой. Соответственно, должностные лица упомянутых организаций, как правило службы охраны, действуют за пределами своей стандартной компетенции, а их полномочия урегулированы не федеральным законом, а указами глав регионов, внутренними корпоративными актами и др. В то же время очевидна административно-правовая властная природа подобных полномочий, которые должны быть подкреплены государственным принуждением.

Этот факт стал для значительной части общества свидетельством неоправданного расширения поля деятельности силовых структур, причем как государственных, так и частных. Среди очевидных последствий этой ситуации — резкое обострение конфликтности данного сегмента общественных отношений. На одной стороне взаимодействия оказались радикализованные защитники ограничения полномочий проверяющих, которые устраивали очевидные провокации, вынуждая сотрудников торговых центров к противоправным реакциям, с другой стороны, наблюдались и случаи выхода за пределы своей компетенции служб, уполномоченных на проверку сертификатов.

Общественный резонанс на внедрение технологически емких решений

В совокупности подобные процессы снижали легитимность как технологических решений в узком смысле этого слова, так и регулирование посредством технологий в целом. Значимая и политически активная часть общества усматри-

вала в действиях государственных инстанций попытку решать регулированием задачи, выходящие за смысловое поле пандемии, в том числе задачи принуждения массы граждан к вакцинации, изоляции и выключения части населения из социальной жизни, лишения доступа к получению иных гарантированных благ, повышения властного статуса силовых структур и др.

Свидетельствами тому стали рост петиционной активности граждан, а также подача коллективных исков в судебные инстанции, волна которых прошла по всем регионам страны³⁰. Граждане заявляют о дискриминационном характере мер, связанных с сертификацией вакцинации в целом, а также (отдельно) с цифровизацией данной процедуры, об избыточности подобного регулирования, негативных последствиях для экономики как на ее макроуровне, так и на уровне домохозяйств.

При этом следует особо отметить, что данный запрос общества не разрешается в рамках собственно правового процесса, связанного с принятием судебных решений. С формальной точки зрения основания для исков иллюзорны и недостаточны для принятия решений в рамках судебной процедуры. Однако это отнюдь не значит, что проблема не будет артикулироваться в политическом поле и использоваться политическими субъектами в собственных интересах для политической мобилизации населения. Таким образом, поиск необходимых правовых регуляторов остается актуальным.

Проблема разграничения полномочий органов государственной власти РФ и субъектов РФ

Ограничение доступа граждан в отдельные организации посредством использования QR-кодов осуществлено в рамках ограничительных мер по противодействию распространению коронавируса, вводимых субъектами РФ. По мнению Конституционного Суда РФ, осуществление подобных полномочий субъектами РФ правомерно³¹ исходя из анализа положений Федерального

²⁸ Указ Мэра Москвы от 22.06.2021 № 35-УМ «О внесении изменений в Указ Мэра Москвы от 08.06.2020 № 68-УМ» (п. 23) // URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/46665220/> (дата обращения: 06.04.2022).

²⁹ Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Российская газета. 2011. 8 февр.

³⁰ Шмидт А. Указ. соч.

³¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области “О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной систе-

закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», Федерального закона от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»³², Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»³³. Более того, Указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории РФ в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»³⁴ возлагает на высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) обязанность исходя из санитарно-эпидемиологической обстановки и особенностей распространения коронавирусной инфекции в субъекте Российской Федерации обеспечить разработку и реализацию комплекса ограничительных мер и иных мероприятий, в том числе установить особый порядок передвижения на существующей территории лиц и транспортных средств.

Вместе с тем регулирование порядка выдачи медицинской документации, необходимой для получения QR-кодов, осуществляется на уровне Российской Федерации приказами Министерства здравоохранения РФ. Ввиду неполноты правового регулирования обозначенного вопроса на федеральном уровне отдельные субъекты расширяли случаи предоставления QR-кодов гражданам. Так, Министерством здравоохранения Республики Татарстан с 18 ноября 2021 г. была предусмотрена возможность получения справки о наличии противопоказаний к вакцинации, содержащей QR-код, при считывании которого открывается электронный ресурс Министерства, на котором указан срок действия кода. Модуль формирования QR-кода разработан Минздравом Татарстана в рамках программного обеспечения «ГИС ЭЗ РТ», которое доступно во всех государственных меди-

цинских организациях республики. На федеральном уровне подобная возможность была закреплена с 1 февраля 2022 г.

12 ноября 2021 г. в Государственную Думу был внесен так называемый пакет законов о QR-кодах (проект федерального закона № 17357-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения”» и федерального закона № 17358-8 «О внесении изменений в ст. 107 Воздушного кодекса Российской Федерации и Федеральный закон “Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации”»), в котором непосредственно закрепляются полномочия субъектов РФ в анализируемой сфере. Обращает на себя внимание п. 4 ст. 51 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», согласно которому органы исполнительной власти субъектов РФ при получении предложений от главных государственных санитарных врачей принимают необходимые меры, а в случае несогласия с такими предложениями сообщают об этом главному санитарному врачу РФ, который вправе принять соответствующие меры реагирования. Подобная мера федерального воздействия не закреплена ни в Федеральном законе от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», ни в Федеральном законе от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»³⁵.

Заключение

Использование QR-кодов в рамках ограничительных мер в период противодействия распространению коронавирусной инфекции осуждается во многом по этическим причинам. Однако само по себе внедрение данной технологии не является иррациональным. Исследования

мы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области” в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области” // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru. 29.12.2021.

³² СПС «КонсультантПлюс».

³³ СПС «КонсультантПлюс».

³⁴ СПС «КонсультантПлюс».

³⁵ СПС «КонсультантПлюс».

показывают, что введение системы ковид-сертификатов оказало положительное воздействие на экономику и здравоохранение европейских государств (например, Италии, Германии, Франции), но результативность ее применения зависит от разнообразных факторов: достоверности данных об эффективности вакцин и тестов, доверия населения решениям властей, вовлеченности маргинализированных групп, изначальных условий экономической системы и системы здравоохранения³⁶.

Находящийся на рассмотрении в Государственной Думе пакет законов о QR-кодах не решает в полной мере обозначенных нами проблем правового регулирования их использования в системе ограничительных мер в целях противодействия распространению коронавирусной инфекции. Вместе с тем в РФ на случай будущих пандемий должны на законо-

дательном уровне получить регламентацию с учетом проанализированных нами проблем неравенства, доверия власти со стороны граждан, разграничения полномочий органов государственной власти РФ и субъектов РФ следующие вопросы: необходимо четко закрепить случаи, когда субъекты РФ вправе вводить ограничительные меры с использованием QR-кодов; очертить круг субъектов, которым выдаются QR-коды; составить перечень организаций, доступ в которые предоставляется на основании QR-кодов; разработать альтернативные способы доступа в данные организации, если получение QR-кода невозможно по этическим соображениям или затруднено в силу иных причин; создать систему контроля за использованием QR-кодов; определить порядок использования QR-кодов в отношении отдельных категорий лиц.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Экспертное знание в условиях эпистемологического недоверия: 5G, COVID-19 и контрнаучный дискурс // Кризисы нашего времени как вызов обществу, культуре. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2021. — С. 103–109.
2. Комлева Н. А. Геополитические последствия пандемии COVID-19 // Вестник Московского государственного областного университета. — 2020. — № 2. — С. 51–56.
3. Мягков М. Г., Кубрак Т. А., Латынов В. В., Мундриевская Ю. О. Пандемия COVID-19 и конспирологические убеждения: психологические предпосылки, последствия, возможности коррекции // Вестник Томского государственного университета. — 2021. — № 467. — С. 156–163. — DOI: 10.17223/15617793/467/19.
4. Панкевич Н. В., Руденко В. В. Самоизоляция как правовой режим: опыт России // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 2. — С. 16–23.
5. Тарусина Н. Н. Несколько тезисов об ограничениях прав и свобод граждан в чрезвычайных обстоятельствах пандемии // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 8. — С. 99–109. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.099-109.
6. Acemoglu D., Robinson J. A. Why Nations Fail? The Origins of Power, Prosperity and Poverty. — New York: Crown Publishing Group, 2012. — 529 p.
7. Damsa C., Damsa T. COVID-19 IGG better than PCR for the green pass // Journal of Vaccines and Immunology. — 2021. — P. 33. — DOI: 10.17352/jvi.000043.
8. Boguslavsky D. V., Sharova N. P., Sharov K. S. Public Policy Measures to Increase Anti-SARS-CoV-2 Vaccination Rate in Russia // Int. J. Environ. Res. Public Health. — 2022. — 19(6). — 3387. — DOI: 10.3390/ijerph19063387.
9. The Effect of COVID Certificates on Vaccine Uptake, Health outcomes, and the Economy / M. Oliu-Barton, B. Pradel, N. Woloszko [et al.]. — 2022. — (Preprint). — DOI: 10.21203/rs.3.rs-1242919/v2.
10. Yang Z., Luo X.; Jia H. Is It All a Conspiracy? Conspiracy Theories and People's Attitude to COVID-19 Vaccination // Vaccines. — 2021. — 9(10). — 1051. — DOI: 10.3390/vaccines9101051.

Материал поступил в редакцию 23 апреля 2022 г.

³⁶ The effect of COVID certificates on vaccine uptake, health outcomes, and the economy / M. Oliu-Barton, B. Pradel, N. Woloszko [et al.]. 2022 (Preprint). DOI: 10.21203/rs.3.rs-1242919/v2.

REFERENCES

1. Dyakova EG, Trakhtenberg AD. Ekspertnoe znanie v usloviyakh epistemologicheskogo nedoveriya: 5G, COVID-19 i kontrnauchnyy diskurs [Expert knowledge in conditions of epistemological distrust: 5G, COVID-19 and counterscientific discourse]. In: Krizisy nashego vremeni kak vyzov obshchestvu, kulture [Crises of our time as a challenge to society, culture]. Ekaterinburg: Gumanitarnyy Universitet Publ.; 2021. Pp. 103–109. (In Russ.).
2. Komleva NA. Geopoliticheskie posledstviya pandemii COVID-19 [Geopolitical consequences of the COVID-19 pandemic]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta [Bulletin of the Moscow State Region University]*. 2020;2:51-56. (In Russ.).
3. Myagkov MG, Kubrak TA, Latynov VV, Mundrievskaya YuO. Pandemiya COVID-19 i konspirologicheskie ubezhdeniya: psikhologicheskie predposylki, posledstviya, vozmozhnosti korrektsii [COVID-19 pandemic and conspiracy beliefs: psychological prerequisites, consequences, correction possibilities]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*. 2021;467:156-163. DOI: 10.17223/15617793/467/19. (In Russ.).
4. Pankevich NV, Rudenko VV. Samoizolyatsiya kak pravovoy rezhim: opyt Rossii [Self-isolation as a legal regime: The Russian experience]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika [Legal Order: History, Theory, Practice]*. 2021;2:16-23. (In Russ.).
5. Tarusina NN. Neskolko tezisev ob ogranicheniyakh prav i svobod grazhdan v chrezvychaynykh obstoyatelstvakh pandemii [Several arguments on restrictions on the rights and freedoms of citizens in pandemic emergencies]. *Lex russica*. 2021;74(8):99-109. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.099-109. (In Russ.).
6. Acemoglu D, Robinson JA. Why Nations Fail? The Origins of Power, Prosperity and Poverty. New York: Crown Publishing Group, 2012. 529 p.
7. Damsa C, Damsa T. COVID-19 IGG better than PCR for the green pass. *Journal of Vaccines and Immunology*. 2021;33. DOI: 10.17352/jvi.000043.
8. Boguslavsky DV, Sharova NP, Sharov KS. Public Policy Measures to Increase Anti-SARS-CoV-2 Vaccination Rate in Russia. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022;19(6):3387. DOI: 10.3390/ijerph19063387.
9. Oliu-Barton M, Pradel B, Woloszko N, Guetta-Jeanrenaud L, Aghion P, Artus P, Fontanet A, Martin P, Wolff G. The Effect of COVID Certificates on Vaccine Uptake, Health outcomes, and the Economy [Preprint]. 2022. DOI: 10.21203/rs.3.rs-1242919/v2.
10. Yang Z, Luo X, Jia H. Is It All a Conspiracy? Conspiracy Theories and People's Attitude to COVID-19 Vaccination. *Vaccines*. 2021;9(10):1051. DOI: 10.3390/vaccines9101051.

Медицинская (врачебная) ошибка как источник ятрогенного вреда: вопросы причинно-следственной связи и юридической ответственности

Аннотация. Статья посвящена правовым аспектам вопросов медицинской (врачебной) ошибки, возникающих в медицинской деятельности. Цель работы — проведение юридического анализа медицинской (врачебной) ошибки и наступившего в связи с этим ятрогенного вреда, а также формулирование на основе данного анализа авторских дефиниций исследуемых понятий, таких как: медицинская (врачебная) ошибка, ятрогенный вред, деликтные обязательства в медицинской сфере.

Правовой анализ проблематики исследуемого вопроса проведен с опорой на действующие нормативные правовые акты в указанной сфере, а также материалы судебной практики. Отдельно в рамках статьи приведен показательный анализ конкретного судебного дела, судебным представителем по которому являлся автор данного научного исследования и в рамках которого нашли свое выражение ряд проблемных моментов, с которыми сталкиваются суды при рассмотрении указанной категории дел. Проблемные аспекты, выявленные автором на примере указанного судебного дела, представляют собой квинтэссенцию существующего подхода судебной практики в рамках всей совокупности дел, возникающих из причинения вреда жизни и здоровью человека в результате ятрогений.

В заключение статьи сделан вывод о том, что так называемые медицинские (врачебные) дела требуют особого подхода при рассмотрении и разрешении судом с учетом обстоятельств, обозначенных в содержании приведенной работы. Более эффективное их рассмотрение и принятие по ним объективных, справедливых судебных решений возможно посредством реализации мер законодательного свойства, то есть введения специального «медицинского» состава преступления в нормы Уголовного кодекса РФ и специального деликта в сфере причинения вреда жизни и здоровью человека посредством ятрогений в нормы части II Гражданского кодекса РФ.

Ключевые слова: ятрогения; ятрогенный вред; вред жизни и здоровью; врачебная (медицинская) ошибка; деликтные обязательства; Гражданский кодекс РФ; Уголовный кодекс РФ; моральный вред; компенсация вреда; гражданско-правовая ответственность; уголовная ответственность; юридическая ответственность.

Для цитирования: Идрисов Х. В. Медицинская (врачебная) ошибка как источник ятрогенного вреда: вопросы причинно-следственной связи и юридической ответственности // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 7. — С. 120–130. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.120-130.

© Идрисов Х. В., 2022

* Идрисов Хусейн Вахаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова, доцент кафедры правовых дисциплин Чеченского государственного педагогического университета, действительный государственный советник Чеченской Республики 3-го класса
ул. Шерипова, д. 32, г. Грозный, Россия, 364093
huseyn23@rambler.ru

Medical Error as a Source of Iatrogenic Harm: Issues of Causality and Legal Liability

Khuseyn V. Idrisov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Faculty of Law, Kadyrov Chechen State University; Associate Professor, Department of Legal Disciplines, Chechen State Pedagogical University; Acting State Adviser of the Chechen Republic of the 3rd class
ul. Sheripova, d.32, Grozny, Russia, 364093
huseyn23@rambler.ru

Abstract. The paper is devoted to the legal aspects of medical errors arising in medical activity. The purpose of the work is to conduct a legal analysis of a medical error and the resulting iatrogenic harm, as well as to formulate the author's definitions of the concepts under study, such as: medical error, iatrogenic harm, tort liabilities in the medical field.

The author conducts the legal analysis of the stated problems based on the existing regulatory legal acts in this area, as well as materials of judicial practice. Separately, within the framework of the paper, an illustrative analysis of a specific court case is given, the judicial representative for which was the author of this scientific study and within which a number of problematic issues that courts face when considering this category of cases were expressed. The problematic aspects identified by the author following the example of the court case represent the quintessence of the existing approach of judicial practice within the whole set of cases arising from harm to human life and health as a result of iatrogenies.

In conclusion, the author concludes that the so-called medical cases require a special approach when considered and resolved by the court, taking into account the circumstances indicated in the content of the work cited. The more effective consideration and the adoption of objective, fair judicial decisions is possible through the implementation of legislative measures. Among them are the introduction of a special «medical» corpus delicti in the norms of the Criminal Code of the Russian Federation and a special tort in the field of harm to human life and health through iatrogeny in the norms of Part II of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: iatrogenism; iatrogenic harm; harm to life and health; medical error; tort liability; Civil Code of the Russian Federation; Criminal Code of the Russian Federation; moral harm; compensation for harm; civil liability; criminal liability; legal liability.

Cite as: Idrisov KhV. Meditsinskaya (vrachebnaya) oshibka kak istochnik yatrogenного вреда: voprosy prichinno-sledstvennoy svyazi i yuridicheskoy otvetstvennosti [Medical Error as a Source of Iatrogenic Harm: Issues of Causality and Legal Liability]. *Lex russica*. 2022;75(7):120-130. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.120-130. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Статья 41 Конституции Российской Федерации относит право на охрану здоровья к числу основных прав человека и гражданина. Помимо Конституции РФ как основополагающего юридического акта законодательства, отношения, возникающие в сфере охраны здоровья граждан в Российской Федерации, регулируются Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹ (далее — Федеральный закон).

Согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона: здоровье — это состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем орга-

низма в п. 21 ст. 2 этого же закона определено, что качество медицинской помощи — это совокупность характеристик, отражающих своевременность оказания медицинской помощи, правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при оказании медицинской помощи, степень достижения запланированного результата.

В системе «больница — пациент» изначально слабым и зависимым звеном является пациент, ибо он обращается за медицинской помощью в надежде, что ее окажут профессионально, качественно и в соответствии с установленным порядком и стандартами оказания такой помощи (о необходимости такого порядка и соблюдения стандартов ведется речь и в п. 4 ст. 10 Федерального закона). Медицинские ор-

¹ СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 14.02.2022).

ганизации при оказании медицинской помощи должны руководствоваться, в соответствии с п. 2 ст. 4 Федерального закона, принципом приоритета интересов пациента при оказании медицинской помощи; в соответствии с п. 5 той же статьи Федерального закона должностные лица организаций ответственны за обеспечение прав граждан в сфере охраны здоровья. Более того, согласно ч. 2 и 5 ст. 70 Федерального закона лечащий врач организует своевременное квалифицированное обследование и лечение пациента, предоставляет информацию о состоянии его здоровья, по требованию пациента или его законного представителя приглашает для консультаций врачей-специалистов.

Медицинские организации и медицинские работники несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации за нарушение прав в сфере охраны здоровья, причинение вреда жизни и здоровью при оказании гражданам медицинской помощи. Вред, причиненный жизни и здоровью граждан при оказании им медицинской помощи, возмещается медицинскими организациями в объеме и порядке, установленных законодательством Российской Федерации (об этом говорят части 2 и 3 ст. 98 Федерального закона).

Исходя из приведенных положений Конституции Российской Федерации и правовых норм федеральных актов законодательства, регулирующих отношения в сфере охраны здоровья граждан, право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь гарантируется системой закрепляемых в законе мер, включающих в том числе механизм определения принципов охраны здоровья, качества медицинской помощи, порядков оказания медицинской помощи, стандартов медицинской помощи, а также установление ответственности медицинских организаций и медицинских работников за причинение вреда жизни и здоровью при оказании гражданам медицинской помощи.

Цель работы — проведение юридического анализа медицинской (врачебной) ошибки и наступившего в связи с этой ошибкой ятрогенного вреда, а также формулирование на основе данного анализа авторских дефиниций исследуемых понятий, таких как медицинская (врачебная) ошибка, ятрогенный вред, деликтные обязательства в медицинской сфере.

Методология. Методологическую основу работы составляют следующие методы: метод сравнения, метод комплексного анализа, а также ряд специальных методов научного познания: исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический.

Результаты и обсуждение

Нормативная основа регулирования вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина вследствие медицинской (врачебной) ошибки

Ятрогенный вред, медицинская, врачебная ошибка — понятия, в большей степени имеющие отношение к медицинской сфере. Однако в юриспруденции они находят свое выражение посредством того, что последствия, связанные с причинением вреда жизни и здоровью человека, получают и соответствующую правовую оценку. Как правило, в таких случаях речь идет об уголовной ответственности и (или) о гражданско-правовой. Вместе с тем, как показывает анализ законодательства, в правовых нормах не приводятся легальные дефиниции указанных понятий и это представляется проблемным обстоятельством для института защиты жизни и здоровья человека в уголовном праве и института деликтных отношений в гражданском праве.

Вообще, как справедливо отмечает А. Н. Левушкин, «одной из основных тенденций развития как современного научного познания в целом, так и юридической науки в частности является расширение использования системного подхода при изучении природы рассматриваемых явлений. Необходимо обратить внимание на установление межотраслевых связей между гражданскими, медицинскими, семейными, предпринимательскими и иными отношениями»².

Отсутствие легальной дефиниции понятия медицинской (врачебной) ошибки дало почву для появления достаточно большого количества доктринальных мнений по исследуемой проблематике. Исходя из учета требований к объему данной работы, приведем лишь часть из них. Так, Л. А. Шмаров считает, что «медицинская ошибка — это действие или бездействие медицинского работника или лица, обязанного оказывать медицинскую помощь

² Левушкин А. Н. Гражданско-правовой режим генов как объектов гражданских прав // Lex russica (Русский закон). 2019. № 6. С. 101.

в соответствии с законом или специальным правилом, не соответствующее реальному состоянию здоровья гражданина, нуждающегося в оказании медицинской помощи, а также порядкам, стандартам, руководствам и методическим рекомендациям»³. Другие исследователи данной проблемы исходят из того, что «врачебная ошибка — это невиновная неправильность в действиях, мыслях врача»⁴.

Уголовно-правовая характеристика и квалификация деяний, связанных с причинением вреда жизни и здоровью человека, коррелирует с гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья» Уголовного кодекса РФ в рамках реализации ст. 109, 118, 122, 124 УК РФ⁵. Между тем необходимо отметить, что в случаях, когда причиняется вред жизни и здоровью пациента, это происходит вследствие неправомерных действий специальных субъектов такой деятельности — медицинских работников, чему в действующей редакции УК РФ не придается уголовно-правового значения и что, по нашему мнению, не соответствует объективному и справедливому положению дел. Такая непоследовательность законодателя ведет к возникновению проблемных ситуаций в правоприменительной деятельности, судебной практике. По нашему мнению, медицинский работник и организация, которую он представляет, являются субъектами повышенной ответственности, что должно найти свое законодательное отражение при вопросах возмещения вреда вследствие ятрогений.

В свою очередь, гражданско-правовая характеристика и квалификация деяний, связанных с причинением вреда жизни и здоровью человека, коррелирует с гл. 59 «Обязательства вследствие причинения вреда» части второй Гражданского кодекса РФ. Анализ данной главы позволяет заключить, что в ней также не приводится дефиниций, связанных с медицинской (врачебной) ошибкой, и специальной статьи,

связанной с причинением вреда и порядком его возмещения вследствие оказания некачественной медицинской помощи (услуг), и даже больше: в ней не содержится даже само определение вреда, что, впрочем, характерно и для части первой (Общие положения) ГК РФ⁶. Хотя, при всем этом, свое отражение в гл. 59 ГК РФ находят ряд других специальных деликтов (ст. 1068–1070, 1073–1075, 1076–1079 и др.)⁷. Возникает вопрос: неуказание специального деликта, связанного с медицинской (врачебной) ошибкой, — это целенаправленное действие или упущение законодателя? Ответ, при внимательном изучении вопроса, представляется не столь однозначным.

Мы исходим из того, что медицинская (врачебная) ошибка — это случай причинения вреда жизни и здоровью пациента, находящийся в прямой причинно-следственной связи с действиями медицинского работника и наступивший из-за его неквалифицированного виновного воздействия на здоровье пациента. Ятрогенный вред, в свою очередь, представляет из себя негативный результат в сфере личного неимущественного права человека (жизни и здоровья), наступивший из-за неквалифицированного виновного воздействия медицинского работника на здоровье пациента. Мы совершенно не согласны с той позицией, что «понятие “врачебная ошибка” не может использоваться в правоприменительной деятельности при привлечении врача к юридической ответственности» и тем, что «наступление неблагоприятного исхода вследствие врачебной ошибки исключает юридическую ответственность»⁸. Наличие медицинской (врачебной) ошибки и наступившего из-за этого ятрогенного вреда подразумевают возникновение деликтных обязательств в медицинской сфере, то есть правоотношений, в силу которых одно лицо (медицинская организация, ее работник), из-за действий (бездействия) которого был причинен

³ Шмаров Л. А. Логический анализ понятия «медицинская ошибка» // Судебно-медицинская экспертиза. 2018. Т. 61. № 3. С. 49–53.

⁴ Юрасов В. В., Смахтин Р. Е. О прикладном медико-юридическом значении понятия «врачебная ошибка» // Судебно-медицинская экспертиза. 2014. Т. 57. № 5. С. 53–55.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 15.02.2022).

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

⁸ Юрасов В. В., Смахтин Р. Е. Указ. соч. С. 53–55.

вред другому лицу (пациент, получатель услуги), обязано возместить причиненный вред в полном размере. То есть подразумевается юридическая ответственность правонарушителя.

В связи с обозначенными выше положениями нами в очередной раз ставится вопрос об отражении и закреплении в рамках действующего законодательства легальной дефиниции медицинской (врачебной) ошибки, приводящей к ятрогенному вреду, а также введения в гл. 16 УК РФ специального состава преступления, формулирующего понятие медицинской (врачебной) ошибки, источником которой выступает специальный субъект — медицинский работник; введения специального деликта в состав гл. 59 ГК РФ, формулирующего ответственность в связи с наступлением ятрогенного вреда. Данные шаги позволят судам выносить адекватные, объективные, справедливые судебные решения, отвечающие проблематике указанного вопроса.

Проблемы юридической ответственности за ятрогенный вред.

Непоследовательность судебной практики

Касательно судебной практики по рассматриваемому вопросу, то она противоречива, непоследовательна, порой откровенно необъективна. В качестве показательной иллюстрации к такому выводу приведем одно конкретное дело (судебным представителем по которому на стороне истца-пациента является автор настоящего исследования), которое буквально в период написания данной работы получило свое разрешение в суде районной и апелляционной инстанции.

Из обстоятельств указанного дела усматривается, что в начале 2020 г. в Моздокский районный суд (г. Моздок, РСО-Алания) было подано исковое заявление к ГБУЗ «Моздокская районная больница» о возмещении вреда, причиненного здоровью гражданина, и компенсации морального ущерба⁹. Истец обосновывал свои требования тем, что в результате некачественного оказания медицинской помощи лечебным учреждением его здоровью был нанесен вред, который выразился в наступле-

нии аллергической реакции на лекарственные препараты, примененные во время лечения. То есть в результате оказанного некачественного, неквалифицированного лечения здоровью истца был причинен вред.

В результате некачественного оказания медицинской помощи и наступления вреда здоровью истец понес материальные издержки в виде расходов на последующее лечение, лекарства и проезд к месту лечения в общей сумме более 50 000 руб. (указан размер расходов на лечение, которые можно документально подтвердить). Кроме того, истец перенес в связи с этим физические и нравственные страдания, то есть моральный вред, который был им оценен в размере 1 450 000 руб.

Необходимо отметить, что в так называемых медицинских делах существенное значение придается специальным познаниям в области медицины и превалирующим обстоятельством для вынесения соответствующего решения являются результаты судебно-медицинской экспертизы. Несомненно, основным вопросом в ятрогенных делах является вопрос о причинности. Важно установить наличие прямой причинно-следственной связи между действиями (бездействием) медицинского работника организации и наступившим вредом в сфере жизни и здоровья пациента. Само собой разумеется, что без владения специальными медицинскими познаниями суд не в состоянии этого сделать. Таким образом, проблема установления причинно-следственной связи находится в сфере судебно-медицинской экспертизы, а роль ее юридической оценки отводится непосредственно суду. Как отмечает в данном контексте Л. А. Шмаров: «...во “врачебных делах” именно комиссия экспертов должна устанавливать наличие причинно-следственной связи, не перекладывая это на правоприменителя, не обладающего специальными познаниями в области медицины и большим объемом знаний в области логики...»¹⁰. Данная проблематика носит принципиально важный характер, и, как совершенно верно отмечает ряд исследователей, эффективность результатов судебной экспертизы в доказательственной базе судебного дела

⁹ Дело № 2-360/2020 по исковому заявлению к ГБУЗ «Моздокская районная больница» о возмещении вреда, причиненного здоровью гражданина, и компенсации морального ущерба // URL: https://mozdoksky-wlk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=28041135&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 15.02.2022).

¹⁰ Шмаров Л. А. Проблемы причинности в судебно-медицинских экспертизах по «врачебным делам» // Судебно-медицинская экспертиза. 2021. Т. 64. № 1. С. 10.

напрямую опосредована фактором безупречного следования лицами, причастными к данному процессу, всем установленным федеральным законодательством уголовно-процессуальным требованиям, ведомственным инструкциям и правилам организации и осуществления такой важной процедуры в рамках судебного процесса, как судебная экспертиза¹¹.

В рамках приведенного выше дела по определению суда в феврале 2020 г. была назначена комплексная судебно-медицинская экспертиза с представлением ее результатов суду к маю того же года. Ее проведение было поручено Государственному бюджетному учреждению Ростовской области «Бюро судебно-медицинской экспертизы». Однако результаты экспертизы были подведены лишь только к концу марта 2021 г. Более того, как усматривается из выводов экспертизы, достоверно установить, является ли имевшаяся у истца клиническая симптоматика, сохранявшаяся «полгода», следствием аллергической реакции и связана ли эта реакция с внутривенными инъекциями, выполненными истцу при лечении в ГБУЗ «Моздокская ЦРБ», не представляется возможным по следующим объективным причинам: в связи с имеющимися в представленных документах противоречиями, не устранимыми экспертным путем, и недообследованием пациента. Учитывая вышеизложенное, установить, был ли причинен вред здоровью истца в результате оказания ему медицинских услуг в ГБУЗ «Моздокская ЦРБ», не представляется возможным. И вот при наличии таких выводов экспертизы истцу было отказано в удовлетворении искового заявления в полном объеме в суде первой и апелляционной инстанции¹². На момент подачи статьи в журнал по указанному делу автором статьи проведена работа по обжалованию вынесенных судебных решений в касса-

ционном порядке в Пятый кассационный суд общей юрисдикции (заседание суда состоялось в марте 2022 г.)¹³, с последующим обжалованием в Судебную коллегию по гражданским делам Верховного Суда РФ.

Судебное рассмотрение дел, связанных с причинением ятрогенного вреда, опосредовано наличием ряда проблемных моментов, которые присутствуют и в указанном деле судебной практики. Отразим их и приведем краткую характеристику по каждому из таких обстоятельств:

1. Проблема медицинской документации

Очень важным элементом судебного доказывания является наличие медицинской документации (стационарной и амбулаторной медицинских карт в том числе). Между тем данные документы с точки зрения доказательственной силы позиции ответчика по исковому заявлению в некоторых случаях не должны и не могут быть приняты в расчет с той точки зрения, что они заводятся, оформляются и ведутся при фактически полном, единоличном контроле со стороны лечебного учреждения. В данный процесс пациент никоим образом вмешиваться не может. При этом сам процесс ведения карты, отражения в ней сведений отдан полностью на откуп лечащему врачу, то есть тому самому врачу, из-за действий которого в том числе наступает в будущем вред. Другими словами, отражаемые в карте сведения о состоянии больного, проведенных процедурах, назначениях и т.п. могут быть оформлены в соответствии с необходимыми целями самого интересанта, то есть больницы, так называемым задним сроком. Данное утверждение базируется, в частности, и на том, что в рамках обстоятельств указанного нами выше судебного дела после написания заявления в

¹¹ Данилова Н. А., Елагина Е. В., Григорьева М. А. Детерминированность проблем использования заключения эксперта в качестве доказательства ошибками, допускаемыми при подготовке, назначении и производстве судебных экспертиз // *Lex russica* (Русский закон). 2021. № 11. С. 60.

¹² См.: дело № 2-360/2020 по исковому заявлению к ГБУЗ «Моздокская районная больница» о возмещении вреда, причиненного здоровью гражданина и компенсации морального ущерба. URL: https://mozdoksky-wlk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=28041135&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 15.02.2022); официальный сайт Верховного суда РСО-Алания (раздел «Судебное делопроизводство»). URL: [http://vs.wlk.sudrf.ru/modules.php?name=sdp2_cases#%7B"dateValue":%2218.02.2022"%7D](http://vs.wlk.sudrf.ru/modules.php?name=sdp2_cases#%7B) (дата обращения: 18.02.2022).

¹³ Официальный сайт Пятого кассационного суда общей юрисдикции (дело № 8Г 738/2022 [88 1963/2022]). URL: https://5kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=3942099&case_uid=d3c14fa8-6489-4cf7-9a0c-9e720758a48c&new=2800001&delo_id=2800001 (дата обращения: 18.02.2022).

больницу о выдаче копии медицинской карты с историей болезни, истцу ее по факту не выдавали больше месяца после запроса, ссылаясь на то, что карта находится в вышестоящем органе на проверке. Данное обстоятельство не исключает возможности предположения, что медицинскую карту с историей болезни приводили в «надлежащий» и «удобный» для больницы вид. Как правило, так и бывает на практике. Отдельного внимания заслуживает и судебно-медицинская экспертиза, заключение по которой может быть «написано по заказу интересанта», конечно же, при учете условия его (судебного эксперта) материального вознаграждения, т.е., попросту говоря, дачи ему взятки. Случаи коррупционной составляющей в деятельности бюро судмедэкспертизы не редкость¹⁴. Более того, сам процесс экспертизы в плане установления экспертом причинно-следственной связи имеет очень противоречивый характер. Процесс этот не единообразен, порой не последователен. Это очень существенные моменты, которые нивелируют весь институт судебно-медицинской экспертизы. И мы всецело присоединяемся к мнению Л. А. Шмарова, утверждающего следующее: «Очевидна неприемлемость ситуации, когда осуждение или неосуждение медицинского работника, а также удовлетворение или отказ в удовлетворении иска гражданина к медицинской организации зависит от того, где и кто проводил судебно-медицинскую экспертизу»¹⁵.

2. Проблема хронических заболеваний, имевшихся у пациента, до поступления в больницу

Лечебные учреждения очень часто ссылаются на то, что пациент попадает к ним на лечение, уже имея «багаж проблем» со здоровьем, таким образом предпочитая не разбираться в конкретной причине наступления вреда у пациента, а переводя суть спора в плоскость «вы и так были “дефектны” до того, как попали к нам». Данный подход лечебных учреждений сопряжен с практической трудностью установления прямой причинно-следственной связи

между действиями лечебного учреждения (медицинского работника) и наступившим вредом по факту оказания некачественной медицинской помощи (услуг), наличие которой должен доказать в судебном процессе сам истец. Ведь на самом деле очень трудно эту связь найти, показать, а тем более доказать в суде. Этим и пользуются ответчики — причинители вреда, которые обязаны доказать не отсутствие или присутствие причинно-следственной связи, а отсутствие своей вины согласно презумпции вины в гражданском праве.

3. Проблема свидетелей

Не секрет, и судебная практика это показывает, что дела о медицинской (врачебной) ошибке очень сложны в разрешении в силу влияния так называемой корпоративной медицинской этики. В таких делах для установления всей полноты картины и объективных обстоятельств по делу очень важным доказательством являются свидетельские показания. В основном непосредственными свидетелями возникшего вреда, в силу нахождения пациента в лечебном учреждении, выступают сами медицинские работники. Вместе тем, и это показательно, сами сотрудники медицинского учреждения с неохотой идут на контакт с истцом по такого рода делам ввиду боязни репрессивных мер со стороны руководства лечебного учреждения, другими словами, работодателя.

По приведенному нами в качестве примера делу свидетелями, то есть лицами, непосредственно владеющими информацией по обстоятельствам произошедшего, являлись: 1) дежурная в смену медсестра М. К.; 2) ухаживающая родственница соседки истца по палате С. К.; 3) врач-аллерголог; 4) массажист при больнице и др. Данные сотрудники и пациенты больницы в качестве свидетелей выступить на суде отказались ввиду указанных выше причин, а лечащаяся соседка по палате — из-за боязни, что ей в будущем, если она выступит свидетелем, могут, как она пояснила, «ставить палки в колеса» при обращении в данное медицинское учреждение.

¹⁴ В Краснодаре начальник экспертной лаборатории Минюста подозревается в должностном преступлении // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4660443> (дата обращения: 19.02.2022) ; Экс-руководителя бюро медэкспертизы Ставрополя обвиняют в 54 преступлениях // URL: <https://bloknot-stavropol.ru/news/eks-rukovoditelya-byuro-medekspertizy-stavropolya--742859> (дата обращения: 19.02.2022).

¹⁵ Шмаров Л. А. Проблемы причинности в судебно-медицинских экспертизах по «врачебным делам». С. 10.

4. Проблема оформления листа информированного добровольного согласия (далее — ИДС) и постановки аллергопробы

Важным моментом в доказательной базе составов правонарушений (и преступлений), связанных с возникновением у пациентов в том числе и осложненных аллергических реакций на фоне проводимого лечения, является отсутствие письменного ИДС, фиксирующего то, что врач проинформировал пациента о возможных аллергических реакциях, а пациент заверил врача в отсутствии аллергии на препарат. Это подтверждает и судебная практика¹⁶. В одном из дел причинение вреда жизни, вызвавшее смерть пациента, наступило по причине реакции организма в виде лекарственного шока, который был вызван применением лекарственного препарата, блокирующего болевой рефлекс, — лидокаина. По результатам рассмотрения дела медицинский работник был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 2 ст. 109 УК РФ.

Суд обосновал свое решение тем, что медицинский работник нарушил требования ст. 20 Федерального закона в части оформления ИДС на медицинское вмешательство или отказ от медицинского вмешательства в письменной форме, удостоверяемого подписью пациента; и в части предоставления информации о методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи.

В качестве необходимого условия для медицинского вмешательства установлено оформление письменного ИДС на пациента, данное императивное условие регламентировано частью 1 ст. 20 Федерального закона.

То есть отсутствие ИДС является доказательством того, что медицинский работник не выяснил у пациента наличия гиперчувствительности организма к медицинскому препарату в виде аллергической реакции. При этом апелляционный суд по указанному делу отверг доводы осужденной и ее адвоката, согласно

которым необходимая информация пациенту сообщается в устной форме и своей подписью в бланке информированного согласия пациент подтверждает факт разъяснения ему указанной в бланке необходимой информации. В частности, доводам о том, что осужденная сообщила пациентке название применяемого в ходе операции обезболивающего препарата лидокаина, суд обоснованно дал критическую оценку, обратив внимание на то, что сведения об этом, как и о риске, связанном с применением указанного анестезирующего средства, в подписанном бланке информированного согласия, на который ссылается осужденная, отсутствуют.

Важно также отметить и тот факт, что в тексте судебных решений не упоминается о том, что у пациента имелись случаи аллергических реакций до обращения за медицинской помощью. Возможно, у пациента отсутствовал аллергический анамнез и предсказать наступление анафилактического шока в данном случае было невозможно. Следовательно, при наличии грамотно оформленного ИДС медицинский работник, скорее всего, избежал бы ответственности.

Что же касается постановки аллергопробы, то согласно ГОСТ Р 52623.4-2015 «Технологии выполнения простых медицинских услуг инвазивных вмешательств»¹⁷ подготовка к выполнению процедуры подкожного, внутривенного и внутримышечного введения лекарственных препаратов, в частности, включает в себя обязанность медицинского работника «убедиться в наличии у пациента информированного согласия на предстоящую процедуру введения лекарственного препарата и его переносимость».

По мнению судов и судебно-медицинских экспертов, обязанность по проведению лабораторных аллергопроб также вытекает из обязанностей медицинского работника. Вывод об обязанности медицинского работника направить пациента на лабораторные аллергопробы при наличии у него в анамнезе аллергии может быть сделан из профстандартов соответствующих медицинских работников. Например, это установлено в профессиональном стандарте

¹⁶ Апелляционное определение Московского областного суда от 25.03.2014 по делу № 22-866 // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.02.2022).

¹⁷ ГОСТ Р 52623.4-2015 «Технологии выполнения простых медицинских услуг инвазивных вмешательств» (утвержден и введен в действие приказом Росстандарта от 31.03.2015 № 200-ст) // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.02.2022).

«Врач-хирург»¹⁸, в профессиональном стандарте «Врач — сердечно-сосудистый хирург»¹⁹.

Таким образом, лабораторные аллергопробы обязательны в случае подозрения у пациента аллергических реакций на лекарственные продукты. В частности, нам не удалось найти ни одного судебного решения, в котором защите удалось доказать обратное.

В связи с вышеизложенным в соответствии с указанными позициями законодательства рекомендуется следующий алгоритм действий медицинского работника перед проведением медицинского вмешательства, который снижает риски несения им юридической ответственности:

1. Перед проведением процедуры (т.е. медицинского вмешательства) обязательно разъяснить полную информацию о методе медицинского вмешательства, лекарственном препарате, риске и возможных последствиях его применения. Письменно оформить ИДС пациента, где необходимо указать планируемые к применению лекарственные препараты и возможный риск их применения. Важно также собрать аллергоanamnez пациента, провести его опрос и зафиксировать в медицинской документации информацию об отсутствии у него аллергии на указанные в назначении лекарственные препараты. При наличии сведений о любой аллергии пациента необходимо направить его на проведение аллергопроб.

2. Строго придерживаться дозировок применения лекарственных препаратов, которые указаны в инструкции на лекарственный препарат.

3. Перед проведением медицинского вмешательства обязательно провести провокационную пробу (аллергопробу) и зафиксировать данный факт в медицинской документации.

4. Обеспечить все условия для проведения возможных реанимационных мероприятий. В случае возникновения передозировки / отравления лекарственным препаратом или возникновения аллергии / анафилактического шока у пациента немедленное (до прибытия реаниматологов / бригады скорой медицинской помощи) начало проведения таких мероприятий обязательно.

Соблюдение вышеуказанного алгоритма действий помогает максимально снизить риск наступления ятрогенного вреда и последующего признания медицинского работника виновным и, соответственно, снижает вероятность того, что медицинский работник станет субъектом юридической ответственности.

5. Проблема определения размера компенсации морального вреда

Пунктом 1 ст. 150 ГК РФ определено, наряду с другим, что жизнь и здоровье и иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом.

Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред (ст. 151 ГК РФ).

В пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»²⁰ разъяснено понятие морального вреда.

Отдельным аспектом в рассматриваемой проблематике является вопрос о соответствии размера компенсации заявленного истцом вреда и размера возмещаемого вреда по судебному решению. Как известно, законодатель не установил какой-либо конкретный размер или лимит и формулу для его расчета тоже не приводит. Исходя из этого, истцы порой заявляют астрономические суммы к судебному взысканию. Наряду с этим фактом, и суды в своих

¹⁸ Профессиональный стандарт «Врач-хирург» (утв. приказом Минтруда России от 26.11.2018 № 743н) // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.02.2022).

¹⁹ Профессиональный стандарт «Врач — сердечно-сосудистый хирург» (утв. приказом Минтруда России от 14.03.2018 № 143н) // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.02.2022).

²⁰ СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.02.2022).

решениях по вопросу определения размера компенсации морального вреда также непоследовательны. Как правило, заявленный истцом размер компенсации морального вреда в итоговом решении судом снижается кратно к первоначальной сумме исковых требований. И это также представляется проблемным аспектом в судебной практике по вопросам компенсации морального вреда, наступившего вследствие ятрогений.

Заключение

Подводя итог по настоящему исследованию, сформулируем ряд выводов следующего характера.

Во-первых, медицинская (врачебная) ошибка — это случай причинения вреда жизни и здоровью пациента, находящийся в прямой причинно-следственной связи с действиями медицинского работника и наступивший из-за его некомпетентного виновного воздействия на здоровье пациента.

Предлагается законодательно закрепить указанную дефиницию и меры ответственности за медицинскую (врачебную) ошибку путем внесения следующих изменений в нормы УК РФ:

1) статью 26 «Преступление, совершенное по неосторожности» дополнить новым пунктом 4 в следующей редакции:

«4. Преступлением, совершенным по неосторожности вследствие медицинской (врачебной ошибки), признается деяние, совершенное специальным субъектом — медицинским работником, вследствие которого наступил случай причинения вреда жизни и здоровью пациента, находящийся в прямой причинно-следственной связи с действиями медицинского работника и наступивший из-за его некомпетентного виновного воздействия на здоровье пациента»;

2) главу 16 «Преступления против жизни» дополнить новой статьей 109.1:

«Статья 109.1. Причинение смерти по неосторожности вследствие медицинской (врачебной ошибки)

Причинение смерти по неосторожности вследствие медицинской (врачебной ошиб-

ки) — наказывается исправительными работами на срок до четырех лет с лишением права занимать должности медицинского характера или заниматься медицинской деятельностью на срок до четырех лет или без такового, либо ограничением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать должности медицинского характера или заниматься медицинской деятельностью на срок до четырех лет или без такового, либо принудительными работами на срок до четырех лет с лишением права занимать должности медицинского характера или заниматься медицинской деятельностью на срок до четырех лет или без такового, либо лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать должности медицинского характера или заниматься медицинской деятельностью на тот же срок».

Во-вторых, ятрогенный вред представляет из себя негативный результат в сфере личного неимущественного права человека (жизни и здоровья), наступивший из-за некомпетентного виновного воздействия медицинского работника на здоровье пациента.

В-третьих, наличие медицинской (врачебной) ошибки и наступившего из-за этого ятрогенного вреда подразумевают возникновение деликтных обязательств в медицинской сфере, то есть правоотношений, в силу которых одно лицо (медицинская организация, ее работник), из-за действий (бездействия) которого был причинен вред другому лицу (пациент, получатель услуги), обязано возместить причиненный вред в полном размере.

И наконец, так называемые медицинские дела требуют особого подхода при своем рассмотрении и разрешении судом с учетом обстоятельств, обозначенных нами выше. Более эффективное же их рассмотрение и принятие по ним объективных, справедливых решений возможно посредством реализации мер законодательного свойства, то есть закрепления в действующем законодательстве ряда легальных дефиниций, имеющих отношение к ятрогениям, введения специального состава преступления, указанного выше, в нормы УК РФ и специального деликта в сфере причинения вреда жизни и здоровью человека в нормы части второй ГК РФ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Данилова Н. А., Елагина Е. В., Григорьева М. А. Детерминированность проблем использования заключения эксперта в качестве доказательства ошибками, допускаемыми при подготовке, назначении и производстве судебных экспертиз // *Lex russica* (Русский закон). — 2021. — № 11. — С. 52–61. — URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.180.11.052-061>.
2. Левушкин А. Н. Гражданско-правовой режим генов как объектов гражданских прав // *Lex russica* (Русский закон). — 2019. — № 6. — С. 100–109. — URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.100-109>.
3. Шмаров Л. А. Логический анализ понятия «медицинская ошибка» // *Судебно-медицинская экспертиза*. — 2018. — Т. 61. — № 3. — С. 49–53.
4. Шмаров Л. А. Проблемы причинности в судебно-медицинских экспертизах по «врачебным делам» // *Судебно-медицинская экспертиза*. — 2021. — Т. 64. — № 1. — С. 5–11.
5. Юрасов В. В., Смакhtин Р. Е. О прикладном медико-юридическом значении понятия «врачебная ошибка» // *Судебно-медицинская экспертиза*. — 2014. — Т. 57. — № 5. — С. 53–55.

Материал поступил в редакцию 15 марта 2022 г.

REFERENCES

1. Danilova NA, Elagina EV, Grigorieva MA. Determinirovannost problem ispolzovaniya zaklyucheniya eksperta v kachestve dokazatelstva oshibkami, dopuskaemymi pri podgotovke, naznachenii i proizvodstve sudebnykh ekspertiz [Determinism of the problems of using the expert's opinion as evidence by mistakes made in the preparation, appointment and production of forensic examinations]. *Lex russica*. 2021;11:52-61. URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.180.11.052-061>. (In Russ.).
2. Levushkin AN. Grazhdansko-pravovoy rezhim genov kak obektov grazhdanskikh prav [Civil law regime of genes as objects of civil rights]. *Lex russica*. 2019;6:100-109. URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.100-109>. (In Russ.).
3. Shmarov LA. Logicheskiy analiz ponyatiya «meditsinskaya oshibka» [Logical analysis of the concept of «medical error»]. *Sudebno-Meditsinskaya Ekspertisa*. 2018;61(3):49-53. (In Russ.).
4. Shmarov LA. Problemy prichinnosti v sudebno-meditsinskikh ekspertizakh po «vrachebnym delam» [Problems of causality in forensic medical examinations on «medical cases»]. *Sudebno-Meditsinskaya Ekspertisa*. 2021;64(1):5-11. (In Russ.).
5. Yurasov VV, Smakhtin RE. O prikladnom mediko-yuridicheskom znachenii ponyatiya «vrachebnaya oshibka» [On the applied medical and legal meaning of the concept of «medical error»]. *Sudebno-Meditsinskaya Ekspertisa*. 2014;57(5):53-55. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.131-138

В. М. Шеншин*

Административное расследование, проводимое должностными лицами войск национальной гвардии, как институт военного и административного права требует совершенства

Аннотация. На основе анализа нормативных правовых актов выявляются понятие и особенности проведения административного расследования, предусмотренного как военным, так и административным законодательством. Анализируются основания, цели и порядок проведения административного расследования. Акцентируется внимание на том, что в сфере военно-служебных отношений административное расследование проводится в отношении подчиненных военнослужащих, в то время как административное законодательство предписывает проведение административного расследования в отношении физических лиц и организаций, организационно не подчиненных войскам национальной гвардии. Указываются ошибки, влияющие на признание судом процессуального порядка проведения проверки, а также административного расследования незаконным или необоснованным. Речь идет о том, что в административном расследовании (разбирательстве) участвует юридическое (правовое) подразделение. При этом административное законодательство по-иному рассматривает данную процедуру. Упоминается, что если уровень компетенции в воинской части оценивает командир (начальник), то компетенцию должностных лиц оценивает суд, который уполномочен либо утвердить принятое решение, либо его отменить. Обосновывается, что инициатором административного расследования выступает соответствующий командир (начальник), назначающий такое расследование самостоятельно либо на основании письменного рапорта военнослужащего, уведомления медицинской организации, сообщения правоохранительных органов, уведомления (сообщения, заявления) иных лиц, в том числе родственников пострадавшего военнослужащего. Поводом для проведения административного расследования выступает определение о проведении административного расследования, вынесенное на основании решения должностного лица. Смешение двух форм проверок на практике приводит к неправильному применению нормативных правовых актов, что порождает путаницу. Отсюда следует, что административное расследование в сфере военно-служебных отношений необходимо назвать по-иному, удалив из оборота термин «административное расследование».

Ключевые слова: административное законодательство; административное расследование; административно-юрисдикционная деятельность; военное законодательство; войска национальной гвардии; производство по делам об административных правонарушениях; разбирательство; государственная безопасность; общественная безопасность; сроки проведения административного расследования; должностное лицо.

Для цитирования: Шеншин В. М. Административное расследование, проводимое должностными лицами войск национальной гвардии, как институт военного и административного права требует совершенства // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 7. — С. 131–138. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.131-138.

© Шеншин В. М., 2022

* Шеншин Виктор Михайлович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России
Московский просп., д. 149, г. Санкт-Петербург, Россия, 196105
vitya-shen@mail.ru

Administrative Investigation conducted by the National Guard Troops Officials as an Institution of Military and Administrative Law Needs to Be Improved

Viktor M. Shenshin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia
Moskovsky prosp., d. 149, St. Petersburg, Russia, 196105
vitya-shen@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of regulatory legal acts, the concept and features of conducting an administrative investigation provided for by both military legislation and administrative legislation are revealed. The grounds, objectives and procedure for conducting an administrative investigation are analyzed. Attention is given to the fact that in the field of military-service relations, an administrative investigation is conducted against subordinate military personnel, while administrative legislation prescribes an administrative investigation against individuals and organizations that are not organizationally subordinate to the National Guard troops. The errors affecting the recognition by the court of the procedural order for conducting an audit, as well as an administrative investigation, as illegal or unjustified are indicated. We are talking about the fact that a legal unit participates in the administrative investigation (proceedings). At the same time, the administrative legislation considers this procedure differently. It is mentioned that if the level of competence in a military unit is assessed by the commander (chief), then the competence of officials is assessed by the court, which is authorized either to approve the decision taken or to cancel it. It is substantiated that the initiator of the administrative investigation is the appropriate commander (chief), who appoints such an investigation independently or on the basis of a written report of a serviceman, notification of a medical organization, notification of law enforcement agencies, notification (messages, statements) of other persons, including relatives of the injured serviceman. The reason for conducting an administrative investigation is a ruling on conducting an administrative investigation made based on a decision of an official. The mixing of the two forms of inspections in practice leads to the incorrect application of regulatory legal acts, which creates confusion. This leads to the fact that an administrative investigation in the field of military service relations should be called differently, removing the term «administrative investigation» from circulation.

Keywords: administrative legislation; administrative investigation; administrative and jurisdictional activities; military legislation; national guard troops; proceedings on administrative offenses; proceedings; state security; public safety; timing of the administrative investigation; official.

Cite as: Shenshin VM. Administrativnoe rassledovanie, provodimoe dolzhnostnymi litsami voysk natsionalnoy gvardii, kak institut voennogo i administrativnogo prava trebuets sovershenstva [Administrative Investigation Conducted by the National Guard Troops Officials as an Institution of Military and Administrative Law Needs to Be Improved]. *Lex russica*. 2022;75(7):131-138. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.131-138. (In Russ., abstract in Eng.).

На справедливость судебного разбирательства, а также на разбирательство в разумный срок Конституционным Судом РФ внимание обращалось неоднократно¹. Использование при этом механизма административно-правового регулирования должно предоставлять гражданам возможность доступа к правосудию, что, в свою очередь, согласуется с рассмотрением дел в разумный срок². Европейский Суд по правам

человека о проведении расследования говорит как о необходимости принятия мер, направленных на получение конечного результата. При этом не всегда расследование должно заканчиваться успешно, но оно должно приводить к выяснению обстоятельств дела, привлечению виновных к ответственности³.

По Ожегову, «расследовать» значит «подвергать всестороннему рассмотрению, изуче-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 12.03.2019 № 578-О «По жалобе гражданина Сулова Олега Борисовича на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: www.pravo.gov.ru.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2011 № 17-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ю. Какучева» // URL: www.pravo.gov.ru.

³ Постановление Европейского Суда по правам человека от 24.07.2008 по делу «Владимир Романов против России», решение от 11.10.2011 по делу «Алоян и Набрян против России».

нию, проведение следствия, т.е. выяснение обстоятельств, связанных с преступлением»⁴. Следовательно, административное расследование вписывается в обозначенную конструкцию.

А. С. Телегин, ведя речь об административном расследовании, говорит о нем как о «регламентированной законодательством деятельности уполномоченных лиц, направленной на установление фактических обстоятельств правонарушения, их фиксирование и юридическую квалификацию, завершающуюся составлением специального процессуального документа»⁵.

Д. Н. Бахрах видит в административном расследовании «комплекс процессуальных действий, направленных на установление самого события правонарушения, обстоятельств проступка, их фиксирование и квалификацию»⁶.

Обусловленность современного российского законодательства требует в некоторой степени пояснений. Так, статья 28.7 КоАП РФ⁷ предписывает Росгвардии, наряду с иными федераль-

ными органами исполнительной власти, в случаях, предусмотренных законом, проведение административного расследования.

Обратим внимание на категории должностных лиц Росгвардии, уполномоченных на проведение административного расследования⁸.

В 2016 г. Президентом РФ принят шаг⁹, направленный на кардинальное переосмысление сути порядка обеспечения государственной и общественной безопасности¹⁰.

Ранее во внутренних войсках применялись акты, направленные на регулирование порядка проведения административного расследования¹¹.

В приказе ГКВВ МВД России от 28.05.2015 № 163¹² предусматривался институт правоохранительной деятельности, включающий в себя в том числе и порядок проведения административных расследований¹³.

Приказом ГКВВ МВД России от 28.05.2015 № 162¹⁴ утверждена Инструкция о порядке рас-

⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/204190> (дата обращения: 04.02.2022).

⁵ Телегин А. С. Расследование административных правонарушений : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1983. С. 55.

⁶ Бахрах Д. Н. Административное право. М., 1997. С. 325.

⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

⁸ В соответствии со ст. 24 Федерального закона от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» в войсках национальной гвардии проходят службу по сути три категории государственных служащих — это военнослужащие, сотрудники (или, как звучит эта формулировка в законе, — лица, проходящие службу в войсках национальной гвардии и имеющие звания полиции) и федеральные государственные гражданские служащие.

⁹ Указ Президента РФ от 05.04.2016 № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 15. Ст. 2072.

¹⁰ Напомним, что внутренние войска МВД России были преобразованы в Федеральную службу войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардия), которая стала новым типом силового ведомства.

¹¹ Приказ Главнокомандующего внутренними войсками МВД РФ от 05.07.2005 № 220 «Об утверждении Наставления по организации и осуществлению правового обеспечения внутренних войск МВД России при повседневной деятельности, а также при выполнении ими задач во внутренних вооруженных конфликтах немеждународного характера и особенностях применения в них норм международного гуманитарного права» // Документ опубликован не был (утр. силу).

¹² Приказ ГКВВ МВД России от 28.05.2015 № 163 «О мерах по повышению эффективности процессуальной деятельности органов дознания во внутренних войсках МВД России, внесении изменений в приказы главнокомандующего внутренними войсками МВД России и признании утратившим силу приказа главнокомандующего внутренними войсками МВД России» // Документ опубликован не был.

¹³ Под административным расследованием (разбирательством) понималась деятельность воинских должностных лиц по расследованию каждого факта причинения вреда здоровью военнослужащих, установлению фактических обстоятельств совершения военнослужащими, гражданским персоналом правонарушений, причинения ими материального ущерба, в целях принятия законного и обоснованного решения.

¹⁴ Приказ ГКВВ МВД России от 28.05.2015 № 162 «Об утверждении инструкции о порядке расследования фактов причинения вреда здоровью военнослужащими» // Документ опубликован не был.

следования фактов причинения вреда здоровью военнослужащих. Указанной Инструкцией устанавливались обязательные требования к порядку расследования фактов причинения вреда здоровью военнослужащих внутренних войск МВД России в период прохождения ими военной службы.

Современное военное законодательство также предусматривает особенности проведения административного расследования. К примеру, Федеральный закон от 12.07.1999 № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих»¹⁵ раскрывает порядок проведения административного расследования при обнаружении ущерба (ст. 7), срок которого составляет месяц. При необходимости срок может быть продлен до трех месяцев¹⁶.

Срок же проведения административного расследования не может превышать один месяц, с возможностью пролонгации не более одного месяца.

Продление разбирательства осуществляется на основании решения командира (начальника). Административное расследование продлевается на основании принятого определения.

Решение о продлении разбирательства принимается в виде резолюции командира (начальника) на рапорте должностного лица о продлении. Решение о продлении срока проведения административного расследования принимается в виде определения¹⁷.

Таким образом, инициатор указанной процедуры — соответствующий командир (начальник), назначающий такое расследование самостоятельно либо на основании письменного рапорта военнослужащего, уведомления медицинской организации, сообщения правоохрани-

тельных органов, уведомления (сообщения, заявления) иных лиц, в том числе родственников пострадавшего военнослужащего.

Соответственно, назначение административного расследования — исключительная компетенция командира (начальника). При этом привлечение военнослужащего к дисциплинарной или материальной ответственности — это право, а не обязанность командира, влиять на которое никто не может¹⁸. Поводом же для проведения административного расследования выступает определение о проведении расследования, вынесенное на основании решения должностного лица войск национальной гвардии (ч. 2, 3 ст. 28.7 КоАП РФ).

Если административное расследование по военному законодательству проводится для выявления причин получения травмы военнослужащим, причинения вреда имуществу воинской части, его размера и виновных лиц, то административное законодательство целью проведения административного расследования видит защиту личности, охрану общественного порядка и общественной безопасности, защиту законных экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений, а также предупреждение административных правонарушений (ст. 1.2 КоАП РФ).

Получение письменного объяснения от военнослужащего, по мнению Конституционного Суда РФ, служит целью дать ему возможность изложить свою позицию относительно вменяемого ему проступка. Административное расследование оканчивается составлением протокола об административном правонарушении либо выносится постановление о прекращении дела

¹⁵ СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3682.

¹⁶ См.: Корякин В. М., Кудашкин А. В., Фатеев К. В. Военно-административное право (военная администрация). М. : За права военнослужащих, 2008. С. 451.

¹⁷ В определении о продлении срока проведения административного расследования указываются дата и место составления определения, должность, фамилия и инициалы лица, составившего определение, основания для продления срока проведения административного расследования, срок, до которого продлено проведение административного расследования. Определение о продлении срока проведения административного расследования подписывается вынесшим его в соответствии с ч. 5 ст. 28.7 КоАП РФ руководителем или его заместителем (ч. 5.1 ст. 28.7 КоАП РФ). Резолюция командира (начальника) в устной форме доводится военнослужащему. Копия определения о продлении срока проведения административного расследования в течение суток вручается под расписку либо высылается физическому лицу или законному представителю юридического лица, в отношении которых проводится административное расследование, а также потерпевшему (ч. 5.2 ст. 28.7 КоАП РФ).

¹⁸ Шеншин В. М. О некоторых особенностях проведения административных расследований в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Право в вооруженных силах. 2017. № 8 (241). С. 12–15.

об административном правонарушении (ч. 6 ст. 28.7 КоАП РФ)¹⁹.

Законодатель предъявляет определенные требования к форме и содержанию протокола, одним из которых выступает получение объяснения виновного лица²⁰.

Таким образом, как в сфере военно-служебных отношений, так и при административно-правовом регулировании объяснение целесообразно получать письменно. При этом форма бланка объяснения в КоАП РФ не установлена, однако подзаконные правовые акты предписывают получать объяснение от военнослужащих в строго определенных бланках объяснений.

При отказе давать объяснение в обоих случаях составляется акт об отказе давать объяснение, который подписывается двумя понятыми.

Если проведение административного расследования поручается командиром (начальником) должностным лицам воинской части, то в административном законодательстве данный порядок представляется более сложным.

Исследование законодательства позволяет сделать вывод о том, что административно-юрисдикционная деятельность Росгвардии регулируется ст. 23.85, 28.3 КоАП РФ. При этом

часть 1 ст. 23.85 КоАП РФ раскрывает категории дел, подведомственных Росгвардии²¹.

Перечень лиц, обладающих правом возбуждать дела об административных правонарушениях, предусмотрен не только частью 2 ст. 23.85, но и пунктами 79, 91.1 и 103 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ.

Акцентируем внимание на внутриведомственном акте Росгвардии, в соответствии с которым также можно выявить перечень лиц, обладающих полномочиями по составлению протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных КоАП РФ²². Однако нюансы реализации указанным актом полномочий, предоставленных должностным лицам, не конкретизированы.

При работе над данной статьей автор пришел к выводу о несоответствии п. 103 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ и приказа Росгвардии от 14.11.2018 № 498, выражающемся в том, что статьей 23.85 КоАП РФ не охватываются составы административных правонарушений, указанных п. 103 и приказом Росгвардии.

При проведении административного расследования (разбирательства) участвует юридическое (правовое) подразделение. В адми-

¹⁹ Рассматривая вопрос об обжаловании протокола об административном правонарушении, Конституционный Суд РФ делает акцент на том, что «протокол об административном правонарушении представляет собой процессуальный документ, фиксирующий фактические данные, имеющие значение для правильного разрешения дела об административном правонарушении; положения КоАП РФ не предусматривают подачу лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, самостоятельной жалобы на указанный процессуальный документ; однако это не лишает данное лицо права по результатам ознакомления с протоколом об административном правонарушении представить свои объяснения и замечания по его содержанию, которые прилагаются к протоколу (ч. 4 ст. 28.2 КоАП РФ), а при обжаловании постановления (решения) по делу об административном правонарушении (ст. 30.1 и 30.12 КоАП РФ) — привести в жалобе замечания и возражения на протокол об административном правонарушении, которые подлежат оценке судьей, должностным лицом при рассмотрении жалобы» (определение от 26.11.2018 № 3071-О).

²⁰ Шеншин В. М. Оформление протокола об административном правонарушении должностными лицами войск национальной гвардии при осуществлении ими административно-юрисдикционной деятельности: вопросы применения // Российская юстиция. 2020. № 2. С. 22–24 ; Назарова И. С., Шеншин В. М. К вопросу о закреплении приказом руководителя федерального органа исполнительной власти формы протокола об административном правонарушении // Административное право и процесс. 2022. № 1. С. 38–41.

²¹ Шеншин В. М. Концепция административно-юрисдикционной деятельности Росгвардии: точка зрения // Военное право. 2020. № 1 (59). С. 56–61.

²² Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии РФ от 14.11.2018 № 498 «Об утверждении Перечня должностных лиц войск национальной гвардии Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, и признании утратившими силу некоторых нормативных правовых актов Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» // URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 05.12.2018).

нистративном законодательстве ситуация иная, участие принимают виновное лицо, его представитель, должностное лицо властного органа.

Если уровень компетенции в воинской части оценивает командир (начальник), то компетенцию должностных лиц оценивает суд, который уполномочен либо утвердить принятое решение, либо его отменить.

Назначение проверки не устанавливает факта совершения военнослужащим дисциплинарного проступка, так же как и вынесение определения о проведении административного расследования не означает наличия вины у лица, совершившего административное правонарушение. Дисциплинарный проступок, административное правонарушение и вина устанавливаются в первом случае в ходе проведения проверки, во втором случае — в ходе проведения административного расследования.

В случае увольнения военнослужащего заключение о проведении проверки выносится, но сам бывший военнослужащий к дисциплинарной ответственности не привлекается, в то время как увольнение должностного лица, а также реорганизация юридического лица никак не влияют на привлечение виновного к административной ответственности. В этом кроется один из важных аспектов привлечения виновных лиц к административной ответственности.

Существенными ошибками, при этом влияющими на признание судом процессуального порядка проведения проверки, а также административного расследования незаконными или необоснованными, выступают:

- отсутствие доказательств, подтверждающих факт истребования объяснения, как от военнослужащего, так и от виновного лица или его представителя;
- несоставление акта об отказе от дачи объяснения;
- отсутствие перечня вопросов, на которые должно ответить лицо;
- не установлены объективно и всесторонне не исследованы обстоятельства совершения проступка;
- ненадлежащее исполнение лицом должностных обязанностей, вызванных объективными причинами;
- при привлечении к дисциплинарной или административной ответственности не учтены тяжесть проступка и обстоятельства его совершения, предшествующее поведение виновного лица, его отношение к исполнению должностных обязанностей;

— не доказано виновное, ненадлежащее исполнение лицом должностных обязанностей, не учтены причины и условия, способствовавшие совершению проступка или административного правонарушения;

— процессуальные документы не подписаны соответствующим должностным лицом.

Производство по расследованию факта получения травмы или причинения вреда имуществу части считается возбужденным с момента принятия решения командиром (начальником), в то время как дело об административном правонарушении будет возбуждено с момента вынесения определения о возбуждении дела об административном правонарушении (п. 4 ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ).

По окончании расследования составляется заключение по факту получения травмы или причинения ущерба. В свою очередь, административное расследование заканчивается составлением протокола об административном правонарушении (ч. 3 ст. 28.5 КоАП РФ).

Таким образом, из анализа приведенных нормативных правовых актов вытекает, что к административному расследованию, предусмотренному КоАП РФ, предъявляются более строгие требования по сравнению со схожим институтом военного права.

В разделе XIV распоряжения ФСВНГ РФ от 24.11.2017 № 1/8934 «Об обеспечении безопасности военной службы в войсках национальной гвардии Российской Федерации» речь идет о расследовании. Термин «административное расследование» не упоминается. Но это не означает, что при проведении проверки травмирования военнослужащего или причинения им ущерба имуществу не применяются нормы административного законодательства. Такая тенденция наблюдается у должностных лиц, не обладающих должным опытом при проведении расследований. Указанный недостаток устраняется в ходе проверки.

Необходимо внести изменения в военное законодательство с целью ухода от путающейся терминологии и четкого разграничения административного расследования и административного расследования в соответствии с КоАП РФ.

Смешение двух форм проверок на практике приводит к неправильному применению нормативных правовых актов, что порождает путаницу. Отсюда следует, что административное расследование, проводимое в сфере военных служебных отношений, необходимо назвать

по-иному, удалив из оборота термин «административное расследование».

Считаем необходимым внести соответствующие изменения в приведенные нормативные

правовые акты, затрагивающие сферу военного законодательства, и вместо термина «административное расследование» применять дефиницию «разбирательство».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бахрах Д. Н. Административное право. — М., 1997.
2. Герман Е. С. Проблемы правового регулирования мер административного принуждения, применяемых военнослужащими войск национальной гвардии // Военное право. — 2017. — № 6 (46).
3. Герман Е. С. Производство по делам об административных правонарушениях как особая процессуальная форма реализации административно-процессуального статуса физических лиц // Вестник НГУ. Серия «Право». — 2010. — Т. 6, вып. 2.
4. Корякин В. М., Кудашкин А. В., Фатеев К. В. Военно-административное право (военная администрация). — М. : За права военнослужащих, 2008.
5. Назарова И. С., Шеншин В. М. К вопросу о закреплении приказом руководителя федерального органа исполнительной власти формы протокола об административном правонарушении // Административное право и процесс. — 2022. — № 1. — С. 38–41.
6. Телегин А. С. Расследование административных правонарушений : дис. ... канд. юрид. наук. — Свердловск, 1983.
7. Шеншин В. М. Концепция административно-юрисдикционной деятельности Росгвардии: точка зрения // Военное право. — 2020. — № 1 (59). — С. 56–61.
8. Шеншин В. М. О некоторых особенностях проведения административных расследований в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Право в вооруженных силах. — 2017. — № 8 (241). — С. 12–15.
9. Шеншин В. М. Оформление протокола об административном правонарушении должностными лицами войск национальной гвардии при осуществлении ими административно-юрисдикционной деятельности: вопросы применения // Российская юстиция. — 2020. — № 2. — С. 22–24.

Материал поступил в редакцию 21 марта 2022 г.

REFERENCES

1. Bakhrah DN. Administrativnoe pravo [Administrative law]. Moscow; 1997. (In Russ.).
2. German ES. Problemy pravovogo regulirovaniya mer administrativnogo prinuzhdeniya, primenyaemykh voennosluzhashchimi voysk natsionalnoy gvardii [Problems of legal regulation of administrative coercion measures used by service members of the National Guard troops]. *Voennoe pravo [Military law]*. 2017;6(46). (In Russ.).
3. German ES. Proizvodstvo po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh kak osobaya protsessualnaya forma realizatsii administrativno-protsessualnogo statusa fizicheskikh lits [Proceedings on cases of administrative offenses as a special procedural form of realization of the administrative procedural status of individuals]. *Vestnik NGU. Seriya «Pravo» [Vestnik NSU. Series «Law»]*. 2010;6(2). (In Russ.).
4. Koryakin VM, Kudashkin AV, Fateev KV. Voенно-administrativnoe pravo (voennaya administratsiya) [Military administrative law (military administration)]. Moscow: Za prava voennosluzhashchikh Publ.; 2008. (In Russ.).
5. Nazarova IS, Shenshin VM. K voprosu o zakreplenii prikazom rukovoditelya federalnogo organa ispolnitelnoy vlasti formy protokola ob administrativnom pravonarushenii [On the issue of fixing the form of the protocol on an administrative offense by the order of the head of the federal executive authority]. *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*. 2022;1:38-41. (In Russ.).
6. Telegin AS. Rassledovanie administrativnykh pravonarusheniy: dis. ... kand. yurid. nauk [Investigation of administrative offenses. Cand. Sci. (Law) Thesis]. Sverdlovsk; 1983. (In Russ.).

7. Shenshin VM. Kontsepsiya administrativno-yurisdiktsionnoy deyatel'nosti Rosgvardii: tochka zreniya [The concept of administrative and jurisdictional activity of Rosgvardiya: A viewpoint]. *Voennoe pravo [Military law]*. 2020;1(59):56-61. (In Russ.).
8. Shenshin VM. O nekotorykh osobennostyakh provedeniya administrativnykh rassledovaniy v voyskakh natsionalnoy gvardii Rossiyskoy Federatsii [About some features of conducting administrative investigations in the troops of the National Guard of the Russian Federation]. *Pravo v vooruzhennykh silakh [Law in the Armed Forces — Military Legal Review]*. 2017;8(241):12-15. (In Russ.).
9. Shenshin VM. Oformlenie protokola ob administrativnom pravonarushenii dolzhnostnymi litsami voysk natsionalnoy gvardii pri osushchestvlenii imi administrativno-yurisdiktsionnoy deyatel'nosti: voprosy primeneniya [Protocol on an administrative offense registration by officials of the National Guard troops when they carry out administrative and jurisdictional activities: issues of application]. *Rossiyskaya yustitsiya [Russian Justitia]*. 2020;2:22-24. (In Russ.).

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА
PRO ET CONTRA

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.139-147

Yu. S. Bezbodov*,
I. A. Vedel**,
R. M. Khalafyan*****Rein Müllerson's New Philosophy of International Law**

Abstract. Researchers of international legal reality continue to master the theoretical advances of prof. Rein Müllerson. Newly published monograph by Austin Macauley Publishers Ltd *Living In Interesting Times: Curse or Chance? Recollections of an International Lawyer — Participant and Observer* sums up the fruitful work of this famous international lawyer, conveys his experience to the next generations of theorists and practitioners. An experience that not only contains the international legal qualification of modern life's complex concepts, but also brings them together into a coherent system. Based on a broad doctrinal basis, the book is, in the words of the author himself, a reflection of subjective realism, the author's understanding of the philosophy of international law. Operating with such instruments of a modern researcher of international relations as liberalism and democratization, globalization and regionalization, linking the theory built in the Soviet scientific paradigm with the practice tested in the UN structures, the author brought international law to a higher level of comprehension as a complex system of regulators of interstate behavior. The neutral and non-politicized views of prof. Müllerson on most modern international problems, as well as his rich experience in the application of legal norms in practice, should be appreciated by present and future generations of researchers interested in building a new world — free from wars and confrontations.

Keywords: realism; legacy; international law; international relations; Müllerson; liberalism; totalitarianism; democratization; globalism.

Для цитирования: Bezbodov YuS, Vedel IA, Khalafyan RM. Rein Müllerson's New Philosophy of International Law. *Lex russica*. 2022;75(7):139-147. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.139-147. (In Eng., abstract in Russ.)

© Bezbodov Yu. S., Vedel I. A., Khalafyan R. M., 2022

* *Yuriy S. Bezbodov*, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of International and European Law, V.F. Yakovlev Ural State Law University
ul. Kolmogorova, d.54, Ekaterinburg, Russia, 620137
yury.bezbodov@gmail.com

** *Igor A. Vedel*, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of International and European Law, V.F. Yakovlev Ural State Law University
ul. Kolmogorova, d.54, Ekaterinburg, Russia, 620137
igor_wedel@mail.ru

*** *Rustam M. Khalafyan*, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of International and European Law, V.F. Yakovlev Ural State Law University
ul. Kolmogorova, d.54, Ekaterinburg, Russia, 620137
khalafyanrm.86@gmail.com

Новая философия международного права Рейна Мюллерсона

Безбородов Юрий Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева

ул. Колмогорова, д. 54, г. Екатеринбург, Россия, 620034
yury.bezborodov@gmail.com

Ведель Игорь Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева

ул. Колмогорова, д. 54, г. Екатеринбург, Россия, 620034
igor_wedel@mail.ru

Халафян Рустам Мартикович, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева

ул. Колмогорова, д. 54, г. Екатеринбург, Россия, 620034
khalafyanrm.86@gmail.com

Аннотация. Исследователи международно-правовой действительности продолжают изучать теоретические достижения проф. Рейна Мюллерсона. Недавно опубликованная монография издательством Austin Masealey Publishers Ltd «Жизнь в интересные времена: проклятие или возможность? Воспоминания юриста-международника — участника и наблюдателя» подводит итог плодотворной работе этого известного юриста-международника, передает его опыт следующим поколениям теоретиков и практиков. Опыт, который не только содержит международно-правовую квалификацию сложных концепций современной жизни, но и объединяет их в целостную систему. Написанная на базе большого количества доктринальных источников, книга является, по словам самого автора, отражением субъективного реализма, авторского понимания философии международного права. Опираясь такими инструментами современного исследователя международных отношений, как либерализм и демократизация, глобализация и регионализация, связывая теорию, построенную в советской научной парадигме, с практикой, апробированной в структурах ООН, автор вывел международное право на более высокий уровень понимания как сложную систему регуляторов межгосударственного поведения. Нейтральные и неполитизированные взгляды проф. Мюллерсона на большинство современных международных проблем, а также его богатый опыт применения правовых норм на практике должны быть оценены нынешним и будущими поколениями исследователей, заинтересованных в построении нового мира — свободного от войн и конфронтаций.

Ключевые слова: реализм; наследие; международное право; международные отношения; Мюллерсон; либерализм; тоталитаризм; демократизация; глобализм.

Для цитирования: Безбородов Ю. С., Ведель И. А., Халафян Р. М. Новая философия международного права Рейна Мюллерсона // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 7. — С. 139–147. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.139-147.

I. Formative Years (Soviet Estonia, Moscow University, the Academy of Sciences of the USSR): the 1950–70s

Quite interesting autobiographies of people who were not only witnesses of modern rapid history, but also its creators were published at the end of 2020 and the beginning of 2021¹. This category of

novelties also includes the autobiography *Living In Interesting Times: Curse or Chance?* (London, 2021, 219 p.) of R. Müllerson, who played a significant role in reformatting the Eurasian legal order at the turn of the millennium.

R. Müllerson was born, grew up and became a person in times of change — a difficult period of history for any nation and any country. The occu-

¹ *Albright M.* Hell and Other Destinations: A 21st-Century Memoir, 2020 ; *Obama B.* A Promised Land, 2020.

² *Müllerson R.* Living in Interesting Times: Curse or Chance? Recollections of an International Lawyer — Participant and Observer, 2021. P. 19–28.

pation, the armed conflict, forced displacement — these are the circumstances through which the Estonian society passed before and after the Second World War and which can either temper a person or break him. The difficult life circumstances that the future world famous researcher of law and theorist faced in his youth, allowed him to absorb the experience so necessary for every person. Having reworked and rethought it, R. Müllerson was able to build his own legal approaches and concepts that influenced the Soviet, Estonian and, as a result, the international (universal) legal order. R. Müllerson described his childhood colorfully, truthfully and, at the same time, with an open mind (which is characteristic of his style of narration), which began from birth on the road and spent in Estonia, in the corresponding chapter of his autobiography². The history of the native country, seen through the eyes of a little boy and rethought by a mature scientist and politician, seemed to be a theatrical scenery against which in the 20th century the fascist Reich and the communist USSR played bigger cards. In this regard, it should pay tribute to how objective and impartial evaluation of the many events is given in this book.

Evaluating the hardships of two similar and simultaneously different regimes, prof. Müllerson claims: «both totalitarianisms — fascism and communism — were indeed in some respects similar. However, their ideologies were rather different. If fascism represented moral nihilism and ideas of supremacy of certain races or nations, communism was a utopian creed, which due to its humane ideas had wide attraction»³.

It seems that this complicated and difficult experience, through which both the Estonian nation as a whole and Estonian Rein boy in particular have passed, have become the value foundation that allowed R. Müllerson to operate in the future with such categories as «personal» and «common» interests. It is really a difficult challenge to balance these categories and lay them in the basis of your own worldview system in order to transfer them to the field of serving your own country and the world at large: «Estonia in autumn 1991 ratified, on my initiative, together with many other UN human rights instruments the UN Covenant on Economic, Social and Cultural Rights»⁴.

It is often impossible to estimate the same event the one-sided. Therefore, even now, the revolution in 1917 seems to many Russians to be an important and necessary event for the development of a society, which liberated the population that was suffering from imperialism and class inequality. An objective view of history allows us to conclude that after the revolution, the population of the Russian Empire fell into even greater bondage, fell under the oppression of the uncontrollable and cruel dictatorship of the proletariat. But from Estonian or a Finnish point of view, it was, indeed, the Bolsheviks revolution that made possible their eventual independence. The events that took place in Russia at the beginning of the 20th century changed the entire subsequent structure of the world order, further dividing the world into West and East, which ultimately led to the Cold War. The main reason for the tragedy of the Russian Empire and the socialist experience is not readiness of a relatively backward country to build socialism according to Marxist patterns. Marx's ideas that a socialist revolution would have chances of success only in a highly developed industrial bourgeois society were discredited by the attempts of the Lenin government to implement this theory with significant utopian elements⁵.

In the book, prof. Müllerson delicately balances on well-known and well-established philosophical ideas (K. Marx, K. Popper, B. Russell, R. Collingwood, etc.) and concepts (historicism, determinism, voluntarism, etc.). He, fueled by his Nordic-Scandinavian roots, looks somewhat fatally at the problem of historical materialism. In his opinion, «in the history of humankind, there are three possible types of forces at play: (1) [...] patterns, trends, probabilities and regularities as well as sheer impossibilities and improbabilities [...]; (2) [...] certain parameters established not only by 'the necessary order of the physical universe', but established also by the limits of malleability of the social universe; (3) [...] accidents and unpredictable forces that do not have any trends or regularities. Such forces are not only of a physical nature, they may also originate in social life and even be unexpected results [...] of our conscious choices»⁶. Such a broad understanding of causes and effects in the history of mankind, often out of the control

³ Müllerson R. Living in Interesting Times. P. 23.

⁴ Müllerson R. Living in Interesting Times. P. 23.

⁵ Müllerson R. Living in Interesting Times. P. 31.

⁶ Müllerson R. Living in Interesting Times. P. 34.

of man's will, undoubtedly expands the horizons of historicism, taking it beyond the framework of determinism and voluntarism.

II. Encounters with the International Lawyers (Grigory Tunkin, Dame Rosalyn Higgins): His Majesty Chance. The Fight for Human Rights

A special place in the memoirs is occupied by the chapter dedicated to G. Tunkin — the teacher who played a key role in the fate of the author, and the architect of the Soviet doctrine of international law. The utopian teacher G. Tunkin, unlike the realist student R. Müllerson, worked not only with his head, but also with his heart. He was also a kind of utopian (in Koskenniemi's sense), who sincerely believed in the ability of international law to contribute to the world peace⁷. By the way, now the student believes the world famous «theory of the coordination of wills» in the process of creating the norms of international law created by the teacher does not differ much from Western approaches to this problem⁸.

In this historically valuable chapter, the author deals with many issues of deep character along the way that contributed to the fall of the curtain and the disintegration of the Soviet Union. He critically analyzes many of the contradictions of our time that could lead to the collapse of Western civilization. So, the author, based on his Soviet experience, notes, and it is difficult to disagree with him: «political correctness running amok in Western societies is not socially innocuous»⁹.

Another person who has played a large role in the life of the author and his family is Dame R. Higgins. When describing life in London, attention is paid to the impressions of communicating with her. Probably, the interest in the perception of international law through the prism of politics, philosophy and economics is to some extent due to the disputes with Dame R. Higgins, a vivid supporter of a policy-oriented approach to international law.

To some extent prof. Müllerson was among those who took part in laying the foundation for the effective application of universal international norms on the protection of human rights in the Soviet legal system. It's about discussing the possibility of ratification of certain human rights

instruments, including the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights. The Optional Protocol would have provided the Soviet citizens and all those under the jurisdiction of the state, the right to send complaints to the Human Rights Committee in Geneva. As a result, this would make it possible to make the political system of the USSR more open to the relevant international jurisdiction (the Protocol was ratified a few years later, on October 1, 1991).

Independent (with respect to the Soviet) approach to human rights in the UN Human Rights Committee did not remain without attention of then foreign policy leadership of the USSR. Dive into the sensitive issues for the state served as a powerful trigger for the formation of their own vision of their essence. The author outlined some conclusions in this area in his book *Human Rights: Theory, Norms and Practice* (Moscow, 1991). For the Soviet reader, this book was notable for the fact that it as an example of special bodies disclosed UN human rights mechanism. This question was not a subject of special study previously. Meanwhile, the monograph mostly treats of the mechanism itself and the human rights situation in the world. Beliefs about the nature of human rights have been formulated later.

III. U-turn in the teaching methodology and research

It is noteworthy that suitable conditions for scientific activity lead to the fact that during this period there is a gradual qualitative U-turn in the teaching methodology and research by prof. Müllerson of international law. If initially this or that issue was revealed by him mainly with the help of legal categories and concepts, in a more familiar way for international lawyers, then in subsequent writings the corresponding judgments were supplemented by socio-political observations. Here is how the professor himself describes the reasons for changing his attitude towards the explanation of international law: «I started also writing more and more not only in international law, but also on international relations theory and on politics. [...] Law is [...] a very important layer of social life. However, it is never an end in itself; it is an instru-

⁷ Müllerson R. Living in Interesting Times. P. 36.

⁸ Müllerson R. Living in Interesting Times. P. 40.

⁹ Müllerson R. Living in Interesting Times. P. 44.

ment of the achievement of certain social, political, economic and other goals; it is a mechanism of protection and promotion of certain values and interests. [...] One doesn't win cases by speculating at lengths on values protected by legal norms and principles or talking on philosophical foundations of law while addressing the jurors, judges or arbitrators. But [...] it may be necessary to go to the root causes of certain legal principles»¹⁰.

How can this approach be assessed? Needless to say, examining the causes of disagreements that lie outside the scope of the law should be considered by the judge, arbitrator or interested parties of the conflict. However, cannot this approach lead to the desire to resolve the disagreement in unlawful ways that run counter to the prescriptions of international law? Obviously, such a temptation can take place, but should be limited or excluded.

IV. Müllerson's Outlook for Values and Challenges of International Law and International Community

Most reflections on the nature of international law and its place in the system of inter-state and social relations and regulators end up thinking about the problem of the effectiveness of international law itself. Is there a worthy replacement for this regulator, or at least an assistant? In what direction will evolve and transform international law? How to improve and strengthen the mechanism of implementation of international law?

The theoretical developments laid down by G. Tunkin in the Moscow period of his life in the 1960–70s, Müllerson was able to bring to a new level of comprehension in the 21st century, based on his experience (work in practical positions of the highest level). The result of this research work was numerous publications of the so-called the third Tallinn period, in which the author himself tried to explore «underlying causes of the changes in the world, including the fundamental reasons why high expectations that many [...] had for the coming of an era when not force, but law would govern the behavior of states, didn't materialized»¹¹. Let us turn to the characteristics of the key concepts that currently constitute the sphere of scientific interests of prof. Müllerson.

The Human Rights. The result of his practical work began him to doubt the universality and naturalness of human rights. If you recognize all human rights are universal and natural, then, as rightly observed prof. Müllerson: «in such a case, human rights would have been like laws of nature (the laws of gravitation or quantum physics), waiting for thousands of years for a Newton or an Einstein of social sciences to discover them»¹². In other words, human rights are at different times and in different societies, so to speak, were not one and the same, respectively, it is rather problematic to characterize them all as universal. In this regard, the author's reflections seem logical and consistent: «I would admit that today some rights are (or it would be more precise to say, have become) universal, some may arguably be universal, i.e., their universal nature is not yet universally recognised, some may become universal in future, i.e. they are in principle universalizable. But there may be also rights that may never become universal, i.e. they may exist in some societies but be absent in others. And there may be even some rights that exist today but will disappear in future either because of the change of conditions that has made their realization possible or because a wrong that a specific human right has been called to prevent or remedy has disappeared»¹³.

Subjective realism and within the framework of the issue under consideration is manifested in the views of prof. Müllerson. He, expressing his position, warns individual states against actions to impose, either by the military or otherwise, their own standards in the field of human rights to other societies and states. The author formulates his own conclusions, in which we see a certain message, and perhaps even a call to the international community, to which it is impossible not to heed: «even the very idea of the universality of human rights, notwithstanding the good intentions of most of its advocates and regardless of the positive results these ideas have produced, has its dark side. Whether done purposefully to destroy societies that do not conform, or in the sincere belief that what is good and true for us is (or should be) good and true for all, such a forced homogenisation of the world by way of a heterogenisation of individual societies tears apart many countries, de-

¹⁰ Müllerson R. Living in Interesting Times. P. 95–96.

¹¹ Müllerson R. Living in Interesting Times. P. 122.

¹² Müllerson R. Living in Interesting Times. P. 71.

¹³ Müllerson R. Living in Interesting Times. P. 72.

stroying societal bonds that had developed during centuries or even millennia and are not amenable to rapid change»¹⁴.

The question of the natural grain of human rights is even more controversial. People are known to be biosocial creatures. In a biological sense, any person has the fit instincts given by nature (for example, fear, distrust of something or someone unfamiliar). In social terms, people are «doomed» to live in society, to communicate with each other, to unite in social groups and communities (family, the state, the international community) on the basis that whatever (views, religious beliefs, nationality, language, and so on) which sometimes leads to misunderstandings and direct clashes with other associations of people. In this regard, it is not surprising that wars have taken place and are still occurring, violence, xenophobia, discrimination are manifested in societies, despite the attempts of mankind (successful or not) to minimize these phenomena and their consequences. That is, the naturalness of human rights reflects not only the positive, but also the negative aspects of human nature in general. However, this does not diminish the importance of human rights.

Thus, regarding the naturalness of human rights, the author of the reviewed work comes to the conclusion that rights are natural only in the sense that they have developed (continue to take shape) as a result of a long process, the evolution of man (humanity) with all its inherent properties (positive and negative). Moreover, the naturalness of rights is also understood in different ways in different societies.

The Multipolarity in the international system. It is totally unjustified to study international legal problems without reference to politics, political science, international relations theory and economics. In this sense all the works of R. Müllerson, and especially the recent works¹⁵, as if build bridges between these pseudo-autonomous spheres of life. Ultimately the interests of all peoples and all mankind, and not of states or their groups, must be returned to the basis of international law.

Being no illusions about the possibility of recognition of the mistakes by senior management of several leading world states at the moment,

he hopes the younger generations. He speaks to them: «think more in terms of collective security than in terms of military alliances. Security against others has always been temporary, usually short-lived and often illusory. It is more difficult to create durable and effective collective security arrangements than collective self-defence organisations, that is to say, military alliances. Yet, the logic of military alliances is confrontational logic that, as history of international relations testifies, usually ends with a military confrontation»¹⁶.

We see a vivid manifestation of this confrontation in the Balkans at the turn of the millennium. NATO's bombing of Yugoslavia, the genocide in Srebrenica and other bloody pages of this war still occupy the minds of law researchers and political scientists. It is difficult to be objective in qualifying what happened in the Balkans. It is especially difficult to be objective, knowing through which filter and through which propaganda any information about this conflict passes.

The Multipolarity in the international system is needed due to the scale of the world and its diversity. Therefore, the current games with and against Russia and China, played by the United States and Europe, can and will certainly lead to the collapse of the entire international system, including the legal one. In this regard, prof. Müllerson's fears about the state of the current international legal order are understandable. It should be noted that as such, the balance of power concept is not new, but it is important to be aware of the presence of threats, to understand the fact that the assault on the status quo hinders the effective functioning of the international law. As B. Weiss rightly argued, «at least three developments challenge the legal order that we have known for the last nearly 70 years. These include the threats to multilateralism, the fragmentation of public international law, and the controversy surrounding the question of universal values. [...] Multilateralism, with the international cooperation that it represents, has been the globally accepted strategy for ensuring peace, promoting economic development, protecting the human environment, and fostering human rights. Some States have been pushing back against multilateralism and pro-

¹⁴ Müllerson R. Living in Interesting Times. P. 77.

¹⁵ Democracy Promotion: Institutions, International Law and Politics (2008) ; Democracy — A Destiny of Humankind? A Qualified, Contingent and Contextual Case for Democracy Promotion (2009) ; Regime Change: From Democratic Peace Theories to Forcible Regime Changes (2013) ; Dawn of a New Order: Geopolitics and Clash of Ideologies (2017).

¹⁶ Müllerson R. Living in Interesting Times. P. 127.

moting bilateral agreements or even unilateral policies»¹⁷.

It is noteworthy that the analysis of international relations in the book is, in principle, free from any criticism of international law itself. The emphasis is largely on the conditions of its functioning, predetermined by the policies of the leading countries. Indeed, international law largely depends on the actions of its actors and meets the interests of these countries. As T. Pogge writes, «the ability of affluent countries to take advantage of the fragmentation of the current global order is likely to be a long-lasting, if not permanent, feature of our world. These countries will probably continue to exploit this and other loopholes to further their ends»¹⁸.

In any case, it is interesting to know how prof. Müllerson describes the current system of international law that emerged after the tragedy in Yugoslavia and the active expansion of NATO in the late 1990s and early 2000s, albeit in the absence of the necessary balance of power. After all, modern international law has been making an important development path not only after the end of World War II and the confrontation of the both superpowers, but also over the past two decades.

The Morality and International Relations. R. Müllerson's reasoning about morality, international law and international relations is based not on simple theoretical views, but taking into account real international events with which the professor's professional activity was connected (for example, he tells us about his experience of work in the states of Central Asia, formed after the collapse of the Soviet Union).

Prof. Müllerson, noting that moral norms are applicable primarily in interpersonal relations, comes to the conclusion that in international (interstate) relations the issue of morality and its applicability is extremely important. However, moral norms should be applied with caution in international relations. He explains it by saying that it is in international relations, as opposed to interpersonal relationships, morality can be distorted and ambiguous. He philosophically notes: «the world

is too complicated and colourful to be adequately expressed in black and white colours: democracy versus authoritarianism, absolute evil versus absolute good»¹⁹.

R. Müllerson also discusses moral aspects in international relations in his other work devoted to issues of international law and the use of force. He notices: «If there are circumstances when the use of military force is the only means of protecting rights, and the resort to such an extreme measure, which in itself is wrought with the danger of massive violations of most fundamental human rights, is proportionate to the seriousness of the human rights violations (genocide, crimes against humanity and systemic massive violations of international humanitarian law), then the use of military force may be morally justified as a necessary condition of these rights being rights. The most important general guiding principle in such a situation should be that extreme human suffering, which one attempts to stop or prevent, has to be significantly and foreseeably higher than the human suffering that inevitably results from the use of force to end the suffering. And always, the objective should be to stop or prevent extreme human suffering and not to effect regime change, though this might occur as an inevitable or even necessary corollary of the intervention»²⁰.

His position is in many respects similar to the opinion of British political and legal philosopher Lord Raymond Plant who writes: «Our responsibility for the rights of others is therefore not confined to non-interference in those rights, but also has to involve responsibility for doing what we can to secure those enforceability conditions, just because these are part of having a right and therefore must be involved in what respecting rights means. This seems to me to be the best way of linking a concern for rights and the possibility of intervention in a particular country, which may not be securing the enforcement conditions»²¹.

The Globalization. The history of globalization as a social process with temporal and geographical characteristics reflects the history of all mankind, linking negative factors (such as campaigns

¹⁷ Weiss E. B. *Establishing Norms in a Kaleidoscopic World*, 2019. P. 392–393.

¹⁸ Pogge T. *Divided against itself: aspiration and reality of international law*, in: James Crawford and Martti Koskeniemi (eds.), *Cambridge Companion to International Law*, 2012. P. 396.

¹⁹ Müllerson R. *Living in Interesting Times*. P. 106.

²⁰ Müllerson R. *International Legal Politics and Use of Force // Theory and Practice of the restoration of rights*. 2013. № 1. P. 30.

²¹ Plant R. *Rights, Rules and World Order in Global Governance: Ethics and Economics of the World Order* (M. Desai, P. Redfern eds.). Pinter, 1995. P. 207.

of conquest and expansion of empires, epidemics, international criminal activity, etc.) and positive factors (desire for expansion and uniformity in all spheres of life, economic prerequisites, blurring of boundaries — real and virtual, etc.). The central problem of globalization is the search for a balance of interests, a kind of compromise between the needs of the economy and universal human values, such as the preservation of peace, respect for human rights, democracy, humanity, etc.²².

The openness of borders as a manifestation of globalization enhances the international demonstration of crisis phenomena. IT revolution and economic globalization force greater mobility of the population, but a significant part of the people were not ready for the rapidly changing conditions. Democracy is undermined by both economic liberalism and social liberalism. Prof. Müllerson comments on the situation as follows: «The wealth gaps are increasing practically in all countries. If in autocracies people are powerless vis-a-vis their rulers, in the globalised world people are powerless vis-a-vis global markets, even if they live in so-called liberal democracies. At the same time, the rise in importance of individual rights and rights of a multitude of minorities [...] are undermining social cohesion and common values»²³.

The work focuses on the negative consequences of globalization on peace and development. Pointless to object to this. Meanwhile, isn't there a reverse so-called «bright» side of this multifaceted phenomenon? Elimination of national, cultural, ideological and other differences is a condition, a feature of globalization as such. It is not able to globalization and international law predetermine the actions of participants in international relations for the implementation of a number of common tasks, albeit conditional in nature due to the differences inherent in a particular society?

V. Instead of Conclusion

One of the pleasant moments in human life is the opportunity to refer to the results of the activities of specialists whom you admire. And it is not in banal adherence to the latest trends, but the significance of the author's statement and the consonance of his reasoning for you personally. The author is not one of those who leave his colleagues without food for thought for a long time (a little over 3 years have passed since the publication of his previous evocative book *Dawn of a New Order: Geopolitics and the Clash of Ideologies*). As he often notes, «if one can live without writing, one should not write». He seems to have something to say. The new work is a visual confirmation.

The impartiality of the narrative and the balanced assessment of many past and present international legal problems is a good example of how to interpret the political events and to settle seemingly unsolvable differences. This approach helps to find a much needed compromise for all of us in international relations and international law. It is the guarantee of a long-awaited and lasting peace between torn apart by contradictions the leading poles of the international (heterogeneous) community striving for homogenization. Open-mindedness is a valuable quality for any, especially a practicing, international lawyer. For its formation it is important not only to be able to reconcile the parties, but also not to be indifferent to international incidents.

The work contains an appeal not only to its characters. Equally important is the appeal to the reader himself, on whom the future of peace and international law may depend. Rein Müllerson's new work is about how international law has been changed during difficult times for him — after the Second World War to the present day. But what is also important is that this work contains specific recipes in order to bring humanity out of the impasse.

REFERENCES

1. Безбородов Ю. С. Методы и формы правовой конвергенции в международном праве. — М. : Проспект, 2020.
2. Müllerson R. International Legal Politics and Use of Force // Theory and Practice of the restoration of rights. — 2013. — № 1. — P. 25–32.

²² Безбородов Ю. С. Методы и формы правовой конвергенции в международном праве. — М. : Проспект, 2020. С. 34–43.

²³ Müllerson R. Living in Interesting Times. P. 207.

3. *Müllerson R.* Living In Interesting Times: Curse or Chance? Recollections of an International Lawyer — Participant and Observer. — 2021. — 219 p.
4. *Plant R.* Rights, Rules and World Order // *Global Governance: Ethics and Economics of the World Order* / M. Desai, P. Redfern (eds.). — Pinter, 1995. — P. 190–218.
5. *Pogge T.* Divided against itself: aspiration and reality of international law // *Cambridge Companion to International Law* / J. Crawford and M. Koskeniemi (eds.). — 2012. — P. 373–397.
6. *Weiss E. B.* Establishing Norms in a Kaleidoscopic World. — 2019.

Материал поступил в редакцию 17 марта 2022 г.

REFERENCES

1. Bezborodov YuS. *Metody i formy pravovoy konvergentsii v mezhdunarodnom prave* [Methods and forms of legal convergence in international law]. Moscow: Prospekt Publ.; 2020. (In Russ.).
2. Müllerson R. International Legal Politics and Use of Force. *Theory and Practice of the restoration of rights*. 2013;1:25-32.
3. Müllerson R. Living in Interesting Times: Curse or Chance? Recollections of an International Lawyer — Participant and Observer. Austin Macauley Publishers Ltd; 2021.
4. Plant R. Rights, Rules and World Order. *Global Governance: Ethics and Economics of the World Order*. M. Desai, P. Redfern, editors. Pinter; 1995. Pp. 190–218.
5. Pogge T. Divided against itself: Aspiration and reality of international law. In: Crawford J, Koskeniemi M, editors. *Cambridge Companion to International Law*; 2012. Pp. 373–397.
6. Weiss EB. *Establishing Norms in a Kaleidoscopic World*. 2019.

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.148-159

Н. А. Мехренцева*,
З. А. Папулова**

К вопросу о понятийном аппарате российского судоустройства

Аннотация. Статья посвящена вопросам формирования понятийного аппарата российского судоустройства как самостоятельной отрасли права, имеющей свой специфический предмет и метод регулирования. Действующее российское судоустройственное законодательство есть совокупность нормативных актов, регулирующих организацию различных видов судов, образующих судебную систему Российской Федерации (Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов РФ, судов общей юрисдикции и арбитражных судов). Отдельный блок судоустройственных законов составляют нормативные акты о правовом положении судей, присяжных и арбитражных заседателей, а также об органах судебного сообщества и органах обеспечения деятельности суда. Все законы содержат определенный категориальный аппарат, который зачастую называют понятийным аппаратом. Авторы обращают внимание на то, что, несмотря на большую значимость, терминологическое единство в сфере судоустройства фактически отсутствует. Многие доктринальные определения не находят своей легальной поддержки, а потому получают различные толкования и смыслы, что в развитой правовой системе недопустимо. Помимо анализа понятийного аппарата, авторы также формулируют вывод о необходимости принятия единого судоустройственного кодекса, который решил бы многие проблемы юридической науки и практики.

Исследование вопросов понятийного аппарата российского судоустройства позволяет резюмировать, что, во-первых, базовые и производные дефиниции судоустройства практически отсутствуют в текстах нормативных правовых актов; во-вторых, одни и те же термины употребляются в разных значениях; в-третьих, не разработан четкий категориальный аппарат, который необходим для любой отрасли права; в-четвертых, необходимо принятие единого судоустройственного кодекса.

Ключевые слова: судоустройство; понятийный аппарат; судебная система; суды общей юрисдикции; специализированные суды; звено судебной системы; судебная инстанция; судебный участок; судебный район; судебный округ; арбитражный судебный округ; апелляционный и кассационный округ; судебные присутствия; президиум суда; пленум; состав суда; судебный состав; судоустройственный кодекс.

Для цитирования: Мехренцева Н. А., Папулова З. А. К вопросу о понятийном аппарате российского судоустройства // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 7. — С. 148–159. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.148-159.

© Мехренцева Н. А., Папулова З. А., 2022

* Мехренцева Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева

ул. Колмогорова, д. 54, г. Екатеринбург, Россия, 620034
nmehrentseva@yandex.ru

** Папулова Зоя Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева

ул. Колмогорова, д. 54, г. Екатеринбург, Россия, 620034
zoja.papulova@mail.ru

The Question of the Conceptual Apparatus of the Russian Judicial System

Natalya A. Mekhrentseva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Judicial Activity and Criminal Procedure, V.F. Yakovlev Ural State Law University
ul. Kolmogorova, d. 54, Ekaterinburg, Russia, 620137
nmekhrentseva@yandex.ru

Zoya A. Papulova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Judicial Activity and Criminal Procedure, V.F. Yakovlev Ural State Law University
ul. Kolmogorova, d. 54, Ekaterinburg, Russia, 620137
zoja.papulova@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the formation of the conceptual apparatus of the Russian judicial system as an independent branch of law with its own specific subject and method of regulation. The current Russian judicial system legislation is a set of normative acts regulating the organization of various types of courts that form the judicial system of the Russian Federation (the Constitutional Court of the Russian Federation and constitutional (statutory) courts of constituent entities of the Russian Federation, courts of general jurisdiction and arbitrazh (commercial) courts). A separate block of judicial laws consists of normative acts on the legal status of judges, jurors and arbitrazh (commercial) courts assessors, as well as on the bodies of the judicial community and the bodies ensuring the activities of the court. All laws contain a certain categorical apparatus, which is often called a conceptual apparatus. The authors draw attention to the fact that, despite its great importance, there is virtually no terminological unity in the sphere of the judicial system. Many doctrinal definitions do not find their legal support, and therefore receive different interpretations and meanings, which is unacceptable in a developed legal system. In addition to analyzing the conceptual apparatus, the authors also make a conclusion about the need to adopt a unified judicial code that would solve many problems of legal science and practice.

The study of the issues of the conceptual apparatus of the Russian judicial system makes it possible to summarize that, firstly, the basic and derived definitions of the judicial system are practically absent in the texts of normative legal acts; secondly, the same terms are used in different meanings; thirdly, a clear categorical apparatus has not been developed, which is necessary for any branch of law; finally, it is necessary to adopt a unified judicial code.

Keywords: judicial system; conceptual apparatus; judicial system; courts of general jurisdiction; specialized courts; element of the judicial system; judicial instance; court sub-district; court district; circuit; arbitrazh court district; appellate and cassation district; judicial presences; presidium of the court; plenum; bench; panel of judges; judicial code.

Cite as: Mekhrentseva NA, Papulova ZA. K voprosu o ponyatiynom apparate rossiyskogo sudoustroystva [The Question of the Conceptual Apparatus of the Russian Judicial System]. *Lex russica*. 2022;75(7):148-159. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.148-159. (In Russ., abstract in Eng.).

Современное российское судостроительное законодательство представляет собой совокупность нормативных актов, регулирующих организацию различных видов судов, образующих судебную систему Российской Федерации, — Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов РФ, судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Кроме того, отдельный блок судостроительных законов составляют нормативные акты о правовом положении судей, присяжных и арбитражных заседателей, а также об органах судейского сообщества и органах обеспечения деятельности суда.

Все они содержат определенный категориальный аппарат, который зачастую называют понятийным аппаратом.

Как известно, формальная определенность права достигается с помощью различных приемов юридической техники. Большую роль в этом играют правовые термины и дефиниции¹.

Термины занимают особое место в языке закона, являясь наименованиями определенных юридических понятий. Неразрывно связанный с выработанным юридической наукой понятием, термин выступает не только как его представитель, его символ в нормотворческой практике, но и как средство установления объема дан-

¹ Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права. Екатеринбург, 1997. С. 3.

ного понятия, а также передачи и адекватного восприятия информации, сосредоточенной во взаимосвязанных терминах².

Характеризуя юридическую природу легальных дефиниций, следует подчеркнуть, что это не только дефиниции, но и юридические нормы, получившие в правоведении название дефинитивных. Они не просто определяют те или иные понятия и термины, а обязывают субъектов к тому или иному их пониманию и применению, точно указанным в норме³.

Для любой отрасли права четкие дефиниции представляют собой тот каркас, который выстраивает нормы и институты в единую систему, имеющую особый предмет и метод регулирования, определяющие его своеобразие.

Следует заметить, что современное российское судоустройство вполне может претендовать на статус самостоятельной отрасли права в силу обособленности регулирования отношений, возникающих в сфере организации судебной власти.

Согласно общепринятому определению, отрасль права представляет собой совокупность правовых норм, отличающихся специфическим предметом и методом регулирования, охватывающим участки однородных общественных отношений⁴.

Специфическим предметом регулирования судоустройства права выступает совокупность отношений, возникающих в сфере организации судебной власти. В настоящее время положения о принципах построения судебной системы Российской Федерации, ее организации, целях и задачах суда, образовании отдельных видов судов, инстанционных и организационных судебных связях, правового положения судей и другие, представляют собой особый блок регулируемых правом отношений, самостоятельно и обособленно существующих от процессуальных отраслей и конституционного права.

Свои особенности имеет и метод правового регулирования судоустройства. В связи с тем что вопросы организации судебной власти входят в сферу регулирования публичного права, его юридический режим, метод правового регулирования может быть определен как импера-

тивный, направленный на обеспечение эффективности правосудия посредством правильной организации судебной системы и создания необходимых условий для деятельности судей.

К сожалению, судоустройственное законодательство не отличается единством подходов, достаточной терминологической проработкой, наличием полных и точных определений.

На сегодняшний день в упомянутом выше пакете нормативных актов отсутствует единый понятийный аппарат и даже единые общие базовые определения, на которых и должны основываться все производные дефиниции⁵.

Становление и развитие понятийного аппарата любой отрасли права имеет свою историю: их возникновение, изменение содержания либо исчезновение из юридического обихода соответствует конкретному этапу развития общества. Все известные судебные реформы начинались с изменений, вносимых в устройство суда, системы его органов, вопросов судебного управления, положения судей и т. п.

Понятие «судоустройство» известно российскому праву фактически начиная с памятников древнерусского права. По существу, о судоустройстве можно говорить с момента законодательного закрепления слова «суд» и с образованием в государстве системы органов и лиц, полномочия которых — вершить правосудие. Однако в рамках исторической перспективы не всегда разделялись понятия «судоустройство» и «судопроизводство». Так, согласно толковому словарю В. Даля, «судоустройство» — это узаконенный порядок суда или расправы⁶. Следовательно, принципиальная разница между устройством суда и производством в суде отсутствовала. Известно, что работа над данным словарем была начата в 1819 г., и сам этот факт является отличной иллюстрацией того, как постепенно в языке двум указанным терминам, ранее являвшимися фактически синонимами, стали придавать разные смыслы. Поскольку уже в 1832 г. в рамках Свода законов уголовных, законодательстве о судебной системе и судоустройстве, о гражданском и уголовном судопроизводстве законодатель осознанно говорит о судоустройстве и судопроизводстве как о разных правовых категориях.

² Савицкий В. М. Язык процессуального закона. М., 1987. С. 22.

³ Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. С. 67.

⁴ Алексеев С. С. Право (опыт комплексного исследования). М.: Статут, 1999. С. 46.

⁵ В данном случае речь идет о терминологии судоустройства как отрасли права, а не как науки.

⁶ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 3. С. 380.

Начиная с этого периода, а особенно после реформы 1864 г. и до наших дней, с разной степенью активности в разные периоды продолжают дискуссии о широте охвата, смысловых оттенках и уместности употребления данного термина.

Пожалуй, одной из первых послереволюционных работ, с приведением сравнительного анализа судостроительных и судопроизводственных начал, стала работа профессора В. А. Рязановского «Единство процесса», в котором он говорит о необходимости восприятия судостроительства в качестве самостоятельной единицы⁷.

С 1920-х гг. в учебных планах юридических вузов появилась и соответствующая учебная дисциплина «Судостроительство». Однако содержание курса скорее было нацелено на закрепление новых ценностей, революционных идей, критических размышлений по поводу буржуазной системы юстиции, нежели чем на анализ судебных учреждений новой страны. Н. В. Крыленко в своей работе «Судостроительство РСФСР» 1923 г. еще во вступительной части отмечает, что в учебных заведениях, в частности на Высших юридических курсах в Москве, чтение лекций происходит «с колес», наспех подготавливая темы к следующим встречам, не имея ни теоретических, ни практических ресурсов к качественному осмыслению происходящего. А сами по себе учебники и учебные пособия («подсобные справочники», как он сам их называет) являются стенограммами с непосредственно читаемых лекций перед студентами⁸.

В работе А. Я. Вышинского «Судостроительство в СССР» 1936 г.⁹ видна та же тенденция на установление скорее политической линии партии в вопросах организации судебной системы, нежели чем классический анализ судостроительных начал, не говоря уже о понятийном аппарате.

Вообще система советского судостроительства формировалась и развивалась на основе отрицания предыдущей, буржуазной по своей сущ-

ности, государственности и утверждения пролетарской государственности, что выразилось в сломе дореволюционной судебной системы, ликвидации практически всех ее звеньев. Безусловной обязанностью пролетарской революции было не реформировать судебные учреждения, а совершенно уничтожить, смести до основания весь старый суд и его аппарат. Эту необходимую задачу Октябрьская революция выполнила, и выполнила успешно¹⁰.

Примечательно, что в рамках доклада на Всесоюзном научном совещании работников права «О задачах науки советского социалистического права» А. Вышинский впервые за почти 20 лет после работы В. А. Рязановского вновь озвучил вопрос о необходимости судебного права, правда, рассматривая его исключительно исходя из судопроизводственного (процессуального) аспекта как объединение уголовного и гражданского процесса в своих общих частях и в теории доказательств¹¹.

Только к началу 40-х гг. появляются работы, посвященные непосредственно судостроительству как таковому. В учебнике М. С. Строговича «Уголовный процесс» 1946 г. представлено определение судостроительства как части судебного права, определяющего задачи и принципы правосудия и суда, а также организацию судебной системы¹².

В учебнике для юридических вузов 1948 г. Д. С. Карева под одноименным названием «Судостроительство» приводятся уже определения судостроительства как учебной дисциплины, отрасли права и науки. В частности, указывается, что законы, устанавливающие задачи, организацию и основные принципы деятельности суда и органов, помогающих ему в отправлении правосудия, образуют особую группу, особую отрасль права — судостроительство¹³.

В 60-е гг. учебная дисциплина «Судостроительство» стала именоваться «Организация суда и прокуратуры в СССР», в 70-е — «Суд и правосудие в СССР», ракурс с вопросов судостроительства как самостоятельной отрасли права сдвинулся в

⁷ Рязановский В. А. Единство процесса. М., 2005. С. 31.

⁸ Крыленко Н. В. Судостроительство РСФСР. М., 1923. С. 9–10.

⁹ Вышинский А. Я. Судостроительство в СССР. М.: Советское законодательство, 1936.

¹⁰ Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России. Т. 5. С. 12.

¹¹ Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права // Вопросы правоведения. 2009. № 1. С. 281.

¹² Строгович М. С. Уголовный процесс. М., 1946. С. 23.

¹³ Карев Д. С. Судостроительство. М., 1948. С. 5.

сторону названия отдельных судоустройственных актов и дальнейшего изучения процессуальных стандартов.

В 1983 г. вышла в свет известная работа «Проблемы судебного права», вновь привлекавшая внимание к проблемам терминологических и концептуальных взаимодействий между терминами «судоустройство» и «судопроизводство», объединяя их в концепцию судебного права. Особенно подчеркивалось, что отношения, регулируемые судоустройством, и те, которые регулируются процессуальным правом, имеют отличия по кругу их субъектов и по своему содержанию¹⁴. Понятия для терминов не формулируются, однако приводятся описательные характеристики: «судоустройственные отношения складываются в основном из прав и обязанностей совершения такого рода действий, которые нужны для лучшей организации правосудия, тогда как в судопроизводственные, процессуальные отношения входят права и обязанности совершения действий, нужных для разрешения конкретного дела»¹⁵.

В 1996 г. профессор В. М. Савицкий в работе «Организация судебной власти в Российской Федерации» назвал термин «судоустройство» корявым словом, появившимся в языке только по причине на редкость краткой первой части — «суд», и предлагал заменить его на термин «организация судебной власти»¹⁶. Представляется, что рассматриваемые термины всё же являются синонимами, а первый из них весьма краток, звучен и содержателен, что позволяет нам делать вывод о его уместности и широкой употребимости.

В настоящее время легальное закрепление термина «судоустройство» отсутствует, хотя на доктринальном уровне существует.

В целом судоустройственная терминология была связана в первую очередь с наименованием судов, что определялось либо их компетенцией, либо территорией деятельности (сотские, городские, уездные, надворные, волостные суды, а впоследствии — общие судебные места, окружные суды и т.п.).

В советской судебной системе, где основным звеном являлись районные (городские) народные суды, названия судов имели и политический характер и соответствовали судебной политике государства. В истории остались квазисудебные органы специальной юрисдикции — Административная комиссия НКВД, Судебная коллегия ОГПУ, а также трибуналы всех мастей, получившие свое широкое распространение. Чуть подробнее остановимся на них.

Само по себе слово «трибунал» (происходит от латинского *tribunal* — судилище) — это чрезвычайные судебные органы, так или иначе противопоставленные регулярным судам общей юрисдикции. Самыми первыми из них стали революционные трибуналы (1917–1922)¹⁷.

Великий русский писатель Иван Бунин в «Окаянных днях» пишет, что от таких слов, как «революционный трибунал», ощущается боль в сердце. И почему именно трибунал, а не просто суд? Все потому, что под защитой таких священно-революционных слов можно смело шагать «по колено в крови»¹⁸. Известно, что произведение «Окаянные дни» — это, по существу, дневниковые заметки дней 1918–1920-х гг., которые проживал автор и выражал свое мнение о происходящих вокруг событиях.

Но справедливости ради нужно отметить, что в те годы и среди самих работников судебной системы не было уверенности относительно необходимости существования трибуналов как квазисудебных органов. Так, в «Еженедельнике советской юстиции» за 29 января 1922 г. отражена стенограмма Всероссийского съезда деятелей юстиции. Тот же Николай Васильевич Крыленко, указанный выше как автор учебника «Судоустройство», помимо преподавательской работы, занимал должность председателя Верховного Трибунала при ВЦИК РСФСР¹⁹ и предлагал «упразднение всех трибуналов, слияние их с органами народного суда в форме суда первой инстанции при совнарсуде, с оставлением функций военного и транспортного отделений, с правом применения высшей меры наказания и установлением единого централь-

¹⁴ Полянский Н. Н., Строгович М. С., Савицкий В. М., Мельников А. А. Проблемы судебного права. М., 1983. С. 31.

¹⁵ Полянский Н. Н., Строгович М. С., Савицкий В. М., Мельников А. А. Указ. соч. С. 33.

¹⁶ Савицкий В. М. Организация судебной власти в Российской Федерации. М., 1996. С. 1.

¹⁷ Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 1222.

¹⁸ Бунин И. А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1996. С. 120.

¹⁹ Позже занимал должность прокурора РСФСР, руководителя Народного комиссариата юстиции РСФСР, а затем СССР. Расстрелян в 1938 г.

ного судебного органа, объединяющего кассационную деятельность совнарсудов, а для дел высшей подсудности являющегося кассационной инстанцией»²⁰. Такое выступление вызвало эмоциональную дискуссию и такие страстные дебаты, что вынуждены были объявить в заседании съезда перерыв.

11 ноября 1922 г. ВЦИК утвердил Положение о судостроительстве РСФСР, которое ликвидировало раздвоение советской юстиции на народные суды и ревтрибуналы. Система трибуналов, за исключением военных, отменялась²¹.

Военные трибуналы, оставшись с 1922 г., просуществовали ровно 70 лет, вплоть до 1992 г., когда они были преобразованы в военные суды и вошли в единую судебную систему. Многие граждане до сих пор используют слово «трибунал» в своей повседневной речи.

Советскому законодателю не были известны термины «правовой статус судей», «судьи — носители судебной власти», «органы судейского сообщества», «органы обеспечения деятельности суда» и др.

В 90-е гг. XX в. популярной стала идея возвращения терминов, которые, казалось, канули в лету. Так, структурные подразделения некоторых судов стали вновь называться не коллегиями, а палатами: кассационная палата Верховного Суда РФ, палаты Конституционного Суда РФ (в настоящее время в современных редакциях соответствующих федеральных конституционных законов законодатель вновь отошел от употребления термина «палата», заменив его на «коллегию» либо совсем ликвидировав). Появились судебные присутствия (органы арбитражных судов, а ныне и судов общей юрисдикции, являющиеся постоянно действующими сессиями в отдаленных территориях); судебные приставы (в СССР — исполнители); на смену народным заседателям пришли присяжные заседатели. Ярким примером является возрождение мировой юстиции с тем же наименованием, что и в XIX в.

Итак, судостроительственная терминология имеет как исторические, так и политические корни и, как и в других отраслях права, соответствует определенному периоду развития государства и общества: появляются новые

термины; ликвидируются или заменяются устаревшие понятия; на новую правовую почву возвращаются «старые» термины, приобретшие новое содержание.

В судостроительстве, как и в иных отраслях права, можно выделить базовые термины (фундаментальные, сквозные, определяющие) и производные, раскрывающие и дополняющие основные дефиниции.

К базовым, основополагающим терминам судостроительства относятся понятия судебной системы, звена судебной системы, судебной инстанции, статуса судей, каждый из которых имеет свои элементы и содержание.

Обратимся к некоторым базовым понятиям российского судостроительства, наиболее значительным из которых является «судебная система».

Некоторые авторы говорят о необходимости разработки учения о судебной системе как о специфической, многоаспектной разновидности общественных, в том числе правовых связей и отношений; важнейшем самостоятельном и независимом элементе аппарата государственной власти, а также об особом средстве разрешения социальных, политических, экономических конфликтов на основе норм права²².

Законодатель ни в одном из судостроительных или иных нормативных актов не приводит понятия «судебная система». В Конституции РФ и Федеральном конституционном законе «О судебной системе в РФ» закрепляется, что судебная система устанавливается Конституцией и федеральным конституционным законом.

Что касается науки судостроительства, то в рамках многочисленных работ, посвященных организации судебной власти, можно увидеть различные определения судебной системы, в большинстве своем содержащие термин «совокупность». Так, по мнению В. П. Божьева, судебная система РФ представляет собой совокупность действующих судебных органов, образованных в установленном Конституцией порядке, осуществляющих функции судебной власти, объединенных общностью задач, основ построения и организации деятельности, с учетом федеративного и административно-

²⁰ Славин И. На съезде // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 5. С. 2.

²¹ URL: www.suprcourt.ru (дата обращения: 06.04.2022).

²² Колоколов Н. А., Павликов С. Г. Теория судебных систем: особенности конституционного регулирования, судебного строительства и судебной деятельности в федеративном государстве. М. : Юрлитинформ, 2007. С. 8.

территориального устройства Российской Федерации²³.

Через совокупность судов определяет судебную систему и Ю. К. Орлов: созданные на основании Конституции РФ и уполномоченных посредством конституционного, гражданского, административного, уголовного и арбитражного судопроизводства в пределах своей компетенции осуществлять судебную власть²⁴.

Сходным образом определяет судебную систему и В. М. Семенов: установленная Конституцией РФ и Федеральным конституционным законом «О судебной системе РФ» совокупность всех действующих в РФ судов, организованных на демократических принципах с учетом федеративного устройства и территориального деления страны²⁵.

Термин «совокупность» предполагает не просто перечисление или сумму судов, а их объединенность и взаимодействие, что, по существу, и представляет собой систему.

Система начинается тогда, когда она объединяет элементы, которые так взаимодействуют между собой, что сообщают системе объективно необходимое ей свойство целостности²⁶.

«Под системой, — отмечает С. А. Комаров, — понимается сложноорганизованное целое, включающее отдельные элементы, объединенные разнообразными связями и взаимоотношениями»²⁷.

В литературе также можно встретить мнение о необходимости разграничения понятий «судебная система» и «система судов», где понятие «судебная система» воспринимается как имеющее в своей структуре в качестве составных элементов сами суды, органы судебного сообщества, судебный департамент при Верховном Суде РФ, Российский государственный университет правосудия. А понятие «система судов» предлагается воспринимать и как элемент данной системы, имеющий собственное наполнение и собственные структурные составляющие, связанные непосредственно с судами²⁸. Представляется, что такая точка зрения также не лишена смысла, поскольку в ст. 29 и 30 Федерального конституционного закона «О судебной системе» содержатся положения

об органах судебного сообщества и обеспечении деятельности судов.

Таким образом, термин «судебная система» является для судоустройства одним из ключевых, раскрывающим сразу несколько иных взаимосвязанных понятий, однако до сих пор так и не нашедший своего легального закрепления.

Подобно понятию «судебной системы» законодатель не дает и другую принципиальную дефиницию «суды общей юрисдикции».

Федеральный конституционный закон «О судах общей юрисдикции в РФ» в ст. 4 определяет их положение через рамки компетенции: суды общей юрисдикции осуществляют правосудие, разрешая споры и рассматривая дела, отнесенные к их компетенции, посредством гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Они рассматривают:

- 1) все гражданские и административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов, за исключением дел, которые в соответствии с законодательством РФ рассматриваются другими судами;
- 2) все уголовные дела;
- 3) все иные дела, отнесенные Конституцией РФ и другими законами к их ведению.

Отсутствует в законе и термин «территориальные суды», который мог бы объединить в сокращенном виде перечисление большинства судебных органов данной подсистемы судов — верховные суды республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов, районные, городские, межрайонные суды и мировые судьи, за исключением военных судов.

Кроме того, появление в рамках судебной системы апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции еще больше обострило необходимость терминологического единства, поскольку их учреждение и деятельность связана с экстерриториальным принципом, не опирающимся на границы муниципальных образований или субъектов РФ.

В данной связи возникает вопрос и о терминологическом пробеле дефиниции «специализированные суды».

²³ Правоохранительные органы России / под ред. В. П. Божьева. М. : Юрайт, 2011. С. 59.

²⁴ Правоохранительные органы / под ред. Ю. К. Орлова. М. : Проспект, 2011. С. 161.

²⁵ Правоохранительные органы РФ / под ред. В. М. Семенова. М. : Норма, 2007. С. 31.

²⁶ Сорокин В. Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс. СПб., 2003. С. 16.

²⁷ Комаров С. А. Общая теория государства и права. М., 1997. С. 271.

²⁸ Правоохранительные органы Российской Федерации / под ред. В. М. Бозрова. М. : Юрайт, 2021. С. 86.

В период активного обсуждения судебной реформы высказывались многочисленные предложения о создании в России специализированных судов, занимающихся рассмотрением отдельных категорий дел. В рамках Федерального конституционного закона «О судебной системе» была учтена норма о возможности создания специализированных судов по гражданским и административным делам.

Некоторые идеи были воплощены в законопроекты и прошли довольно длительный этап парламентских согласований. Так, например, были рассмотрены законопроекты об административных и ювенальных судах, предложения юридической общественности о создании трудовых и патентных судов. Однако ни один из представленных законопроектов так и не стал законом. В качестве компромиссного варианта в структуре областных и соответствующих судов, окружных/флотских военных судов, Верховного Суда РФ, а в последующем и в образованных апелляционных и кассационных судах общей юрисдикции, апелляционном и кассационном военных судах были созданы судебные коллегии по административным делам.

В соответствии с п. 3 ст. 4 Федерального конституционного закона «О судебной системе РФ» к федеральным судам относятся военные и специализированные суды, составляющие систему федеральных судов общей юрисдикции. Аналогичная норма содержится и в ст. 1 Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в РФ», в которой военные и специализированные суды не объединены, а указаны в разных подпунктах. Следовательно, законодатель в рамках данного законодательного акта не относит военные суды к специализированным судам.

Иной подход мы видим в ГПК РФ, статья 25 которого имеет название «Гражданские дела, подсудные военным судам и иным специализированным судам» — такая формулировка, по сути, ставит военные и специализированные суды в один ряд, не отделяя друг от друга.

Аналогичную проблему можно отметить и относительно Суда по интеллектуальным правам. Так, в ст. 3 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в РФ» указано, что систему арбитражных судов состав-

ляют арбитражные суды округов, арбитражные апелляционные суды, арбитражные суды первой инстанции, а также специализированные арбитражные суды (с употреблением формы множественного числа). А в статье 43.2 этого же закона дается прямое разъяснение, что Суд по интеллектуальным правам является специализированным арбитражным судом. В статье 34 АПК РФ разъяснений по поводу специализации Суда по интеллектуальным правам уже не приводится, сразу идет переход к описанию его подсудности.

Таким образом, на сегодняшний день в России существует только один специализированный суд — Суд по интеллектуальным правам.

Описанная разница в законодательном слоге не способствует единству толкования и унификации представлений о понятийном аппарате судостроительства.

Не менее важным понятием для российского судостроительства является понятие звена судебной системы, дефиниция которого также отсутствует в законодательстве.

Термин «звено» в судостроительственной науке обычно используется для описания многоуровневости судебной системы, при которой суды одного уровня имеют одинаковую структуру и компетенцию, а разграничение подсудности происходит на основе принципа территориальной юрисдикции.

В литературе с советских времен не произошло кардинальных перемен в понимании данного термина. Например, в работе 1984 г. В. М. Семенов определяет звено как совокупность однотипных судов равнозначных территориальных образований или судов, уравненных между собой с учетом особенностей национально-территориального устройства страны²⁹.

Н. А. Колоколов определяет звено как «элемент судебной системы»³⁰. Под звеном судебной системы понимают и группу однородных судов, действующих на равнозначных территориях и наделенных равнозначными полномочиями³¹, или группы судов, которые отличаются друг от друга пределами их юрисдикции и компетенции³². В. П. Божьев указывает, что понятие звена судебной системы определяется кругом полномочий и обязанностей, предоставленных тем или иным судеб-

²⁹ Семенов В. М. Суд и правосудие в СССР. М., 1984. С. 73.

³⁰ Колоколов Н. А. О праве, суде и правосудии. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2006. С. 687.

³¹ Правоохранительные органы / под ред. Ю. К. Орлова. С. 163.

³² Гусев А. В., Петухов Н. А. Организация деятельности судов. М. : Норма, 2005. С. 19.

ным органам, и характером выполняемых ими функций³³.

Связь звеньев судебной системы является важнейшим системообразующим фактором, что вытекает из положений процессуального законодательства, которым предусмотрено обжалование судебных актов нижестоящих судов в вышестоящие суды. В этом проявляется связь звеньев судебной системы и судебных инстанций.

Здесь также необходимо рассмотреть и термин «территориальная подсудность», который означает распределение дел между судами одного звена судебной системы. Однотипность однозвенных судов состоит в равнозначной территориальной дислокации, составе, структуре и компетенции. Под компетенцией в данном случае понимаются как территориальная подсудность (категории дел, которые рассматривает суд именно этого звена), так и судебные инстанции (судебные полномочия)³⁴.

Понятие «звена» и «инстанции» тесно соприкасаются друг с другом, однако представляют собой разные категории. Традиционно принято считать, что понятие «судебной инстанции» является скорее процессуальным, нежели судоустройственным — разновидность судебной деятельности, исходящей из целей разбирательства дел в конкретной инстанции³⁵.

Сам по себе термин «инстанция» не был широко применим в дореволюционной России. В рамках читаемых курсов по русскому гражданскому судопроизводству лекторы использовали термин «степень», например «суды первой степени», «суды второй степени»³⁶.

Сразу после революции в рамках Декрета № 1 «О суде» произошел отказ от апелляции и устанавливалось, что дело разрешает по существу только суд первой инстанции, решение которого может быть обжаловано в кассационном порядке³⁷, а также введен в обиход термин «инстанция», без употребления слова «степень».

Не останавливаясь подробно на определениях судебных инстанций, которые дают в науке гражданского, уголовного и арбитражного процесса, а также в работах о судоустройстве,

следует заметить, что процессуальные кодексы определяют инстанцию описательно через термин «суд» (например, «производство в суде первой инстанции», «производство в суде второй инстанции» — разд. IX и XIII УПК РФ). В целом же дефиниция «судебная инстанция» в законодательстве как процессуальном, так и в судоустройственном отсутствует.

Следуя логике рассуждения, переходя в своем анализе от крупных понятий к более частным, рассмотрим следующую группу терминов: судебный участок, судебный район, судебный округ, арбитражный судебный округ, апелляционный и кассационный округ, судебные присутствия — все они имеют отношение к территории деятельности судов.

Судебный участок характеризует территорию деятельности исключительно мирового судьи с численностью населения от 15 тыс. до 23 тыс. человек.

Судебный район — территория деятельности федерального районного суда. Районный суд создается федеральным законом в судебном районе, территория которого охватывает территорию одного района, города или иной соответствующей им административно-территориальной единицы субъекта РФ. Районный суд может быть создан также в судебном районе, территория которого охватывает имеющие общие (смежные) границы территории нескольких районов или иных соответствующих им административно-территориальных единиц субъекта РФ.

Арбитражный судебный округ — территория деятельности федеральных арбитражных судов округов, объединяющая несколько субъектов РФ.

По экстерриториальному принципу образованы кассационные и апелляционные суды общей юрисдикции: границы судебных округов не совпадают с административно-территориальным делением государства. В территориальную юрисдикцию каждого кассационного суда общей юрисдикции входят от 7 до 13 субъектов, а в юрисдикцию апелляционного суда общей юрисдикции — от 14 до 21 субъекта³⁸.

³³ Правоохранительные органы России / под ред. В. П. Божьева. С. 63.

³⁴ Правоохранительные органы Российской Федерации / под ред. В. М. Бозрова. С. 91.

³⁵ Правоохранительные органы / под ред. Ю. И. Скуратова. М., 1998. С. 27.

³⁶ См.: Гражданский процесс: хрестоматия. М., 2005. С. 625, 631.

³⁷ Клейнман А. Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. М., 1967. С. 97.

³⁸ Правоохранительные органы Российской Федерации / под ред. В. М. Бозрова. С. 90.

Судебные присутствия — обособленные подразделения арбитражных судов субъектов РФ вне места постоянного пребывания этих судов, осуществляющие их полномочия.

Несмотря на то что описательно сформулировать определения данных понятий возможно, однако единые законодательные дефиниции отсутствуют.

Вопросы отсутствия универсальных подходов к толкованию часто связаны не только с сугубо теоретическими проблемами, но также находят свое отражение и в практическом, правоприменительном аспекте.

Проблема недостаточной терминологической разработки актуальна и в отношении функциональных подразделений внутри судов. К примеру, рассмотрим термин «президиум суда». В отсутствие легального определения данного понятия его значение раскрывается в юридической литературе, энциклопедиях и справочниках. Так, в частности, можно отметить формулировки, которые указывают, что президиум — это коллегиальный орган³⁹, структурное образование⁴⁰, судебная инстанция⁴¹ в составе областных и соответствующих судов и Верховного Суда РФ, рассматривающая дела в порядке надзора.

В настоящее время такие формулировки являются устаревшими, поскольку областные и соответствующие суды более в кассационном порядке и в порядке надзора дела не пересматривают, эти функции переданы соответственно кассационным судам общей юрисдикции и Верховному Суду РФ. Однако участники судопроизводства в поиске надлежащих средств защиты получают ложную информацию и не имеют возможности найти единый достоверный источник. Статья 6 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде РФ» дает информацию только о составе Президиума, периодичности проведения заседаний и кворуме для принятия постановлений.

Отсутствует и легальная дефиниция понятия «пленум». Слово «пленум» (от лат. *Plenum* — полное) означает собрание в полном составе членов выборного руководящего органа какой-либо организации или суда⁴². Принято считать, что пленумом называют общее собрание су-

дей Верховного Суда РФ, обладающее правом официального толкования законов и судебной практики. Однако поддержки данного доктринального определения в законодательстве не содержится. Аналогично положениям о Президиуме, статья 5 того же Федерального конституционного закона указывает только на состав и полномочия, предоставленные Пленуму. В разговорном языке были более известны сочетания «Пленум ЦК КПСС» и «Пленум ЦК ВЛКСМ», впрочем, как и «Пленум Верховного Суда СССР» и «пленумы верховных судов союзных республик».

Фактически как относительно понятия «президиум», так и понятия «пленум» речь идет о структуре суда, наличии специальных функциональных подразделений, что взаимосвязано с определением и иных структурных подразделений, а также четким разграничением понятий «состав суда» и «судебный состав», первое из которых является понятием судостроительным, а второе — судопроизводственным.

Согласно ст. 3 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде РФ» Верховный Суд РФ действует в следующем составе: Пленум, Президиум, Апелляционная коллегия, судебная коллегия по административным делам, судебная коллегия по гражданским делам, судебная коллегия по уголовным делам, судебная коллегия по экономическим спорам, судебная коллегия по делам военнослужащих, дисциплинарная коллегия.

Однако в уголовно-процессуальном законодательстве под составом суда понимаются лица, рассматривающие судебные дела коллегиально или единолично. Так, в соответствии со ст. 30 «Состав суда» УПК РФ, в суде первой инстанции уголовные дела рассматриваются в составе судьи федерального суда общей юрисдикции; судьи областного и соответствующего суда; судьи районного суда (гарнизонного военного суда) и коллегии из шести присяжных заседателей; коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции; мировым судьей.

Представляется, что в данном случае нужно говорить скорее о «судебном составе», одной из процессуальных характеристик определенной судебной инстанции.

³⁹ Кураков Л. П., Кураков В. Л., Кураков А. Л. Экономика и право : словарь-справочник. М. : Вуз и школа, 2004.

⁴⁰ Конституционное право : энциклопедический словарь / под ред. С. А. Авакьян. М. : Норма, 2001. С. 160.

⁴¹ URL: www.dic.academic.ru (дата обращения: 06.04.2022).

⁴² Сухарев А. Я., Крутских В. Е. Большой юридический словарь. М. : Инфра-М, 2003.

Вариантом решения терминологических пробелов, разночтений, коллизий и отсутствия единых подходов к пониманию судоустройственных начал, мог бы стать единый судоустройственный кодекс, который, помимо ликвидации дублирования законодательного материала, объединил бы в своем тексте всю необходимую терминологию, понятийный аппарат, который в настоящее время фактически отсутствует.

Кроме общих положений, обычно присутствующих в каждом кодифицированном акте, в судоустройственном кодексе мог бы быть представлен раздел о судебной системе, правовом статусе судей, органах судейского сообщества и глава по организационному обеспечению дея-

тельности суда, и вместо разрозненных законодательных актов, предстать в виде единого федерального судоустройственного кодекса.

Таким образом, исследование вопросов понятийного аппарата российского судоустройства позволяет сделать следующие выводы:

- 1) базовые и производные дефиниции судоустройства практически отсутствуют в текстах нормативных правовых актов;
- 2) одни и те же термины употребляются в разных значениях;
- 3) не разработан четкий категориальный аппарат, который необходим для любой отрасли права;
- 4) необходимо принятие единого судоустройственного кодекса.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Право (опыт комплексного исследования). — М. : Статут, 1999.
2. Большой энциклопедический словарь. — М., 1998.
3. Бунин И. А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. — М., 1996.
4. Вышинский А. Я. Судоустройство в СССР. — М. : Советское законодательство, 1936.
5. Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права. — Екатеринбург, 1997.
6. Гражданский процесс : хрестоматия. — М., 2005.
7. Гусев А. В., Петухов Н. А. Организация деятельности судов. — М., 2005.
8. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. — М., 1994.
9. Карев Д. С. Судоустройство. — М., 1948.
10. Клейнман А. Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. — М., 1967.
11. Колоколов Н. А. О праве, суде и правосудии. — М., 2006.
12. Колоколов Н. А., Павликов С. Г. Теория судебных систем: особенности конституционного регулирования, судебного строительства и судебной деятельности в федеративном государстве. — М., 2007.
13. Комаров С. А. Общая теория государства и права. — М., 1997.
14. Конституционное право : энциклопедический словарь / под ред. С. А. Авакьян. — М. : Норма, 2001.
15. Крыленко Н. В. Судоустройство РСФСР. — М., 1923.
16. Кураков Л. П., Кураков В. Л., Кураков А. Л. Экономика и право : словарь-справочник. — М. : Вуз и школа, 2004.
17. Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семизин Г. Ю. Судебная власть в России. Т. 5. — М., 2003.
18. Полянский Н. Н., Строгович М. С., Савицкий В. М., Мельников А. А. Проблемы судебного права. — М., 1983.
19. Правоохранительные органы России / под ред. В. П. Божьева. — М., 2011.
20. Правоохранительные органы Российской Федерации / под ред. В. М. Бозрова. — М., 2021.
21. Правоохранительные органы РФ / под ред. В. М. Семенова. — М., 2007.
22. Правоохранительные органы / под ред. Ю. И. Скуратова. — М., 1998.
23. Правоохранительные органы / под ред. Ю. К. Орлова. — М., 2011.
24. Рязановский В. А. Единство процесса. — М., 2005.
25. Савицкий В. М. Организация судебной власти в Российской Федерации. — М., 1996.
26. Савицкий В. М. Язык процессуального закона. — М., 1987.
27. Семенов В. М. Суд и правосудие в СССР. — М., 1984.
28. Сорокин В. Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс. — СПб., 2003.
29. Строгович М. С. Уголовный процесс. — М., 1946.
30. Сухарев А. Я., Крутских В. Е. Большой юридический словарь. — М. : Инфра-М, 2003.
31. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. — М., 2012.

Материал поступил в редакцию 6 апреля 2022 г.

REFERENCES

1. Alekseev SS. Pravo (opyt kompleksnogo issledovaniya) [Law (experience of complex research)]. Moscow; 1999. (In Russ.).
2. Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar [A large encyclopedic dictionary]. Moscow; 1998. (In Russ.).
3. Bunin IA. Okayannyye dni. Vospominaniya. Stati [Cursed days. Memories. Papers]. Moscow; 1966. (In Russ.).
4. Vyshinskiy AY. Sudoustroystvo v SSSR [The judicial system in the USSR]. Moscow: Sovetskoe zakonodatelstvo; 1936. (In Russ.).
5. Golovina SYu. Ponyatiynyy apparat trudovogo prava [The conceptual apparatus of labor law]. Ekaterinburg; 1997. (In Russ.).
6. Grazhdanskiy protsess: khrestomatiya [Civil procedure: A textbook]. Moscow; 2005. (In Russ.).
7. Gusev AV, Petukhov NA. Organizatsiya deyatelnosti sudov [Organization of the activity of courts]. Moscow; 2005. (In Russ.).
8. Dal V. Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Vol. 3. Moscow; 1994. (In Russ.).
9. Karev DS. Sudoustroystvo [Judicial system]. Moscow; 1948. (In Russ.).
10. Kleyman AF. Noveyshie techeniya v sovetskoj nauke grazhdanskogo protsessualnogo prava [The latest trends in the Soviet science of civil procedural law]. Moscow; 1967. (In Russ.).
11. Kolokolov NA. O prave, sude i pravosudii [About law, court and justice]. Moscow; 2006. (In Russ.).
12. Kolokolov NA, Pavlikov SG. Teoriya sudebnykh sistem: osobennosti konstitutsionnogo regulirovaniya, sudebnogo stroitelstva i sudebnoy deyatelnosti v federativnom gosudarstve [Theory of judicial systems: features of constitutional regulation, judicial construction and judicial activity in a federal state]. Moscow; 2007. (In Russ.).
13. Komarov SA. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava [General theory of state and law]. Moscow; 1997. (In Russ.).
14. Avakyan SA, editor. Konstitutsionnoe pravo: entsiklopedicheskiy slovar [Constitutional law: An encyclopedic dictionary]. Moscow: Norm; 2001. (In Russ.).
15. Krylenko NV. Sudoustroystvo RSFSR [The judicial system of the RSFSR]. Moscow; 1923. (In Russ.).
16. Kurakov LP, Kurakov VL, Kurakov AL. Ekonomika i pravo: slovar-spravochnik [Economics and Law: Reference Book]. Moscow: Vuz i shkola Publ.; 2004. (In Russ.).
17. Kutafin OE, Lebedev VM, Semigin GYu. Sudebnaya vlast v Rossii [Judicial Power in Russia]. Vol. 5. Moscow; 2003. (In Russ.).
18. Polyansky NN, Strogovich MS, Savitskiy VM, Melnikov AA. Problemy sudebnogo prava [Problems of judicial law]. Moscow; 1983. (In Russ.).
19. Bozhev VP, editor. Pravookhranitelnye organy Rossii [Law enforcement agencies of Russia]. Moscow; 2011. (In Russ.).
20. Bozrov VM, editor. Pravookhranitelnye organy Rossiyskoy Federatsii [Law enforcement agencies of the Russian Federation]. Moscow; 2021. (In Russ.).
21. Semenov VM, editor. Pravookhranitelnye organy Rossiyskoy Federatsii [Law enforcement agencies of the Russian Federation]. Moscow; 2007. (In Russ.).
22. Skuratov Yul, editor. Pravookhranitelnye organy [Law enforcement agencies]. Moscow; 1998. (In Russ.).
23. Orlov YuK. Pravookhranitelnye organy [Law enforcement agencies]. Moscow; 2011. (In Russ.).
24. Ryazanovskiy VA. Edinstvo protsessa [Unity of the process]. Moscow; 2005. (In Russ.).
25. Savitskiy VM. Organizatsiya sudebnoy vlasti v Rossiyskoy Federatsii [Organization of judicial power in the Russian Federation]. Moscow; 1996. (In Russ.).
26. Savitskiy VM. Yazyk protsessualnogo zakona [The language of the procedural law]. Moscow; 1987. (In Russ.).
27. Semenov VM. Sud i pravosudie v SSSR [Court and justice in the USSR]. Moscow; 1984. (In Russ.).
28. Sorokin VD. Pravovoe regulirovanie: predmet, metod, protsess [Legal regulation: Subject, method, process]. St. Petersburg; 2003. (In Russ.).
29. Strogovich MS. Ugolovnyy protsess [Criminal Procedure]. Moscow; 1946. (In Russ.).
30. Sukharev AY, Krutskikh VE. Bolshoy yuridicheskiy slovar [A large legal dictionary]. Moscow: Infra-M; 2003. (In Russ.).
31. Cherdantseva AF. Logiko-yazykovye fenomeny v yurisprudentsii [Logical and linguistic phenomena in jurisprudence]. Moscow; 2012. (In Russ.).

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

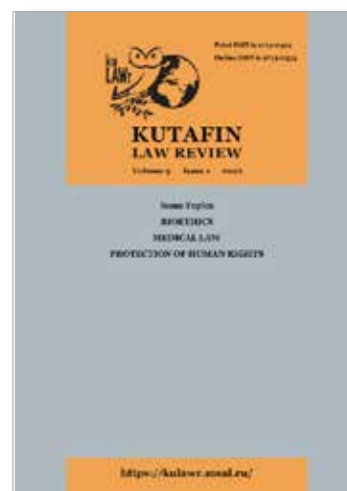
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит два раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков, а также студентов и аспирантов. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex Russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008